

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ВОПРОСЫ
ЖУРНАЛИСТИКИ,
ПЕДАГОГИКИ,
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

**ISSUES
IN JOURNALISM,
EDUCATION,
LINGUISTICS**

16+

Том 40, № 2

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2021. Том 40, № 2

Ранее журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки».

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языкознание, 13.00.00 – педагогические науки). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Прохорова О.Н., доктор филологических наук, профессор, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ведущий редактор

Ерошенкова Е.И., кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Заместители главного редактора:

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)
Ирхин В.Н., доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики физической культуры педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)
Багана Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных

Ответственный секретарь

Тарасова С.И., кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Члены редколлегии:

Александрова О.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, (г. Москва, Россия)
Асташова Н.А., профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой художественного воспитания Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского (г. Брянск, Россия) отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)
Белозерцев Е.П., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной педагогики Воронежского государственного педагогического университета (г. Воронеж, Россия)

Дускаева Л.Р., профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель комиссии медиалингвистики при Международном комитете славистики (г. Санкт-Петербург, Россия)
Ермаков С.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры физического воспитания Харьковской государственной академии дизайна и искусств (г. Харьков, Украина)
Жиро К., доктор философии, профессор Барселонского Автономного университета, директор Департамента средств массовой информации, коммуникации и культуры (г. Барселона, Испания)
Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия)
Людвиг Х., доктор философии, профессор института педагогики Вестфальского университета им. Вильгельма (г. Мюнстер, Германия)
Нагорный И.А., доктор филологических наук, профессор института иностранных языков Цзилиньского университета, профессор (г. Чанчунь, Китай)
Перси У., доктор филологии, профессор Университета Бергамо (г. Бергамо, Италия)
Подымова Л.С., профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой психологии образования Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия)
Полонский А.В., профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)
Порхомовский В.Я., профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, (г. Москва, Россия)
Пстыга А., профессор, доктор филологии, заведующий кафедрой русского языка и перевода Гданьского университета (г. Гданьск, Польша)
Риё Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и литературы Университета София Антиполис, (г. Ницца, Франция)
Стоянова Е.В., профессор, доктор филологии, заведующий кафедрой русского языка Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского, (г. Шумен, Болгария)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Котенко. Корректур, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Iprast. Уч.-изд. л. 12,7. Дата выхода 30.06.2021. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

- 153 **Жихарева Н.А., Яковлева Е.П.**
Речевые средства реализации ориентирующего воздействия в англо- и русскоязычном политическом дискурсе телевизионного ток-шоу
- 163 **Перси У., Полонский А.В., Осипова Е.А.**
«Вызов интеллигента»: личность и мировоззренческий опыт Д.С. Лихачева – ученого, публициста, общественного деятеля
- 175 **Саенкова-Мельницкая Л.П.**
Ценностно-оценочные принципы в кинокритике
- 184 **Самойленко Н.С., Кушнир К.И.**
Онлайн-интервью как новый востребованный жанр журналистики в период самоизоляции
- 191 **Шлык Е.В.**
Интерпретация императивной ситуации в дискурсе социальной рекламы

ПЕДАГОГИКА

- 198 **Анпилогова Т.Ю.**
Формы организации историко-краеведческой деятельности студенчества в системе вуза с начала 1930-х до середины 1950-х гг. (на материале Ворошиловградской области УССР)
- 209 **Безрукова Е.И., Колесников А.А.**
О качестве обучения немецкому языку как второму (daz) в школах Германии
- 219 **Сылка С.И.**
Физкультурно-рекреативная деятельность по профилактике девиантного поведения обучающихся в профессиональных образовательных организациях

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 227 **Багана Ж., Глебова Я. А., Шейфель Н.А.**
Нуши как социолингвистический феномен: определение статуса
- 234 **Бушуева Л.А.**
Эвфемистическая репрезентация поступка «измена» в русской лингвокультуре
- 246 **Кэюнь Доу**
К проблеме русского заимствования в юридическом китайском языке и перевода юридических словарей
- 253 **Мухин С.В.**
Фразообразовательный потенциал древнеанглийских соматизмов
- 264 **Нагорный И.А.**
Русские частицы и субъективная модализация информации
- 271 **Польщикова А.К., Польщикова О.Н., Деев А.В., Пойменова А.С.**
Функционально-семантическая и прагматическая роль цветowych номинаций в организации поэтического дискурса (на примере стихотворений Э. Паунда о женщинах)
- 280 **Стефанчиков И.В.**
Местоимения vos и tú в испанском языке Монтевидео: восприятие носителей (на материале корпуса устной речи PRESEEA).
- 292 **Стрельцов А.А.**
Определение статуса внутриязыкового перевода в XXI веке

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS

2021. Volume 40, No. 2

Previously magazine was published under the title "Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities series".

Founded in 1995

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (10.01.00 – literary criticism, 10.02.00 – linguistics, 13.00.00 – pedagogical sciences). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИИЦ).

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelGU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Prokhorova O. N., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Intercultural Communication and International Relations (Belgorod, Russia)

Commissioning editor

Eroshenkova, E.I., Associated Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Deputies of chief editor:

Prohorova, O.N., Director of Institute of Intercultural Communication and International Relations, Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Korochensky, A.P., Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Irkhin, V.N., Professor of Department of Pedagogy, Doctor of Pedagogical Sciences, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Baghana, J., Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Doctor of Philology, Professor of National University «BelSU» (Belgorod, Russia)

Executive secretary

Tarasova, S.I., Associated Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Members of Editorial Board:

Aleksandrova, O.V., Head of the Department of English linguistics of the philological faculty of Lomonosov Moscow state University, doctor of philological Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Astashova, N.A., Head of the Department of Art Education of the Bryansk State University named after I.G. Petrovsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Bryansk, Russia)

Belozertsev, E.P., Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of General and Social Pedagogy, Voronezh State Pedagogical University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Voronezh, Russia)

Duskaeva, L.R., Professor, doctor of Philology, head of the Department of media linguistics of the Higher school of journalism and mass communications of Saint Petersburg state University (Saint Petersburg, Russia), head of the Commission of media linguistics under the International Committee of Slavistics

Ermakov, S.S., Professor of the Department of Physical Education of Kharkov State Academy of Design and Arts, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Kharkov, Ukraine)

Giro, X., Ph. D., Professor of the Barcelona Autonomous University, Director of the Department of Media, Communication and Culture (Barcelona, Spain)

Isaev, I.F., Head of Department of Pedagogics Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Ludwig, H., professor of The University of Münster, doctor of philosophy (Muenster, Germany)

Nagorny, I.A., professor of the Institute of Foreign Languages of Jilin University, Doctor of Philology, Professor (Changchun, China)

Persi U., Doctor of Philology, Professor University of Bergamo (Bergamo, Italy)

Podymova, L.S., Head of the Department of Psychology of Education, Moscow State Pedagogical University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Polonskiy, A.V., Head of the Department of Journalism of Belgorod National Research University, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russia)

Porkhomovsky, V.Y., Chief Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)

Pstyga, A., Professor, doctor of Philology, head of the Department of Russian language and translation studies at the University of Gdansk (Gdansk, Poland)

Rieu, J., Professor of the Department of French Language and Literature, University of Sofia Antipolis, Professor, Doctor of Philology (Nice, France)

Stoyanova, E.V., Head of the Department of Russian Language of Shumen University. named after bishop Konstantin Preslavsky, Doctor of Philology, Professor (Shumen, Bulgaria)

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage. Certificate of registration of mass media ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor L.P. Kotenko. Pag Proofreading, computer imposition O.G. Tomusyak. Page layout by P.V. Goleusov. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 12.7. Date of publishing 30.06.2021. The layout was pre-pared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

CONTENTS

JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

- 153 **Zhikhareva N.A., Yakovleva E.P.**
Speech means of implementing orienting influence in English and Russian-language political discourse in a television talk show
- 163 **Persi U., Polonskiy A.V., Osipova E.A.**
«The challenge of the intellectual»: the personality and worldview experience of D.S. Likhachev-scientist, publicist, public figure
- 175 **Sayenkova-Melnitskaya L.P.**
Value-evaluation principles in film criticism
- 184 **Samoilenko N.S., Kushnir K.**
Online interviews as a new popular genre of journalism during the period of self-isolation
- 191 **Shlyk E.V.**
Interpretation of the Imperative Situation in Public Service advertising discourse

PEDAGOGICS

- 198 **Anpilogova T.Y.**
Forms of organizing students' historical and local history activities in the university system from the early 1930s to the mid 1950s (based on the material of the Voroshilovgrad region of the Ukrainian SSR)
- 209 **Bezrukova E.I., Kolesnikov A.A.**
On the quality of teaching German as a second language (daz) in German Schools
- 219 **Sylka S.I.**
Physical and recreational activities for prevention of deviant behavior of students in professional educational organizations

LINGUISTICS

- 227 **Baghana J., Glebova Ya.A., Sheyfel N.A.**
Nouchi as a sociolinguistic phenomenon: defining the status
- 234 **Bushuyeva L.A.**
Euphemisms of Adultery in Russian Linguoculture
- 246 **Dou Keyun**
On the problem of Russian borrowing in legal Chinese and translation of legal dictionaries
- 253 **Mukhin S.V.**
Phrase-building potential of old english somatisms
- 264 **Nagornyy I.A.**
Russian particles and the subjective modalization of information
- 271 **Polshchikova A.K., Polshchikova O.N., Deev A.V., Poymenova A.S.**
Functional-semantic and pragmatic role of color nominations in the organization of poetic discourse (on the example of E. Pound's poems about women)
- 280 **Stefanchikov I.V.**
Vos and tú in Montevidean Spanish: speakers' attitudes in the PRESEEA corpus
- 292 **Streltsov A.A.**
Intra-lingual translation in the XXIst century: determining the status

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

УДК 81'42

DOI 10.52575/2712-7451-2021-40-2-153-162

Речевые средства реализации ориентирующего воздействия в англо- и русскоязычном политическом дискурсе телевизионного ток-шоу

¹Жихарева Н.А., ²Яковлева Е.П.

¹Горловский институт иностранных языков,
ДНР, 284626, г. Горловка, ул. Рудакова, д. 25
E-mail: znata9@gmail.com

²Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Россия, 295015, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8
E-mail: lena_yakovleva81@mail.ru

Аннотация. Политический дискурс представляет собой значимое явление в жизни общества. Несмотря на то, что политический дискурс находится в центре внимания многих ученых, конфликтный политический дискурс ток-шоу является недостаточно исследованным с точки зрения практического подхода к анализу эффективности суггестивного воздействия на адресата. Целью исследования является анализ эффективных средств речевого взаимодействия на различных функциональных уровнях языка. Для проведения качественной оценки ориентирующего речевого воздействия был проведен анализ иллюстративного материала, который включает в себя 100 русскоязычных и 100 англоязычных дискурсивных актов («да»), реализующих некооперативные речевые стратегии. В результате исследования выявлены средства реализации основных коммуникативных стратегий, направленных на ориентирующее воздействие на аудиторию в политических ток-шоу. Результаты вносят вклад в изучение манипулятивных технологий политического дискурса.

Ключевые слова: дискурс, стратегии, уровни воздействия, суггестивное воздействие.

Для цитирования: Жихарева Н.А., Яковлева Е.П. 2021. Речевые средства реализации ориентирующего воздействия в англо- и русскоязычном политическом дискурсе телевизионного ток-шоу. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (2): 153–162. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-153-162

Speech means of implementing orienting influence in English and Russian-language political discourse in a television talk show

¹Nataliia A. Zhikhareva, ²Elena P. Yakovleva

¹Gorlovka Institute for Foreign Languages,
25 Rudakova St, Gorlovka, 284626, DPR;
E-mail: znata9@gmail.com

²Fevzi Yakubov Crimean engineering and pedagogical University,
8 Uchebnyi Al, Simferopol, 295015, Russia
E-mail: lena-yakovleva81@mail.ru

Abstract. Political discourse is a significant phenomenon in the life of society. The global goals of political discourse are the seizure, retention or redistribution of power. These goals are achieved by

informing, persuading and motivating the audience. Political discourse is a rather complex object of research. Despite the fact that political discourse is in the focus of attention of many scholars, the conflict political discourse of talk shows is insufficiently researched from the point of view of a practical approach to analyzing the effectiveness of suggestive influence on the addressee. The aim of our research is to analyze effective means of speech interaction at various functional levels of the language. To conduct a qualitative assessment of the orienting speech impact, an analysis of illustrative material was carried out, which includes 100 Russian-language and 100 English-language discursive acts (DA) that implement non-cooperative speech strategies. As a result of the study, the means of implementing the main communication strategies that have an orienting influence on the audience in political talk shows were identified. The research results contribute to the study of manipulative technologies of political discourse.

Keywords: discourse, strategies, impact levels, suggestive impact.

For citation: Zhikhareva N.A., Yakovleva E.P. 2021. Speech means of implementing orienting influence in English and Russian-language political discourse in a television talk show. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 40 (2): 153–162 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-153-162

Введение

Политический дискурс представляет собой вербальное и невербальное коммуникативное взаимодействие оппонентов по поводу политических идей, событий, мнений, оценок для достижения определенных политических целей. По мнению Н.Д. Арутюновой, дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова, 1990, с. 136]. Коммуникативный аспект дискурса является наиболее исследованным. В настоящее время особое внимание ученые уделяют анализу взаимосвязи функционирования языка с экстралингвистическим контекстом и прагматическими установками субъектов дискурсивной деятельности. С позиции дискурс-ориентированного когнитивного подхода к основным процессам когнитивной деятельности относятся процессы интерпретации и распределения внимания. В основе дискурсивной когнитивной деятельности лежит переработка информации, которая воспринимается, осмысливается, оценивается и используется субъектами политического дискурса.

СМИ играют важнейшую роль в политическом дискурсе и являются средством формирования общественного мнения и политической реальности. Восприятие и освещение важнейших событий политической жизни мирового сообщества происходят с их помощью. Современные телевизионные политические ток-шоу являются эффективными средствами ориентирующего воздействия и внедрения определенной информации в сознание аудитории. Если анализировать политические ток-шоу и их ведущих с точки зрения речевого воздействия (Адресат, Адресант, Цель влияния), то можно отметить следующее: Адресант – отправитель информации; сторона, которая осуществляет воздействие, представлен ведущим и редакционной группой, которая выполняет государственный заказ (поскольку политические ток-шоу транслируются государственными телеканалами). Адресат – получатель информации, сторона, на которую направлено воздействие. Цель участников дискурса политического ток-шоу определяется как предполагаемый результат коммуникации.

В России изучением политической лингвистики занимаются несколько школ: Уральская школа политической лингвистики, Тверская научная школа политической лингвистики, Омская школа лингво-политической персонологии. Современные исследователи политического дискурса, такие как Чилтон [Chilton, 2004], Печо [Pechoux, 1982] Н.Д. Арутюнова [1990], Е.И. Шейгал [2004], Ван Дейк [Teun A. van Dijk, 2008], Е.С. Кубрякова [2005],

Р. Водак [Wodak, 2006], В.И. Карасик [2002], С.Г. Кара-Мурза [2009], Фэрклоу [Fairclough, 2004.], Диманте [2015], отказавшись от классических моделей анализа отношений, сосредоточили свое внимание на языковом и прагматическом аспектах предмета исследования политического дискурса. Предметом их исследований является семиотический потенциал языка политики.

Сущность дискурса политического ток-шоу состоит в доминировании над оппонентом (участником ток-шоу, имеющим отличное от адресанта мнение), реализация которого происходит благодаря использованию различных речевых тактик и приемов. В зависимости от прагматических целей общения адресантом выбирается и способ общения, который реализуется посредством различных языковых приемов и средств. В процессе коммуникации происходит подбор речевых стратегий и тактик, который может варьироваться в процессе диалога для достижения максимального ориентирующего воздействия на адресата и аудиторию. Эффективность воздействия зависит от набора языковых инструментов, реализующих ориентирующую функцию языка.

Конфликтный политический дискурс ток-шоу является недостаточно исследованным с точки зрения практического подхода к анализу эффективности суггестивного воздействия на адресата.

Целью нашего исследования является функционирование разнообразных языковых средств на различных уровнях коммуникативного взаимодействия, изучение способов реализации русско- и англоязычной языковой личности в политическом дискурсе ток-шоу, выявление наиболее эффективных средств аргументации, включающих в себя коммуникативные приемы и тактики, реализуемые на контактоустанавливающем, волюнтаристическом, аффективном, аксиологическом и когнитивно-познавательном уровне речевого взаимодействия. В процессе исследования на основании фрагментов политических ток-шоу мы смогли выявить основные языковые средства, способствующие достижению максимального ориентирующего воздействия на адресата.

В первом разделе проанализированы уровни ориентирующего речевого воздействия на адресата. В практической части приведены результаты качественной оценки ориентирующего речевого воздействия на основе анализа иллюстративного материала (100 русскоязычных и 100 англоязычных дискурсивных актов (ДА), реализующих различные прагматические стратегии и тактики диалога-конфликта). В заключении описаны выводы, основанные на анализе иллюстративного материала.

Уровни ориентирующего речевого воздействия в процессе коммуникативного взаимодействия

Контактоустанавливающий (фатический) уровень. Любое коммуникативное взаимодействие начинается с установления межличностного контакта для оказания на адресата определенного воздействия, обусловленного прагматическими задачами адресанта. Примерами, реализующими контактоустанавливающую функцию, могут служить приветствия, которые транслируют позитивное эмоциональное состояние адресанта, ориентируют коммуникантов на установление контакта. На начальном этапе ток-шоу ведущие ориентируют участников и аудиторию на определенную тему, затем озвучиваются вопросы, которые предшествуют началу дискуссии. На контактоустанавливающем уровне ориентирующего воздействия реализуется и функция поддержки сотрудничества между коммуникантами. На этом уровне часто используются технические средства оказания ориентирующего воздействия, такие как аудио- и видеосопровождение, которые используются с целью привлечения внимания аудитории и подготовки телезрителей к восприятию информации.

Волюнтаривный уровень (воздействующая функция языка). В политических ток-шоу адресант не просто передает информацию, а ориентирует аудиторию на определенные выводы и действия при помощи вербальных и невербальных средств.

Чаще всего в при реализации некооперативной стратегии в процессе коммуникации адресантом используются офферативы (просьба, предложение, требование) в качестве инициальных речевых действий и нонконформативы (несогласие, отказ) в качестве реактивных речевых действий. Офферативные дискурсивные акты обычно профитивно ориентированы и чаще стимулируют положительную реакцию адресата. В зависимости от режима общения, офферативы могут носить категоричный и некатегоричный характер и быть выражены средствами прямой и косвенной номинации. Волюнтаривный уровень, на котором реализуются цели адресанта, обычно взаимодействует с аффективным уровнем ориентирующего воздействия.

Аффективный уровень. Одной из основных функций дискурса политических ток-шоу, по нашему мнению, является эмотивная функция, способствующая повышению градуса эмоций адресата и адресанта. Эмоциональный фон является одним из основных способов воздействия на адресата с целью решения определенных прагматических задач и способствует укреплению доминирующей позиции адресанта в коммуникации. Ориентирующее языковое воздействие в данном случае происходит на уровне чувств и эмоций и затрагивает эмоционально-психологическую сферу адресата с целью формирования определенного восприятия предмета, объекта или события. В результате воздействия на аффективном уровне у адресата происходит коррекция аксиологических установок, меняется психическое состояние и поведенческая реакция.

«Благодаря техническим возможностям телевидения и эмоционально окрашенному высказыванию может быть достигнут колоссальный эффект ориентирующего воздействия на психоэмоциональное состояние всех участников передачи, а также огромной аудитории зрителей» [Диманте, 2015, с. 52]. Суггестивное воздействие на аудиторию осуществляется наиболее эффективно, если в процессе коммуникативного контакта адресантом используются яркие эмоциональные образы, емкие концепты. Такой способ воздействия носит преимущественно осознанный характер, так как «степень воздействия связана с тем, насколько легко личность поддается внушению, с ее внутренним состоянием и авторитетностью выступающего» [Кохтев, Розенталь, 1988, с. 44]. Психологи считают, что эффективность воздействия напрямую зависит от эмоциональной составляющей, «прерывая повторение предшествовавшей ему информации в рабочей памяти, эмоциональный образ хорошо запоминается и служит организационной схемой для построения в памяти представления о событии» [Желтухина, 2004, с. 42]. С целью усиления эффекта высказывания коммуникантами используется широкий спектр приемов, таких как демагогические и риторические приемы, эвфемизмы, обобщения, использование инвективной лексики, отсрочка ответа, отклонение от темы без комментария и т. п. Ведущий демонстрирует агрессивное и некооперативное поведение в разговоре, подогревая дискуссию и провоцируя участников программы на агрессивное поведение. Для придания речи большей экспрессивности, динамичности и энергичности часто используются иностранные слова, насыщенные звонкими или удвоенными согласными, происходит избегание слов, которые вызывают отрицательные ассоциации, замена слов эвфемизмами, прием гипостазирования (приписывание абстрактным понятиям самостоятельного существования).

Как в англо-, так и в русскоязычном дискурсе политических ток-шоу широко применяются прием «навешивание ярлыков» (одна из тактик, реализующих стратегию дискредитации с целью высмеять оппонента), использование причастий-компаративов и прилагательных, а также невербальные средства воздействия. Технические средства позволяют произвести необходимый эффект при помощи крупных планов, определенной музыки, звучащей во время телепередачи.

Аксиологический уровень. По мнению Е.М. Вольф, в любых высказываниях и текстах присутствует оценочность, которая может выражаться как эксплицитно, так и имплицитно [Вольф, 1986]. В основе оценочности лежат такие когнитивные механизмы как концептуализация и категоризация, соответственно, она является необходимым компонентом когнитивной деятельности человека. Способами организации знаний в политическом дискурсе являются когнитивные механизмы, которые функционируют на различных уровнях языковой системы в качестве различных речевых средств и играют структурирующую роль при формировании концептуального содержания. На лексическом уровне когнитивные механизмы обуславливают формирование системы концептов и номинаций, которые являются основным языковым механизмом данного уровня. К основным когнитивным механизмам данного уровня относятся: конкретизация, категориальное обобщение, сравнение, противопоставление. Выбор когнитивных механизмов на синтаксическом уровне определяются прагматическими задачами коммуникантов и представлен различными синтаксическими моделями предложения-высказывания. На этом уровне реализуются коммуникативные стратегии и тактики. На аксиологическом уровне дискурсивной деятельности язык формирует оценочные суждения, посредством которых происходит вербальное и невербальное ориентирование аудитории в ценностных приоритетах.

Когнитивно-познавательный уровень. На этом уровне происходит познавательная деятельность человека, модификация и коррекция его картины мира. Как считают Луизе Филлипс и Марианна Йоргенсен, «язык не просто канал передачи информации о простых явлениях, фактах или поведении людей, а “механизм”, воспроизводящий и в результате создающий социальный мир» [Филлипс, Йоргенсен, 2002, с. 26] в плоскости когнитивно-прагматического аспекта политического дискурса лежит суггестия, соответственно, внушение и манипуляция как прагматические установки и инструменты воздействия тесно связаны с когнитивными процессами. Политические ток-шоу являются средством воздействия на зрительскую аудиторию, с целью конструирования особой социально-политической реальности, то есть приписывания значений участникам дискурса. Одной из наиболее эффективных стратегий политического дискурса является «стереотипизация», в основе которой лежит воздействие на адресата и аудиторию посредством использования речевых стереотипов. Интерпретирование, присвоение и применение информации в политическом дискурсе будет возможным, если ее репрезентация будет доступна, т. е. будет соответствовать когнитивным структурам ориентируемого. В создании речевых стереотипов играют важную роль ключевые слова – слова, которые наиболее распространены в дискуссиях в тот или иной исторический период.

На когнитивно-познавательном уровне реализуются основные функции политических ток-шоу:

1. Коммуникативная (предоставление информации, способной изменить картину политической реальности, существующей в сознании адресата). Участники ток-шоу намеренно привлекают внимание к информации, подтверждающей их правоту, игнорируя информацию, не соответствующую их точке зрения.

2. Побудительная (инструментальная) функция воздействия на адресата, задача которой – мобилизация влияния на адресата, коррекция и модификация его картины мира.

3. Эмотивная функция способствует интенсификации диалога его экспрессивности, повышению градуса эмоций адресата и адресанта. Эмоциональный фон является одним из основных способов воздействия на аудиторию и оппонента, для решения определенных прагматических задач, что способствует укреплению доминирующей позиции в коммуникации.

4. Метаязыковая функция служит для обеспечения смысла высказывания или слова, реализуется в случае отсутствия взаимопонимания между коммуникантами, как контактоустанавливающая. «В дискурсе ток-шоу можно встретить фрагменты, в которых

присутствуют понятия и термины, не всегда понятные зрителю. Поэтому метаязыковая функция характерна для указанного вида речевой деятельности» [Желтухина, 2004, с. 42].

5. Фатическая функция проявляется в установлении контакта между коммуникантами и поддержке коммуникативного взаимодействия.

Когнитивно-познавательный уровень сочетается с другими уровнями ориентирующего воздействия – экспрессивным (участники дискуссии не просто констатируют факты, но и стремятся передать свои эмоции по отношению к этим фактам), аксиологическим (адресант дает положительную или отрицательную оценку фактам или событиям), волюнтаривным (целеполагающий адресант корректирует мировидение адресата, воздействуя на его сознательные и поведенческие установки).

Поскольку язык является инструментом когнитивного взаимодействия, способствующим процессу познавательного, аффективного, волевого, экспрессивно-оценочного взаимодействия с окружающим миром, в процессе коммуникации уровни ориентирующего воздействия взаимодействуют и взаимодополняют друг друга. Интерпретирование, присвоение и применение информации будет возможным, если ее репрезентация будет доступна, т.е. будет соответствовать когнитивным структурам ориентируемого и «накладываться» на прошлый опыт. В таком случае информация как знание способна вызвать запланированное адресантом действие и реакцию у адресата, например:

Pat Buchanan: "...Now let me talk to you, boy, there's no doubt there's global warming of some sense what happened. There is some... there is climate change going on. But the idea, that is proven science, that what is going on to cause these disasters, that John just put on the screen, is ridiculous..." / Пэт Бухенен: «...Позволь сказать тебе, парень, нет никаких сомнений в том, что есть в какой-то степени влияние глобального потепления на произошедшие события. Есть некоторое... есть изменение климата, но есть теория, доказанная наукой, что то, что происходит, не могло вызвать бедствий, о которых говорит Джон. Это просто смешно...» (перевод наш. – Н. Ж., Е. Я.) (The McLaughlin Group, 5/30/14)

Рассмотрим ориентирующее воздействие на различных уровнях.

На когнитивно-познавательном уровне автор предоставляет факты или информацию, которая способствует формированию новых знаний о реальности у аудитории, а значит формирует и саму окружающую действительность. Ведущий устанавливает корреляцию прошлых знаний (*нет никаких сомнений в том, что есть в какой-то степени влияние глобального потепления на произошедшие события*) с новыми фактами (*но есть теория, доказанная наукой, что то, что происходит, не могло вызвать эти бедствия, о которых говорит Джон*). Предполагается, что адресаты расширят свои представления о проблеме и сформируют собственную точку зрения о климатической безопасности.

На аксиологическом уровне адресант ориентирует адресата на свою собственную оценку ситуации, на формирование аналогичного скептического отношения к позиции одного из оппонентов, придавая эмоциональность своему высказыванию благодаря фразе «*это просто смешно*». В данном случае происходит взаимодействие аффективного уровня с аксиологическим.

На волюнтаривном уровне адресант корректирует мировидение адресата, воздействуя на его сознательные установки при помощи фразы «*но есть теория, доказанная наукой*». Таким образом адресант придает оттенок научности и безапелляционности своему утверждению.

Практическая часть

С целью качественной оценки ориентирующего речевого воздействия был проведен анализ иллюстративного материала (фрагменты англо- и русскоязычных диалогов-конфликтов)¹, который включает в себя 100 русскоязычных и 100 англоязычных дискур-

¹ The McLaughlin Group 5/30/14. URL: <https://www.google.com/search?q=The+McLaughlin+>

сивных актов (ДА), реализующих различные прагматические стратегии и тактики диалога-конфликта.

За единицу исследования был принят дискурсивный акт (ДА), который можно считать инструментом волюнтаривного и когнитивно-познавательного уровня речевого воздействия. Результаты статистической обработки материала приведены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1
Table 1

Частотность использования прагматических типов ДА
Frequency of use of pragmatic types YES

Тип ДА	Английский язык, %	Русский язык, %
Офферативы	10	9
Нонконформативы	70	54
Аккузативы	9	20
Аппологетивы	2	2
Дидактивы	9	15

Таблица 2
Table 2

Частотность семантических типов ДА
Frequency of semantic types YES

Тип ДА	Семантический тип	Английский язык, %	Русский язык, %
Офферативы	пояснение	3	4
	уточнение	5	5
	требование	2	-
Нонконформативы	возражение	20	22
	сомнение	10	10
	несогласие	10	12
	отказ\возражение	30	10
Аккузативы	обвинение	3	13
	оскорбление	-	5
	возмущение	6	2
Аппологетивы	извинение	2	2
Дидактивы	совет	6	3
	ирония, шутка	3	12

Заключение

Исходя из указанных выше данных можно сделать такие выводы:

1. Англоязычными и русскоязычными коммуникантами используются аналогичные стратегии ведения диалога (кооперационные и конфронтационные), реализуемые схожими тактиками и речевыми средствами.

2. Степень различия в выборе средств реализации коммуникативных стратегий в конфликтном политическом дискурсе ток-шоу, и, соответственно, средств ориентирующего воздействия в политических ток-шоу используемых англоязычными и русскоязычными коммуникантами незначительна. Исключение составляет частотность использования конфликтногенных аккузативных дискурсивных актов таких, как «обвинение», «оскорбление». Данные дискурсивные акты практически на 100 % являются бенефактивными для адресанта и малефактивными для адресата и являются эффективными инструментами стратегии дискредитации, но, несмотря на это, гораздо реже используются адресантами англоязычных ток-шоу.

3. Частотность использования именно аккузативных дискурсивных актов в русскоязычном варианте дискурса ток-шоу позволяет сделать вывод о его повышенной эмотивности в сравнении с англоязычным вариантом.

4. При реализации прагматических стратегий в диалоге-конflikте используются аналогичные когнитивные механизмы речевого воздействия, обладающие мощным персудивным эффектом.

5. Основным фактором, формирующим национальный коммуникативный стиль, является тип культуры. Речевое поведение коммуникативной общности формируется под влиянием исторических и культурных факторов и проявляется в выборе стратегий, тактик и используемых языковых средств (как вербальных так и невербальных), выбираемых коммуникантами в процессе речевого взаимодействия. Исследуя коммуникативное поведение представителей различных культур можно утверждать, что они используют идентичные стратегии и тактики в однотипных ситуациях, выраженные различными языковыми средствами.

Анализ материала позволяет нам утверждать, что все уровни ориентирующего воздействия взаимодействуют друг с другом, при этом основными ориентирующими уровнями речевого воздействия являются волюнтаривный, аксеологический и когнитивно-познавательный уровни, которые в большей мере реализуют агональную функцию политического дискурса. Фатический и аффективный уровни языкового воздействия выполняют вспомогательную функцию. Англоязычная культура является дистантной, а русскоязычная – контактной. Эта разница обуславливает различие в конфликтном коммуникативном поведении представителей этих культур и является основополагающим фактором, на котором базируются поведенческие стереотипы коммуникантов. В процессе исследования мы пришли к выводу, что в политическом дискурсе коммуникантами используются одинаковые стратегии и тактики, различаются средства вербализации этих стратегий и тактик, а неконформативные и аккузативные дискурсивные акты, которые формируют диалоги-конflikты различаются степенью эмотивности. Можно утверждать, что эмотивная функция, реализуемая на когнитивно-познавательном уровне дискурсивной деятельности в русскоязычном политическом дискурсе реализуется чаще и является одной из основных составляющих суггестивного воздействия. В англоязычном политическом дискурсе аккузативные дискурсивные акты являются некатегоричными и слабоэмотивными по сравнению с русскоязычными дискурсивными актами, реализующими некооперативные стратегии общения.

В нашей работе проанализирована частотность применения некооперативных стратегий и тактик, функционирующих на различных уровнях речевой деятельности в англо и

русскоязычном политическом дискурсе. Выявлены наиболее эффективные речевые приемы, реализующие тактику аргументации в процессе коммуникативного взаимодействия.

Научная новизна работы определяется сопряжением в рамках одного исследования коммуникативной и дискурсивной парадигм, а также описанием и анализом языковых приемов и средств, функционирующих на различных уровнях ориентирующего воздействия, выявлением эффективных средств аргументации, речевых приемов и коммуникативных тактик, присущих англоязычному и русскоязычному политическому дискурсу.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. 1990. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь. М., Сов. Энциклопедия: 136–137.
2. Вольф Е.М. 1986. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо»/«плохо». Вопросы языкознания, 5: 98–106.
3. Диманте И.В. 2015. Инструментарий профессионального коммуникатора (приёмы речевого воздействия). Коммуникативные исследования, 4 (6): 52–64.
4. Желтухина М.Р. 2004. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 М., Ин-т языкозн. РАН, 42 с.
5. Кара-Мурза, С. Г. 2009. Манипуляция сознанием. М., Эксмо, 528 с.
6. Карасик В.И. 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: «Перемена», 477 с.
7. Кохтев Н.Н., Розенталь Д.Э. 1988. Искусство публичного выступления. М., Московский рабочий, 221 с.
8. Кубрякова Е.С. 2005. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания. Язык. Личность. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М.: Языки славянских культур: 23–33.
9. Шейгал Е.И. 2004. Семиотика политического дискурса, М., Гнозис, 326 с.
10. Chilton P. 2004. Analysing political discourse: Theory and practice. L.: Routledge, 240 p.
11. Fairclough N. 2004. Critical Discourse Analysis in Researching Language in the New Capitalism: Overdetermination, Transdisciplinarity and Textual Analysis. In: Harrison (C.) & Young (L.) eds. Systemic Linguistics and Critical Discourse Analysis. London, Continuum, 688 p.
12. Pecheux, M. 1982. Language, Semantics and Ideology. In book: The Language, Discourse, Society Reader. London, Macmillan: 51–61.
13. Teun A. van Dijk. 2008. Discourse and power: New York: Palgrave Macmillan, 303 p.
14. Wodak R. 2006. Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA. Discourse and society, 8(1):179–190.
15. Dr Louise J. Phillips, Marianne W. Jorgensen, 2002, Discourse Analysis as Theory and Method. SAGE Publications India Pvt Ltd, 240 p.

References

1. Arutjunova N.D. 1990. Diskurs. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Discourse. Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Publ. Sov. Entsiklopediya, 136–137.
2. Vol'f E.M. 1986. Ochenochnoe znachenie i sootnoshenie priznakov «horosho»/«ploho» [The estimated value and the ratio of the "good"/"bad" signs]. Voprosy jazykoznanija, 5: 98–106.
3. Dimante I.V. 2015. Instrumentarij professional'nogo kommunikatora (prijomny rechevogo vozdejstvija) [Tools of a professional communicator (techniques of speech influence)]. Kommunikativnye issledovanija, 4 (6): 52–64.
4. Zheltuhina M.R. 2004. Specifika rechevogo vozdejstvija tropov v jazyke SMI [The specifics of the speech impact of tropes in the language of mass media]. Abstract. dis. ... dokt. filol. nauk. M.: In-t jazykoz. RAN, 42 p.
5. Kara-Murza, S. G. 2009. Manipuljacija soznaniem [Manipulation of consciousness]. Moscow, Publ. Jeksmo, 528 p.
6. Karasik V.I. 2002. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Publ. Peremena, 477 p.
7. Kohtev N.N., Rozental' D. Je. 1988. Iskusstvo publicnogo vystuplenija [The art of public speaking]. Moscow, Publ. Moskovskij rabochij, 221 p.

8. Kubrjakova E.S. 2005. O termine «diskurs» i stojashhej za nim strukture znanija. Jazyk. Lichnost' [About the term "discourse" and the structure of knowledge behind it]. Materials of the Collection of articles for the 70th anniversary of T. M. Nikolaeva, 2005, Moscow, Languages of Slavic Cultures, 23–33.
9. Shejgal E.I. 2004. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Moscow, Publ. Gnozis, 326 p.
10. Chilton P. 2004. Analysing political discourse: Theory and practice. L.: Routledge, 240 p.
11. Fairclough (N.). 2004. Critical Discourse Analysis in Researching Language in the New Capitalism: Overdetermination, Transdisciplinarity and Textual Analysis. In: Harrison (C.) & Young (L.) eds. Systemic Linguistics and Critical Discourse Analysis. London, Continuum, 688 p.
12. Pecheux, M. 1982. Language, Semantics and Ideology. In book: The Language, Discourse, Society Reader. London, Macmillan: 51–61.
13. Teun A. van Dijk. 2008. Discourse and power: New York: Palgrave Macmillan, 303 p.
14. Wodak R. 2006. Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA. Discourse and society, 8 (1): 179–190.
15. Dr Louise J Phillips Marianne W Jorgensen, 2002, Discourse Analysis as Theory and Method. SAGE Publications India Pvt Ltd, 240 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жихарева Наталия Анатольевна, декан филологического факультета, доцент кафедры романо-германской филологии, кандидат филологических наук, доцент Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Яковлева Елена Павловна, преподаватель кафедры английской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nataliia A. Zhikhareva, Dean of Philological Faculty, Associate Professor of the Department of Romance and Germanic Philology, Candidate of Philology, Associate Professor, State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages», Gorlovka, DPR

Elena P. Yakovleva, teacher of the Department of English Philology State budgetary educational institution of higher education of the Republic of Crimea «Crimean engineering and pedagogical University named after Fevzi Yakubov», Simferopol, Russia

УДК 070.1:316.774

DOI 10.52575/2712-7451-2021-40-2-163-174

**«Вызов интеллигента»:
личность и мировоззренческий опыт Д.С. Лихачева –
ученого, публициста, общественного деятеля**

Перси У., Полонский А.В., Осипова Е.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: polonskiy@bsu.edu.ru, E-mail: osipova_e@bsu.edu.ru

Аннотация. Эпоха, в которую рождается человек, определяет его дальнейший жизненный путь, манеру мыслить, эмоционально переживать, оценочно судить, общаться и морально поступать. Выдающийся российский ученый, культуролог, исследователь древнерусской литературы и текстологии, общественный деятель и публицист, подлинный интеллигент и гражданин своей страны академик Дмитрий Сергеевич Лихачев разделил судьбу страны, все испытания, выпавшие ей в XX веке. Статья посвящена исследованию личности, нравственных и мировоззренческих установок Д.С. Лихачева, духовно-нравственный потенциал которого, будучи заложенным в семье, формировался в диалоге с лучшими педагогами и выдающимися современниками, способствовавшими на разных этапах жизни формированию его гуманистического мировоззрения и гражданской позиции. В личности Д.С. Лихачева гармонично соединились мужество и достоинство, верность высоким принципам, нравственная требовательность к себе и другим людям, интеллектуальная свобода. Д.С. Лихачева без преувеличения можно назвать «совестью», «хранителем» культурной и мировоззренческой традиции российского общества, ярчайшим явлением мировой культуры XX столетия.

Ключевые слова: Д.С. Лихачев, личность, мировоззрение, нравственность, интеллигентность, интеллектуальная свобода, стиль, культура, общество, Россия.

Для цитирования: Перси У., Полонский А.В., Осипова Е.А. 2021. «Вызов интеллигента»: личность и мировоззренческий опыт Д.С. Лихачева – ученого, публициста, общественного деятеля. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (2): 163–174. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-163-174

**«The challenge of the intellectual»:
the personality and worldview experience
of D.S. Likhachev-scientist, publicist, public figure**

Ugo Persi, Andrey V. Polonskiy., Elena A. Osipova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia,
E-mail: polonskiy@bsu.edu.ru, E-mail: osipova_e@bsu.edu.ru

Abstract. The era in which a person is born determines his further life path, the way he thinks, emotionally experiences, evaluatively judges, communicates, and morally acts. An outstanding Russian scientist, cultural critic, researcher of ancient Russian literature and textology, public figure and publicist, a true intellectual and citizen of his country, Academician Dmitry Likhachev shared the fate of the country, all the trials that fell to it in the XX century. The article is devoted to the study of the personality, moral and ideological attitudes of D. S. Likhachev, whose spiritual and moral potential, being laid down in the family, was formed in a dialogue with the best teachers and outstanding contemporaries who contributed to the formation of his humanistic worldview and civil position at different stages of life. In

the personality of D. S. Likhachev, courage and dignity, loyalty to high principles, moral demands on oneself and other people, intellectual freedom were harmoniously combined.

Keywords: D.S. Likhachev, personality, worldview, morality, intelligence, intellectual freedom, style, culture, society, Russia.

For citation: Persi U., Polonskiy A.V., Osipova E.A. 2021. «The challenge of the intellectual»: the personality and worldview experience of D.S. Likhachev-scientist, publicist, public figure. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 40 (2): 163–174 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-163-174

Введение

Академика, публициста и общественного деятеля Дмитрия Сергеевича Лихачева без преувеличения называют «концентрированной совестью России»¹, «хранителем национальной культуры» [Laruelle, 2014, с. 323]. Он разделил судьбу своей страны, все испытания, выпавшие ей в XX веке, – времени, которое включило в себя как вызывающие восхищение взлеты человеческой мысли, воплощенной в технологиях, науке, социальных и политических концепциях, в искусстве, так и выпавшие на целые народы жесточайшие трагедии и страдания, равных которым не знала история. Его жизненный и мировоззренческий опыт, его «нравственное завещание» [Запесоцкий, 2006] имеют несомненное не только российское, но и мировое значение в культуре XX столетия.

Д.С. Лихачев родился 28 ноября 1906 года в Санкт-Петербурге, в семье интеллигентов Сергея Михайловича и Веры Семеновны, ушел из жизни 30 сентября 1999 года. Дмитрию Сергеевичу суждено было стать очевидцем того, как «граждане России учились и жили до революции 1917 года, как грянула революция и началась братоубийственная гражданская война, как ссылали людей на Соловки, как переименованный в Ленинград Санкт-Петербург выдержал страшнейшую блокаду в годы Великой Отечественной войны, как восстанавливалась жизнь после войны» [Пивоваров, 2019], как страна в эпоху «перестройки и гласности» усиленно, в жестких политико-мировоззренческих дискуссиях и полемиках искавшая путь к модернизации и «иному социализму», разрабатывавшая новые способы мышления о стране, обществе и человеке, об их настоящем, прошлом и будущем, оказалась перед лицом глубочайшего кризиса в сфере экономики, политики, межнациональных отношений, нравственных идеалов и ценностных представлений, как в качестве субъекта международного права и геополитической реальности под действием внутренних и внешних сил, культурных и социально-идеологических факторов прекратило свое существование самое большое в период с 1922 по 1991 гг. государство в мире – Советский Союз – и образовалась Российская Федерация – независимое, признанное международным сообществом государство-правопреемник СССР, сохранившее «воспоминания советского периода», однако не намеренное к нему возвращаться [Бутенко, 1999; Медведев, 2003; Marples, 2014; Hanson, 2016]. Все эти события, по-разному вписанные в биографию Д.С. Лихачева, в опыт его мысли, чувства, оценочного суждения и творчества, оказали влияние на формирование его личности, его нравственного и гражданского сознания, осознания им цели и смысла своей жизни.

Цель исследования – выявить и осмыслить ключевые идеи и ценностные категории, составившие систему представлений Д.С. Лихачева об интеллектуальной и нравственной культуре общества, его социально-политической повестке и консолидацион-

---

¹ Триодин В.Е. Памяти Д.С. Лихачева. Научная библиотека УлГТУ. Available at: http://lib.ulstu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=108&Itemid=46 (дата обращения: 20.02.2021)

ном духовном ресурсе и оказавшие влияние на характер общественного диалога современной России.

Предметом данного исследования являются объективные и субъективные факторы, которые повлияли на совокупность психологических свойств, знаний, предпочтений и убеждений, мировоззренческих установок, смысложизненных ориентаций, социально-философских концепций и идей, определивших интеллектуальную и творческую манеру Д.С. Лихачева и нашедших свое отражение в его общественной и публицистической деятельности последнего десятилетия XX века.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения роли личности интеллигента как «совести общества», «хранителя» культурной и мировоззренческой традиции, ее роли в упрочении в российском обществе новых идей и социальных концепций, нового мышления, что в совокупности влияет на формирование политико-идеологического и культурного статуса общества.

Осмысление жизненного пути Дмитрия Сергеевича Лихачева, его становления как «публичного интеллектуала» и «фигуры общенационального значения» [Зубок, 2017, с. 15] позволяет выявить «закономерности проявления общественных процессов в индивидуальной жизни, а также механизм превращения событий единичной жизни в тенденции общественного развития» [Мошкова, 1994, с. 131]. Исключительная востребованность в переломные моменты жизни страны мировоззренческих суждений Д.С. Лихачева очевидна: ему удавалось дать наиболее убедительные ответы на вопросы, стоящие перед Россией в постперестроечный период, когда в процессе «обновления жизни» стала рушиться система ценностей. В XXI веке идеи академика Д.С. Лихачева приобретают новое звучание в контексте поисков духовно-нравственных ориентиров. Публицистика ученого, которая «создает логически осмысленную и эмоционально выверенную летопись народа, в доступном, выразительном и образном слове сохраняя ее для потомков», требует сегодня глубокого аналитического осмысления и социально-ценностной интерпретации [Полонский, 2008, с. 59].

Среди ключевых методов, использованных для решения исследовательских задач, были качественный контент-анализ публицистических произведений Д.С. Лихачева, биографический метод, нацеленный на изучение процесса формирования личности и мировоззренческих идей Д.С. Лихачева, а также метод описания, который позволил представить результаты исследования в систематизированном виде.

Теоретическую базу исследования составили труды известных российских и зарубежных ученых в области литературоведения, культурологи, публицистики [Бутенко, 1999; Гранин, 2002; Медведев, 2003a; Медведев, 2003b; Запесоцкий, 2006; Полонский, 2008; Shalin, 2012; Laruelle, 2014; Hanson, 2016; Водолазкин, 2017; Зубок, 2017; и др.].

Д.С. Лихачев: истоки становления

Социокультурное становление личности будущего академика происходило в детские и юношеские годы. Детство Дмитрия Сергеевича Лихачева было счастливым, благодаря праздничной атмосфере, которую всегда старались поддерживать его родители. Ценители искусства и балета, они регулярно брали с собой на спектакли в Мариинский театр маленького Митю, который восхищался яркими постановками, исполнительским мастерством артистов, прекрасной музыкой. Любовь к балету Дмитрий Сергеевич пронес через всю свою жизнь. Первые детские впечатления Мити были наполнены радостью: это и книжка сказок с яркими иллюстрациями, и «неизменно молчаливый и ласковый» [Лихачев, 2018a, с. 18] плюшевый медвежонок Берчик, и яркие цвета волшебного фонаря, от которого замирала душа, и любимый снежный Дед Мороз во дворе дома. Самым счастливым моментом было исполнение детских песен с мамой, Верой Семеновной.

Семья Лихачевых состояла в дружеских отношениях со многими представителями творческой интеллигенции Петербурга, с которыми встречалась во время летнего отдыха. Регулярные поездки в дачный поселок Куоккала, расположенный на побережье Финского залива, способствовали приобщению Дмитрия к культурной среде. Здесь он впервые увидел К.И. Чуковского, В.В. Маяковского, М. Горького, И.Е. Репина, Ф.И. Шаляпина, выступавших в местном театре. *«Люди искусства стали для нас... легко узнаваемыми, близкими, встречаемыми»* [Лихачев, 2018б, с. 68]. Помимо разнообразных игр и развлечений, дети, равняясь на взрослых, следуя их примеру, оказывали помощь нуждающимся, с целью благотворительности продавали значки: *«В день Ромашки – в пользу туберкулезных, во время Первой мировой войны – в пользу раненых»* [Лихачев, 2018б, с. 66]. Примечательно, что взрослые вместе с детьми проводили благотворительные спектакли, организовывали сборы средств, на общественных началах создавали детские сады. Жизнь в Куоккале, по воспоминаниям Д.С. Лихачева, разительно отличалась от современной. Традиционными были походы в гости, обсуждение новостей, прогулки по окрестностям и пляжу, к которым готовились заблаговременно, тщательно подбирая прогулочный костюм и обувь. Дмитрий Сергеевич отмечал: *«Каждый заботился о своей репутации... наряжались не только для того, чтобы похвастаться своей портнихой, но и чтобы создать "свой образ". Все это создавало культуру. Культура дачного общества была повторением русской культуры в целом, но в меньшем масштабе»* [Лихачев, 2018б, с. 72].

С детских лет родители прививали сыну любовь к своей стране, к великой истории России. Чувство природы и чувство истории проявились у Мити очень рано – в возрасте 5–6 лет. Два лета 1911 и 1912 годов его семья провела в Крыму, в Мисхоре. В те годы Крым представлялся мальчику маленьким раем: *«...Запах разогретого на солнце самшита, Алупкинский парк и дворец... маленькая полянка над морем с необыкновенно душистыми цветами... старые деревья в Никитском саду...»* [Лихачев, 2018, с. 62,64]. На Дмитрия неизгладимое впечатление произвел Севастополь, его памятники и монументы, Малахов курган, бой за который русских войск в 1855 году он принял очень лично, тяжело переживая поражение.

Большое значение в становлении личности будущего ученого имели поездки по различным уголкам своей родины, во время которых он подмечал даже незначительные на первый взгляд детали. Живой интерес мальчика вызывали не только уникальная природа, но и самобытность народов, фольклор и архитектура новых мест. В 1914 году Лихачевы отправились в путешествие по Волге. Дмитрий с любопытством и восторгом «первооткрывателя» увлеченно следил за всем, что его окружало. Его память навсегда запечатлела Волгу, наполненную звуками жизни: *«Гудели, приветствуя друг друга, пароходы. Капитаны кричали в рупоры... Грузчики пели. Песни слышались и с берега. Пели и на нижней палубе...»* [Лихачев, 2018б, с. 81–82]. На пароходе волжские анекдоты люди не рассказывали, а кричали друг другу с больших расстояний. Запомнились Мите и звукоподражания, передающие по интонации петушиную переключку. Д.С. Лихачев гордился тем, что в детстве ему посчастливилось увидеть великую русскую реку – Волгу.

Ключевая роль в формировании нравственного потенциала Д.С. Лихачева принадлежала школам и педагогам, о которых он всегда вспоминал с любовью и благодарностью. Поступление в подготовительный класс Гимназии Человеколюбивого Общества в 1914 году совпало с началом Империалистической войны. Несмотря на тяготы военного времени, преподавателям удалось создать и поддерживать в учебном заведении дружественную, творческую атмосферу. Первым воспитателем и учителем с большой буквы был Капитон Владимирович Мамай – *«строг, представительен, умен и отечески добр, когда это было можно»* [Лихачев, 2018а, с. 65].

В 1915 году Дмитрий Лихачев стал воспитанником гимназии и реального училища К.И. Мая. Учебное заведение, основанное в 1856 г., отличалось прикладным характером обучения. Девизом школы были слова чешского педагога-гуманиста Яна Амоса Комен-

ского: «Сперва любить – потом учить». Здесь работали лучшие педагоги, обладавшие высокими нравственными и профессиональными качествами.

Огромное воспитательное значение, по мнению Д.С. Лихачева, имели уроки так называемого умного ручного труда, на которых мальчики учились правильно обращаться со столярными инструментами, изготавливать деревянные поделки без гвоздей. Ручной труд приносил радость овладения новым. Практические умения, приобретенные в стенах этой школы, находили широкое применение в дальнейшей жизни. С особой благодарностью Д.С. Лихачев вспоминал своего классного наставника М.Г. Горохова, который учил корректному обращению друг с другом, манере держаться, ставил в пример старшеклассников. Д.С. Лихачев писал в мемуарах: *«Школа К.И. Мая наложила сильный отпечаток и на мои интересы, и на мой жизненный, я бы сказал, мировоззренческий опыт»* [Лихачев, 2018б, с. 87].

В связи с переездом Лихачевых на казенную квартиру при Первой государственной типографии Дмитрию представилась возможность познакомиться с издательским делом. Но самым значительным событием того периода для одиннадцатилетнего Мити стало знакомство с уникальной библиотекой директора ОГИЗа И.И. Ионова, оставленной на хранение его отцу. Ее составляли эльзевиры, редчайшие издания XVIII века, дворянские альбомы, роскошнейшие юбилейные издания Данте, произведения Шекспира и Диккенса на тончайшей индийской бумаге. Те несколько лет, когда библиотека хранилась у Лихачевых, не прошли даром для Дмитрия. Он *«рылся и рылся в ней, читал, смотрел, любовался изданиями и рукописями, гравюрами и фотографиями с памятников искусства»* [Лихачев, 2018а, с. 74].

С формированием не только мировоззренческих, но философских и литературных взглядов связано обучение Д.С. Лихачева в школе Лентовской с 1918 по 1923 гг. Этому способствовал преподаватель литературы Л.В. Георг, обладавший, по словам Д.С. Лихачева, всеми качествами идеального педагога: *«разносторонне талантлив, умен, остроумен, всегда ровен в обращении, обладал задатками актера, умел понимать молодежь и находить педагогические выходы из самых... затруднительных... положений»* [Лихачев, 2018б, с. 102]. Леонид Владимирович Георг приучал воспитанников к «интеллектуальному отношению к жизни». Д.С. Лихачев считал, что на занятиях очень важно читать детям вслух и обсуждать прочитанное. Именно так поступал Л.В. Георг на своих «заместительских уроках», читая ученикам свои любимые произведения русских и зарубежных авторов, прививая любовь к ним. В каждом молодом человеке педагог воспитывал самоуважение, открывал интересные стороны его души и таланта, помогал найти самого себя, свое в жизни призвание. Л.В. Георг принадлежал к тем старым «учителям словесности», которые *«формировали не только мировоззрение своих учеников, но и воспитывали в них вкус, доброе чувство к народу...»* [Лихачев, 2018б, с. 102]. В классе ученики часто спорили при обсуждении различных вопросов, отстаивали свое мнение. Следует отметить, что в трудовой школе имени Л.Д. Лентовской Дмитрий Лихачев посещал различные кружки, среди которых любимыми были литературный и философский, способствовавшие формированию его философского мироощущения и системы нравственных ценностей. Кружки были интересны еще и тем, что в их работе принимали участие известные ученые и литераторы.

Первая мировая война послужила детонатором последующих революционных событий в России, которые «всколыхнули» народные массы. Дмитрий Сергеевич испытывал острое чувство жалости к соотечественникам, его тревожила дальнейшая судьба страны: *«Я воспитывался... на любви-жалости... Я только и мечтал о том, что можно было бы сделать, чтобы спасти Россию»* [Лихачев, 2018б, с. 119-120]. Семья Лихачевых, проживавшая в Петрограде, ставшем центром Февральской и Октябрьской революций, с тревогой наблюдала за происходящими событиями. Уже в первые дни Февральской революции городские влиятельные обстрел по любой собравшейся толпе. Родители Д.С. Лихачева были глубоко возмущены жестокостью противоборствующих сторон, тяжело переживали гибель людей. Это

чувство сострадания к простому человеку, к его тяготам и лишениям передавалось и детям. Горькие воспоминания в душе Дмитрия оставили наблюдения за крестьянами, приехавшими в Петроград на заработки: обутые в лапти, они строили дом и носили тяжести на своих спинах. *«Я почти задыхался от жалости к ним»*, – писал Дмитрий Сергеевич [Лихачев, 2018а, с. 72]. Впечатлительный подросток не мог оставаться равнодушным и к катаям, разгружавшим барки с кирпичом и дровами. Дмитрий представлял себе жизнь этих людей, оторванных от своих семей: *«...Замерзают по ночам... тоскуют по своим детям, ради которых они зарабатывали свой хлеб тяжелым трудом»* [Лихачев, 2018а, с. 72].

Важной вехой в формировании научных интересов Д.С. Лихачева стало поступление в Петроградский университет на факультет общественных наук. В 1920-е гг. университет переживал «перестройку». В частности, прием в вуз осуществлялся по классовому признаку, появились «красные» профессора. Во время обучения студент Лихачев, помимо общих дисциплин, посещал семинарии и просеминарии, на которых занимались чтением и толкованием различных текстов. В те годы в университете преподавала целая плеяда выдающихся педагогов: *«Такого созвездия ученых-литературоведов, лингвистов, историков, востоковедов какое представлял собой Ленинградский университет... в 20-е гг., не было в мире»* [Лихачев, 2018б, с.116].

Так, у В.М. Жирмунского Дмитрий Сергеевич научился анализировать, критически осмысливать английскую поэзию начала XIX века, посещал практические занятия по логике профессора А.И. Введенского, на семинарах у Л.В. Щербы освоил методику «медленного чтения» и углубленного понимания текста. Интерес к работе в архивах, к самостоятельному поиску тех или иных документов, к исследованию рукописей привил будущему ученому В.Е. Евгеньев-Максимов. Ораторскому мастерству, которым на протяжении всей жизни блестяще владел Д.С. Лихачев, он обязан лекциям Е.В. Тарле. В 1940-х гг., занимаясь преподавательской деятельностью на историческом факультете университета, Д.С. Лихачев вспоминал *«как останавливался Тарле, якобы подыскивая подходящее слово, как потом "стрелял" в нас этим словом, поражавшим своей точностью и запомнившимся на всю жизнь»* [Лихачев, 2018а, с. 85].

В студенческие годы Д.С. Лихачев начал основательно заниматься древнерусской литературой и искусством, в литературоведческом отношении малоизученными. В фокусе внимания молодого исследователя оказались особенности русского национального характера, а также факторы, влияющие на изменения стилей в древнерусской литературе. *«Меня интересовали старые рукописи... литература, меня притягивала к себе Древняя Русь и народное творчество»* [Лихачев, 1983, с. 4]. Усидчивость и упрямство в ведении научных поисков способствовали в дальнейшем глубокому изучению Д.С. Лихачевым древнерусской литературы.

Несмотря на политическую диктатуру, в обществе существовал культурный плюрализм: студенты вели свободные разговоры, посещали диспуты и лекции, которые проводились в различных лекториях и местах встреч: в зале Тенишевой (будущий ТЮЗ), в Доме печати и Доме искусств, в Доме книги, где выступали поэты и прозаики, актеры. Студент Лихачев был членом популярного кружка Хельфернак (Художественно-литературной, философской и научной академии). Заседания, проходившие в доме школьного учителя И.М. Андреевского, посещала не только образованная молодежь, но и маститые ученые и даже школьники. Здесь свободно обсуждались «потенциально опасные» вопросы литературно-философского и религиозного характера. В 1927 году кружок переименовали в Братство Святого Серафима Саровского – его идеологическая направленность стала сугубо религиозной. Это преобразование связано с гонениями на Церковь. Атеистически настроенные члены Братства сразу же покинули его, остались истинно верующие: *«Мы были не политиками, борющимися за выживание Церкви, а просто верующими, желавшими быть правдивыми во всем и питавшими отвращение к политическим...программам...»* [Лихачев, 2018б, с. 137].

В конце 1920-х гг. ситуация в стране коренным образом изменилась: власти приступили к ликвидации всяческих группировок и различного рода сообществ. В целях безопасности молодые люди собирались в «шутливые кружки» [Лихачев, 2018б, с. 142], надеясь, что политическое управление не сможет распознать в них серьезную организацию. Так появилась «Космическая академия наук», главным принципом которой был принцип «веселой науки», ищущей радостную истину [Лихачев, 2018б, с. 143]. Участники академии придумывали экстравагантные формы докладов и выступлений, имели свои «кафедры»: меланхолической филологии, изящной психологии, изящного богословия и другие [Лихачев, 2018б, с. 142].

Время менялось. Многоголосие интеллигентской демократии сменилось политико-культурным монологом. Как пишет Д.С. Лихачев, *«страна погрузилась в молчание... скука смертная... установление единогласия и единогласия было равно смертной казни для культуры и для людей культуры»* [Лихачев, 2018б, с. 146]. В 1928 году Космическая академия была закрыта, ее участники арестованы. За контрреволюционную деятельность Д.С. Лихачев был отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОИ). Основой для серьезного обвинения стал доклад студента Лихачева «О некоторых преимуществах старой русской орфографии».

С первых дней заключения Дмитрий Сергеевич выполнял разные виды работ: был пильщиком дров, электромонтером, грузчиком в порту и даже вридом, то есть «временно исполняющим должность лошади». Так на лагерном жаргоне называли людей, которых, словно животных, запрягали в тяжело нагруженные сани. Неудивительно, что после такого изнурительного труда у Д.С. Лихачева начались серьезные проблемы со здоровьем. Пережить несчастья и сохранить душу молодому человеку помогли молитва, поддержка друзей и необыкновенная, созданная будто «между небом и землей» природа Соловков, которой он не переставал восхищаться: *«летом она освещена... громадным высоким небом, зимой – погружена в... крошечную тьму, смягченную белизной снега, прорываемую сполохами северного сияния...»* [Лихачев, 2018б, с. 174]. Чувства жалости и любви ко всему живому, которые с особой остротой проявились у Дмитрия Сергеевича в этом «природном Раю и Аду для заключенных» [Лихачев, 2018, с. 174], навсегда оставила случайная встреча с заячьей семьей у Митрополичьих садков. Вспоминая о ней, он отмечал, что *«в этом мире святости и греха, небесного и земного, природа и человек соединились в необыкновенной близости»* [Лихачев, 2018б, с. 175].

Событием, навсегда изменившим восприятие жизни Д.С. Лихачева, стал расстрел трехсот заключенных. В расстрельном списке была и его фамилия. По счастливому стечению обстоятельств, Дмитрию Сергеевичу удалось спастись. Узнав, что вместо него расстреляли другого человека, он понял – жить теперь придется за двоих, чтобы перед убитым не было стыдно. Часто вспоминая этот эпизод в своих книгах, ученый писал: *«Я понял следующее: каждый день – подарок Бога... Мне нужно... быть довольным тем, что я живу ещё лишний день...»* [Лихачев, 2018б, с. 199].

После пережитых потрясений Д.С. Лихачев был переведен на работу в Криминологический кабинет, где занимался организацией детской колонии. По всему острову он разыскивал детей и подростков, которые были обречены на голодную смерть. Дмитрий Сергеевич внимательно выслушивал и записывал их рассказы о себе, с каждым пытался разделить его горе: *«Страдал я их страданиями ужасно, ходил как пьяный от их рассказов...»* [Лихачев, 2018а, с. 88]. Общаясь с беспризорниками разных возрастов, молодой человек изучал менталитет, неписанные законы и язык воровского мира. В результате ему удалось подготовить свои первые научные работы: «Картежные игры уголовников» (1930 г.) и «Черты первобытного примитивизма воровской речи» (1935 г.).

Настоящим подарком для будущего исследователя древней Руси стало поручение подготовить описание икон Соловецкого музея – сокровищницы древнерусского искусства. *«Все это я рисовал и писал на бумаге из школьных тетрадей. Если бы она нашлась! Это*

важно для истории Соловков» [Лихачев, 2018б, с. 209]. Многие из этих икон впоследствии были отправлены в Коломенский музей, и Д.С. Лихачев, посещая его в зрелые годы, сразу узнавал святыни. Работа в Соловецком музее и общение с его сотрудниками А.И. Анисимовым и Н.Н. Виноградовым обогатили знания Дмитрия Сергеевича по древнерусскому искусству.

Вторым университетом, но первым по значению – по выражению самого Д.С. Лихачева, было его общение с Соловецкой интеллигенцией. Ее представители – А.А. Мейер, В.Ю. Короленко, Г.М. Осоргин, Э.К. Розенберг, И.М. Андреевский и многие другие – делились с молодым человеком жизненным опытом, переживаниями, своими знаниями из разных областей науки, философии, литературы и поэзии. *«Если бы можно было все записать, какие великолепные беседы, дискуссии, просто споры, рассказы, рассуждения были бы сохранены для русской культуры»* [Лихачев, 2018б, с. 226]. Большое влияние на дальнейшее формирование мировоззрения Дмитрия Сергеевича оказали дискуссии с А.А. Мейером – выдающимся педагогом, философским, религиозным и общественным деятелем. В диалоге с ним Д.С. Лихачев пришел к мысли, впоследствии пронизывающей красной нитью все его творчество: экология как наука должна заниматься изучением взаимосвязанности всего в мире. С этой идеей в 1989 году ученый выступил в Гамбургском национальном обществе.

Закономерно, что в книге *«Мысли о жизни. Воспоминания»* Д.С. Лихачев возвращает из небытия людей Соловков, посвящая им главу с одноименным названием. Ученый увековечивает память не только о них, но и о событиях и атмосфере Соловецкого ГУЛАГа.

В ноябре 1931 года Д.С. Лихачева отправили на строительство Беломоро-Балтийского канала. В 1932 году «за ударный труд» он был досрочно освобожден и вернулся в Ленинград с новым опытом жизни, мысли и души. *«Прежде всего я понял, что каждый человек – человек. Мне спасли жизнь "домушник" Овчинников... и король всех урок на Соловках, бандит Иван Яковлевич Комиссаров...»* [Лихачев, 2018а, с. 88]. Осознание того, сколько добра принес заключенный Лихачев сокамерникам, особенно подросткам, сохранив им жизнь, давало ему спокойствие и душевное здоровье. В заметках он писал: *«...Я вспоминаю то время без чувства обиды, но с известного рода сознанием того, сколько оно мне дало для моего умственного развития»* [Лихачев, 2018а, с. 89].

По возвращении в родной город Д.С. Лихачев испытывал большие сложности с трудоустройством. Этому в равной мере способствовали судимость и подорванное здоровье, а также идеологическая линия партии: классическое культурное наследие в новых условиях построения социалистического общества утратило свою актуальность. Дмитрий Сергеевич наблюдал *«настоящее оскудение мысли в Ленинграде... все жили в одиночку, боялись говорить и даже думать»* [Лихачев, 1997, с. 396].

В 1934 году Д.С. Лихачев стал корректором Издательства Академии наук. Дмитрий Сергеевич высоко ценил сотрудничество с Л.А. Федоровым, который являлся техническим редактором издательства, а также с будущим известным скандинавистом М.И. Стеблиным-Каменским, в соавторстве с которыми он издал справочник-инструкцию для корректоров Академии наук. Д.С. Лихачев подчеркивал, *«как важно выбирать своих знакомых, и главным образом среди людей выше тебя по культурному уровню!»* [Лихачев, 2018а, с. 93].

Отметим, что развитию интереса молодого ученого к проблемам текстологии способствовала именно работа в должности корректора. Д.С. Лихачев придумал собственную систему написания текстов. Необходимость ее создания была связана с затруднениями в изложении мыслей в письменной форме, которые начались еще с последних лет обучения в школе: ученики не выполняли письменные работы из-за отсутствия отопления в помещении. Для обогащения языка будущий ученый читал хорошо написанные, по его мнению, книги и делал выписки из них. Еще одной важной особенностью этой системы было написание текста «без отрыва пера от бумаги», то есть, не останавливаясь: *«Я... старался*

догнать пером внутренний монолог, обращенный к... читателю» [Лихачев, 2006, с. 27]. Особенно точно выраженные мысли Д.С. Лихачев фиксировал в записных книжках.

В издательстве Дмитрий Сергеевич некоторое время занимался редактированием работы «Обозрение русских летописных сводов» русского филолога, лингвиста, основоположника изучения древнерусского летописания и литературы, академика А.А. Шахматова. В процессе работы исследователь окончательно утвердился в своем намерении посвятить жизнь изучению культуры Древней Руси и вскоре был принят в качестве специалиста по древнерусской литературе в Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). По поручению старшего научного сотрудника Отдела древнерусской литературы В.П. Адриановой-Перетц молодой специалист написал главу о литературе XI–XIII вв. для «Истории культуры Древней Руси». Он успешно справился с работой, хотя она казалось трудновыполнимой: «...Я переписывал текст от руки не менее десяти раз... Я читал текст вслух и про себя, отрывками и целиком, проверял кусками и логичность изложения в целом» [Лихачев, 2006, с. 28]. Благодаря высокому профессионализму Лихачев быстро стал известен в научных кругах, получал приглашения участвовать в разных изданиях. Незадолго до начала Великой Отечественной войны он защитил кандидатскую диссертацию по новгородскому летописанию XII в. Для него это была не просто диссертация, но и выражение увлеченности Новгородом: «*Летописи Новгорода представлялись мне живыми, события становились почти зримыми*» [Лихачев, 2006, с. 29].

По состоянию здоровья Д.С. Лихачев не был отправлен на фронт, он жил на казарменном положении в институте и участвовал в самообороне во время блокады Ленинграда. Несмотря на трагические события тех дней, ученый продолжал напряженно работать: из-под его пера вышли такие труды, как «Оборона древнерусских городов» (1942 г.), «Военное искусство Древней Руси» (1943 г.), «Национальное самосознание Древней Руси» (1945 г.) и другие.

В Пушкинском Доме ученый более пятидесяти лет занимался научной и общественной деятельностью. По воспоминаниям Е.Г. Водолазкина, ученика Д.С. Лихачева, известного писателя, к Дмитрию Сергеевичу в Пушкинский Дом, в котором царил созданная им атмосфера храма, приходили за поддержкой «*провинциальные библиотекари, директора институтов, известные политики, учителя, врачи, художники, сотрудники музеев, военные, бизнесмены и изобретатели. Иногда приходили сумасшедшие. Их он тоже внимательно выслушивал... Диапазон его заступничества простирался до пределов города... и страны...*» [Водолазкин, 2017, с. 5]. В процессе общения посетители преображались, старались быть достойными внимания Д.С. Лихачева, открывая в себе «*неведомые им самим запасы благородства или несвойственные прежде лексические пласты*» [Водолазкин, 2017, с. 10].

Дмитрия Сергеевича на протяжении всей жизни отличала высокая требовательность не только к своим сотрудникам, но, в первую очередь, к себе самому. Даже будучи в преклонном возрасте он не позволял себе пропускать научные заседания и всегда выступал с докладами: «*То, что он говорил, не было ни величавой оценкой мэтра, ни взглядом с высоты птичьего полета. Это были выступления профессионала...*» [Водолазкин, 2017, с. 9]. Ученый с мировым именем Д.С. Лихачев не стремился окружить себя атрибутами роскоши, к которым относился с пренебрежением. Как заметил Д. Гранин, «*стиль жизни Лихачева – вызов интеллигента всему обществу приобретателей*» [Гранин, 2002, с. 344].

Необходимо отметить особый стиль Д.С. Лихачева – уважительную и доброжелательную манеру общаться, говорить тихо, но при этом быть услышанным, спокойно относиться к своей известности – все это делало Д.С. Лихачева образцом интеллигентности.

Д.С. Лихачев был открыт для обсуждения любых вопросов, а в случае принципиальных разногласий никогда не пытался унижить своих собеседников. Академик Владимир Евгеньевич Триодин писал: «*...У него была такая сила духовного авторитета и обаяния, что люди слушали, как впервые, как божественную истину, и под впечатлением*

этой истины ходили очень долго, вспоминали и размышляли»¹. Обладая незыблемым научным авторитетом и глубиной аргументации, он не боялся вступать в оппонированный диалог с любыми структурами и организациями, отстаивая свои убеждения.

Духовная прочность, честность, глубокая порядочность, сформированные опытом жизни, помогли Д.С. Лихачеву выстоять, выдержать любое мировоззренческое и нравственное испытание. Так, в период так называемых «проработок» началась открытая травля представителей творческой и научной интеллигенции. Целью этих показательных процессов было пресечение инакомыслия в обществе. Д.С. Лихачев сопереживал обвиненным коллегам, самоотверженно пытался им помочь, но сам стал «прорабатываемым» в период преподавательской деятельности на историческом факультете Ленинградского государственного университета. В «Вестнике ЛГУ» была опубликована статья, в которой Д.С. Лихачева обвиняли «во всех смертных грехах» и называли «и монархистом, и эсером, и троцкистом...» [Лихачев, 2018б, с. 439]. Пережитый опыт «публичной опалы» не заставил Д.С. Лихачева подписать в 1973 году коллективное письмо, осуждавшее академика А.Д. Сахарова. Во время августовского путча 1991 года восьмидесятичетырехлетний академик Д.С. Лихачев с риском для жизни выступил с протестом перед тысячами собравшихся на Дворцовой площади.

Заключение

Эпоха, в которую рождается человек, определяет его жизненный путь, манеру мыслить, эмоционально переживать, оценочно судить, общаться и морально поступать. Выдающийся российский ученый, культуролог, исследователь древнерусской литературы и текстологии, общественный деятель и публицист, подлинный интеллигент и гражданин своей страны, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев разделил судьбу своей страны, все испытания, выпавшие ей в XX веке, – времени, которое включило в себя как вызывающие восхищение взлеты человеческой мысли, воплощенной в технологиях, науке, социальных и политических концепциях, в искусстве, так и выпавшие на целые народы жесточайшие трагедии и страдания, равных которым не знала история. В личности Д.С. Лихачева гармонично соединились мужество и достоинство, верность высоким принципам, нравственная требовательность к себе и другим людям, интеллектуальная свобода. «Каждый человек – человек» – важнейший мировоззренческий вывод, который формулируется Д.С. Лихачевым на основе собственного жизненного и мировоззренческого опыта.

Своей жизнью, своими нравственными и мировоззренческими принципами, своей публичной, подвижнической деятельностью академик Д.С. Лихачев заслужил всенародное признание, став нравственным эталоном для всех поколений.

Список источников

1. Гранин Д.А. 2002. Наша печаль, наша любовь. В кн.: Д.А. Гранин. Тайный знак Петербурга. СПб., 339-344.
2. Лихачев Д.С. 1983. Земля родная. М., Просвещение, 256 с.
3. Лихачев Д.С. 1997. Избранное. Воспоминания. Под ред. Т. Шмаковой. СПб., Logos, 605 с.
4. Лихачев Д.С. 2006. Избранное: мысли о жизни, истории, культуре. Сост., подг. текста, вступ. ст. Д. Н. Бакуна. М., Российский Фонд Культуры, 336 с.
5. Лихачев Д.С. 2018а. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 448 с.
6. Лихачев Д.С. 2018б. Мысли о жизни. Воспоминания. СПб., Азбука, 480 с.

---

¹ Триодин В.Е. Памяти Д.С. Лихачева. Научная библиотека УлГТУ. URL: http://lib.ulstu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=108&Itemid=46 (дата обращения: 20.02.2021)

Список литературы

1. Бутенко А.П. 1999. «Горбачевская перестройка»: Эйфория надежд. Социально-гуманитарные знания, 5: 193-202.
2. Водолазкин Е.Г. 2017. Постигание свободы. Новый тип духовного лидера. Библиотечное Дело, 3: 2–13.
3. Запесоцкий А.С. 2006. Академик Лихачев: взгляд из XXI века. Наука и жизнь, 12. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/8329/> (дата обращения: 15.02.2021).
4. Зубок В.М. 2017. Жизнь и век Дмитрия Лихачева. Формирование культурной традиции. Библиотечное Дело, 3: 14-16.
5. Медведев Р.А. 2003а. Почему распался Советский союз? Отечественная история, 4–5: 112-121.
6. Медведев Р.А. 2003б. Почему распался Советский союз? Отечественная история, 5: 119–129.
7. Мошкова Г.Ю. 1994. Биографический метод и проблема психологии личности ученого. Вопросы психологии, 2: 131–141.
8. Пивоваров Б.И. 2019. О добре и зле (к 20-летию со дня кончины академика Д.С. Лихачева. Официальный сайт Новосибирской Митрополии Русской Православной Церкви. URL: <http://nskmi.ru/esmi/articles/5341/> (дата обращения: 20.02.2021).
9. Полонский А.В. 2008. Публицистика как особый вид творческой деятельности. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 11 (1): 56–61.
10. Hanson P. 2016. The Rise and Fall of the Soviet Economy: An Economic History of the USSR 1945–1991. Routledge, 292 p.
11. Laruelle M. 2014. The “Russian Idea” on the Small Screen: Staging National Identity on Russia’s TV,” Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization 22, no. 2: 313–333.
12. Marples D.R. 2014. Russia in the Twentieth Century: The quest for stability. Routledge, 392 p.
13. Shalin D.N. 2012. Intellectual Culture: The End of Russian Intelligentsia. In Dmitri N. Shalin, 1-68. URL: https://digitalscholarship.unlv.edu/russian_culture/6 (accessed:10.02.2021).

References

1. Butenko A.P. 1999. «Gorbachevskaya perestroika»: Eyforiya nadezhd [Gorbachev's Perestroika: The Euphoria of Hopes]. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 5: 193–202.
2. Vodolazkin E.G. 2017. Postizhenie svobody. Novyy tip dukhovnogo lidera [Comprehension of freedom. A new type of spiritual leader]. Bibliotечноe Delo, 3 (285): 2–13.
3. Zapesotskiy A.S. 2006. Akademik Likhachev: vzglyad iz XXI veka [Academician Likhachev: a view from the XXI century]. Nauka i zhizn', 12. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/8329/> (data obrashcheniya: 15.02.2021).
4. Zubok V.M. 2017. Zhizn' i vek Dmitriya Likhacheva. Formirovanie kul'turnoy traditsii [The life and century of Dmitry Likhachev. Formation of a cultural tradition]. Bibliotечноe Delo, 3 (285): 14-16.
5. Medvedev R.A. 2003a. Pochemu raspalsya Sovetskiy soyuz? [Why did the Soviet Union collapse?]. Russian History, 4: 112-121.
6. Medvedev R.A. 2003b. Pochemu raspalsya Sovetskiy soyuz? [Why did the Soviet Union collapse?]. Russian History, 5: 119-129.
7. Moshkova G.Yu. 1994. Biograficheskiy metod i problema psikhologii lichnosti uchenogo [Biographical method and the problem of the psychology of a scientist's personality]. Voprosy Psikhologii, 2:131–141.
8. Pivovarov B.I. 2019. O dobre i zle (k 20-letiyu so dnya konchiny akademika D.S. Likhacheva On good and evil (to the 20th anniversary of the death of Academician D.S. Likhachev [Ofitsial'nyy sayt Novosibirskoy Mitropolii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi]. URL: <http://nskmi.ru/esmi/articles/5341/> (accessed: 20.02.2021).
9. Polonskiy A.V. 2008. Publitsistika kak osobyuy vid tvorcheskoy deyatelnosti [Journalism as a special kind of creative activity]. Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences, 11 (1): 56–61.
10. Hanson P. 2016. The Rise and Fall of the Soviet Economy: An Economic History of the USSR 1945–1991. Routledge, 292 p.

11. Laruelle M. 2014. The “Russian Idea” on the Small Screen: Staging National Identity on Russia’s TV,” *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization* 22, no. 2: 313–333.
12. Marples D.R. 2014. *Russia in the Twentieth Century: The quest for stability*. Routledge, 392 p.
13. Shalin D.N. 2012. *Intellectual Culture: The End of Russian Intelligentsia*. In Dmitri N. Shalin, 1-68. URL: https://digitalscholarship.unlv.edu/russian_culture/6 (accessed: 10.02.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Перси Уго, доктор филологии, профессор Университета Бергамо (Италия)

Полонский Андрей Васильевич, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Осипова Елена Александровна, ассистент кафедры коммуникативистики, рекламы и связи с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ugo Persi, Doctor of Philology, Professor University of Bergamo (Italy)

Andrey V. Polonskiy, Professor, Doctor of Philology, Head of the Department of Journalism, National Research University "Belgorod State University", Belgorod, Russia

Elena A. Osipova, Assistant of the Department of Communication Studies, Advertising and Public Relations, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 070: 791

DOI 10.52575/2712-7451-2021-40-2-175-183

Ценностно-оценочные принципы в кинокритике

Саенкова-Мельницкая Л. П.

Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, 220030, г. Минск, пр. Независимости, 4
E-mail: sayenkova@gmail.com

Аннотация. Кинокритика как особый вид медиапрактики оказывает воздействие на развитие киноискусства, способствует реализации образовательно-просветительской, культурно-просветительской функций, влияет на развитие и укрепление культурного статуса журналистики. Кинокритика является важным инструментом в поисках смысловой и эстетической упорядоченности активно развивающегося кинопроцесса. Несмотря на внимание к сущностным особенностям этого вида творческой деятельности со стороны исследователей медиадискурса, такие категории, как ценностные основания и оценочные принципы остаются недостаточно изученными. Целью данного исследования является анализ ценностно-оценочных подходов в кинокритике в диахроническом и синхроническом аспектах. В результате исследования были выявлены доминирующие ценностные подходы в кинокритических текстах в разные исторические периоды, обоснована необходимость следования тем оценочным принципам, которые помогают обнаружить степень художественной состоятельности произведения.

Ключевые слова. Кинокритика, журналистика, ценностное значение, публикации, критерии, оценочное высказывание, критическо-оценочная репрезентация.

Для цитирования: Саенкова-Мельницкая Л.П. 2021. Ценностно-оценочные принципы в кинокритике. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (2): 175–183. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-175-183

Value-evaluation principles in film criticism

Ludmila P. Sayenkova-Melnitskaya

Belarusian State University,
4 Independence Av., Minsk, 220030, The Republic of Belarus
E-mail: sayenkova@gmail.com

Abstract. Film criticism as a special type of media practice, on the one hand, has an impact on the development of film art, on the other, affects the development and strengthening of the cultural status of journalism. Film criticism is an important tool in the search for the semantic and aesthetic meanings of the actively developing film process. Despite the attention from the media discourse researchers, film critics and cinematographers to the essential features of this type of creative activity such categories as value bases and evaluative principles remain insufficiently studied. The purpose of this study is to analyze the value-evaluation principles in film criticism in diachronic and synchronic aspects. The result of the research is the identification of the dominant value principles in film critical texts in different historical periods, justification of the need to follow the evaluation criteria that reveal the degree of artistic consistency of the film production.

Keywords. Film criticism, journalism, value meaning, publications, criteria, evaluative statement, critical-evaluative representation.

For citation: Sayenkova-Melnitskaya L.P., 2021. Value-evaluation principles in film criticism. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (2): 175–183 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-175-183

Введение

Кинокритика является неотъемлемой частью той разновидности журналистики, которая позиционируется как культурно-просветительская [Лазутина, Распопова, 2012], культурологическая [Ильченко, 2019] либо является частью того информационного дискурса, который определяется как «культурологическая проблематика» [Дедкова, 2008] или как «тема культуры и искусства в СМИ» [Бондарева, 2004]. С учетом медиаобразовательного потенциала некоторые исследователи кинокритику рассматривают как разновидность медиакритики [Короченский, 2003; Федоров, 2013]. Процессы социокультурной и медиатрансформации позволили кинокритику рассматривать в контексте арт-журналистики [Сагдуллаев, 2014; Мясникова, 2014; Груздева, 2019; Самсонова, 2021], журналистики сферы досуга [Журналистика сферы..., 2012]. Одну из главных целей журналистики, которая репрезентирует художественную культуру, можно было бы определить как возможность «ориентировать общество в духовных богатствах, накопленных культурным слоем, и давать оперативное знание о его приросте и возможностях применения, помогая публицистическими средствами выявить значение новых артефактов и их роль в разрешении общественных и личных актуальных проблем» [Лазутина, Распопова, 2012, с. 213]. Кинокритика входит в состав того медийного контента, где реализуется функция «ценностного ориентирования», способствуя приобщению массмедиа к «структуре ценностных отношений» [Лазутина, 2013].

Кинокритика, предполагающая системную репрезентацию кинопроцесса в медиасфере, возникла одновременно с появлением первых фильмов. В течение всей истории развития киноискусства кинокритика была объектом пристального внимания кинематографистов. С. Эйзенштейн, Вс. Пудовкин, А. Довженко, С. Васильев рассматривали кинокритику с точки зрения наличия определенного инструментария для представления кинопроизведений. Кинокритика анализировалась как вид литературно-художественной критики в исследованиях искусствоведов, эстетиков. В отдельных работах кинокритиков, киноведов исследовались методологические подходы в репрезентации фильмов, определенные особенности представления кинопроцесса в средствах массовой информации. В белорусском исследовательском кинодискурсе есть издание, где представлены фрагменты многочисленных рецензий на белорусские фильмы, созданные в период с 1926 по 1983 гг. [Авдеев, Зайцева, 1996; Авдеев, Зайцева, 2000].

В данном исследовании обращается внимание на ценностно-оценочные основания кинокритики как на сущностные параметры этого вида информационно-аналитической деятельности в журналистике. Актуальность этой темы предопределена несколькими факторами. Во-первых, ситуацией в самой киноиндустрии, когда при активном наращивании технического и технологического потенциала увеличивается степень финансово-коммерческих возможностей этой области развлечений, что при количестве выпускаемых фильмов создает ситуацию «киноброуновского» движения. Кинокритические стратегии ценностного ориентирования в данном случае нужны и важны для того, чтобы «придать смысл тому, что происходит в кино» [Ямпольский, 2012], что соответствует запросам той части аудитории, которая пытается «увидеть в мире хаоса порядок и смысл» [Ямпольский, 2012]. Во-вторых, необходимостью сохранения качественного информационного сегмента при увеличивающейся доли развлекательного и фейкового контента в современных средствах массовой информации. В-третьих, реализацией тех сущностно важных функций кинокритики, которые сформировались в течение более чем столетней истории ее развития – культурно-просветительской, познавательно-оценочной, художественно-эстетической. Кинокритике, в той или иной степени испытывающей влияние массовой культуры, по-прежнему свойственно стремление «дополнить... художественный талант способностью разумного критического суждения, непосредственность... творчества – теоретической опосредованностью и рациональным знанием норм, правил, принципов, критериев худо-

жественно-эстетического совершенства; сочетать создание ценностей, продиктованных творческой интуицией, с сознательной их оценкой, теоретической рефлексией» [Кондаков, 1997]. В исследованиях разных лет, где на теоретическом уровне осмысливались проблемы критики и кинокритики в частности, оценочность рассматривалась сквозь призму категорий объективного и субъективного [Баранов, Бочаров, Суровцев, 1982], в контексте методологических проблем [Зайцева, 1984], в обобщении практического опыта [Бондарева, 1983]. Однако в научно-теоретическом дискурсе оценочность в кинокритике не рассматривалась как текстообразующая категория, проявляющая ценностные установки, целенаправленность как автора, так и редакции. Важным моментом в изучении ценностно-оценочных оснований в кинокритике является анализ кинокритического дискурса в контексте конкретных историко-культурных реалий.

Методология исследования основывается на дискурсном подходе к кинокритическому тексту с точки зрения ценностных установок и выражения оценочных позиций. Для достижения поставленной цели использовались синхронический, диахронический методы анализа, а также метод системно-целостного анализа.

Ценностно-оценочный потенциал кинокритического дискурса: практический аспект

Ценностное значение кинокритики заключается в раскрытии тех смыслов в кинопроизведении, кинофактах, которые являются важными как для художественно-эстетического образования, этического воспитания, духовно-нравственного становления, так и для мировоззренческого просвещения. Когнитивная сущность кинокритики предопределена продуцированием собственных смыслов, соотнесенных, извлеченных из произведения киноискусства, творческого, личностного потенциала создателей этих произведений. В кинокритике актуализируется информация, имеющая отношение, с одной стороны, к кинематографическим реалиям, а с другой – социокультурному контексту. Она обладает ценностным значением, как в осмыслении конкретной ситуации, так и в понимании общечеловеческих смыслов. Кинокритические тексты наравне с другой информацией, представленной в том или ином издании (массовом общественно-политическом или специализированном), участвуют в обнародовании важных проблем, осмысление, а порой и решение которых определяет важную стратегию дальнейшего социокультурного развития. Тексты в СМИ, с одной стороны, отражают реальность, а с другой, отражают ценностное наполнение этой реальности. Адресат не только получает информацию, но и соотносит эту информацию со своей шкалой ценностей, предопределенной образованием, воспитанием, культурным багажом, уровнем развития общества, ментальными характеристиками. Показателем такой «включенности» потребителя информации в процесс открытия новых смыслов, соотнесенности этой информации со своими «индивидуальными запасниками» являются отзывы читателей (зрителей) на опубликованные тексты. Когда-то это были письма в редакции, сегодня это комментарии, отзывы на сайтах редакций, на электронной почте авторов, «клики», реплики в социальных сетях. Иногда эти письма – высказывание своей точки зрения на фильм, кинособытие; иногда – выражение отношения к публикации. Контент любой публикации – положительной или отрицательной – активизирует читательско-зрительскую реакцию в определении базовых ценностей. Перефразировав название одной из корреспонденций «Фильмы смотрят нас»¹, можно сказать, что публикации тоже «смотрят нас», что означает степень выявления в читателе (зрителе) определенных ценностных установок.

¹ Андрей Звягинцев. 2018. Не только мы смотрим фильмы, но и фильмы смотрят нас. URL: <https://urfu.ru/ru/news/25588/> (дата обращения 05.12. 2018).

Кинокритические публикации по содержанию, жанрово-тематическим параметрам, уровню авторской рефлексии, целеполагающим установкам бывают разные: информирующие, просвещающие, образывающие, вовлекающие, побуждающие, рекламирующие. Не в каждой публикации есть собственно критическое отношение автора к фильму, событию, кинофакту, киноперсоне. Независимо от «критической массы» кинокритическая публикация всегда вызывает определенную читательскую реакцию, поскольку в таких текстах заложен диалогический эффект. Восприятие медиатекста свидетельствует об уровне медиакультуры, степени развития личности, «способной воспринимать, анализировать..., заниматься медиаторчеством, усваивать новые знания» [Саенкова, 2010]. В истории кинокритики были такие факты, когда публикация давала повод для продолжительных дискуссий. Так было в свое время с фильмами ныне признанных киноклассиков М. Хуциева («Июльский дождь»), В. Шукшина («Жалоба красная»), А. Кончаловского («Романс о влюбленных»), Н. Михалкова («Неоконченная пьеса для механического пианино»), А. Германа («Мой друг Иван Лапшин»), А. Тарковского («Зеркало»), Л. Шепитько («Восхождение»). Зрительские письма во многом предопределяли кинокритические дискуссии, в которых отражались поиски гражданской самоориентации, культурно-исторической идентичности, нравственных смыслов. В прессе 1980-х гг. были популярны публикации разных мнений на один фильм, диалоги кинокритиков. Предметом обсуждения становились кинопроизведения, где герои оказывались в ситуации морального выбора. Такие дискуссии изначально были рассчитаны на диалогический эффект. Определению ценностных установок способствовали не только рецензии или диалоги, но и такие некогда активно востребованные жанры кинокритики, как творческий портрет, зарисовка, эссе [Саенкова-Мельницкая, 2014]. Максимально используя возможности кинодискурса для диалога с читательской аудиторией, акцентируя внимание на той информации, которая могла вызвать реакцию адресата, способствующую выявлению базовых ценностей, издание и автор влияли на реализацию важного предназначения журналистики – участие в ценностном ориентировании.

Ценностное ориентирование, заложенное в кинокритических текстах, предопределено авторско-редакционным целеполаганием и имеет многовекторную направленность: в сторону аудитории, авторской позиции, редакционных предпочтений. Ценность является одним из важных параметров любой целеполагающей системы, будь то человек, учреждение, среда, общество. Ценностное самоопределение начинается с авторского выбора: в современном культурно-просветительском медиадискурсе именно автор выбирает и предлагает информационный повод, определяет ценностную значимость кинофакта, изначально соотнося его с параметрами культуры. Несмотря на то, что экранная культура иногда продуцирует артефакты, далекие от классических этических и нравственных норм, кинокритик, как правило, делает выбор в пользу того произведения, где воплощены универсальные общечеловеческие ценности, принимающие когнитивную, «знаниевую» форму [Микешина, 2007]. Выбор автора свидетельствует о его ценностно-эстетических предпочтениях. Через чтение и восприятие текста читатель получает информацию не только о произведении, факте, событии, но и об авторе как о субъекте – создателе кинокритического произведения. Авторская самобытность в кинокритическом тексте проявляется не только благодаря индивидуальной манере представления кинопроизведения, авторскому стилю, но и благодаря постулированию своих ценностных предпочтений. В 1969 г. на экраны вышел белорусский фильм «Жди меня, Анна!» (реж. В. Виноградов). В общем хоре критических голосов преобладала негативная оценка. Фильм критиковали за «внешнюю поэтичность», которая не повлияла на раскрытие драмы времени, за драматургические изыскания, «дебри изобразительного изыска», «надуманный эксцентризм» [Белов, Хлопьянкина, 1970; Дьяченко, 1970]. Среди многочисленных публикаций в общесоюзной и белорусской прессе особенно стала заметной рецензия, опубликованная в газете «Советская Белоруссия». Журналист обратила внимание на то, что соотносится с ее личными

приоритетами: «Мы словно прикоснемся к истокам человеческой личности... Такие минуты душевной обнаженности человека редки в жизни, и мы бываем благодарны художникам, запечатлевшим этот миг, ибо в такие минуты мы и себя глубже познаем...» [Манавева, 1969]. В этой рецензии обнаружилась авторская пронизательность, умение заметить сущностные особенности режиссерского посыла, экзистенциальные ценности.

В ценностно-оценочном восприятии кинокритического текста есть несколько субъектных уровней. На первом уровне проявляется такое событие, как встреча двух авторов, когда авторский критический текст оценивается как сотворчество. Запечатление глубинного содержательно-ценностного плана фильма возможно при условии, когда критик сам наделен способностью ценностного ориентирования. Второй уровень предопределяет то, что, возможно, было не сразу заметно для читателя (зрителя) в фильме, – то встреча читателя с художественным произведением посредством кинокритического текста. Третий уровень обнаруживает равноправную встречу трех субъектов: автора, критика, читателя.

Уровни ценностного ориентирования в кинокритических текстах проявляются по-разному в зависимости от времени. Вышедший в 1966 г. фильм белорусского кинорежиссера Виктора Турова «Я родом из детства» сразу стал заметным явлением в многонациональном советском киноискусстве. Тем не менее, в многочисленных рецензиях преобладал негативный акцент. Фильм упрекали в том, что авторам не хватило глубины в раскрытии характеров персонажей, правды в показе драматических моментов последнего года войны, что «авторы фильма только описывают жизнь, но не познают ее», что «получились этюды... но снять целостную, единую по замыслу картину режиссер не сумел» [Блейман, 1967]. Спустя годы к фильму обратились критики другого поколения, увидевшие в нем то художественное наполнение, которое не открылось ранее. То, что некогда представлялось недостатком, через несколько лет обернулось художественным достоинством: эскизность, лиричность, недосказанность. «“Я родом из детства” был одним из первых в шестидесятые годы фильмов, в которых на смену традиционному сюжетосложению пришла драматургия более естественная, раскованная, сопрягающая события не по законам непрерывно развивающегося действия, а по сложным ассоциативным связям» [Павлючик, 1985, с. 42]. «В поле зрения авторов оказывается не столько повседневная жизнь героев, сколько эмоциональные удары, которые в те годы формировали человеческие души... Мир в фильме... видится преимущественно детскими глазами, потому естественно, что в его изображении описание преобладает над анализом, истолкованием» [Ратников, 1985, с. 127–128]. Авторы рецензий, наделенные опытом другого оптического видения, сформированного десятилетиями позже, сделали акценты на важной ценностной доминанте фильма, определившей стиль повествования, – атмосфера, интонация, ритм. Ценностно-эстетический потенциал автора-критика предопределил иную степень раскрытия художественно-ценностного наполнения произведения. Установление ценности предполагает процесс оценивания. Понятие «оценка» в аксиологии определяется как то, что соотносится с нравственными и эстетическими идеалами. Как справедливо замечено философом Л.А. Микешиной, «ценности объективно не содержатся в вещах, их источником может быть только субъект, осуществляющий оценивание на основе ценностных представлений» [Микешина, 2007, с. 48]. С другой стороны, «оценочное высказывание предполагает наличие трех компонентов – объекта, субъекта и основания оценки» [Гаранина, 2013, с. 28].

Кинокритика, имеющая дело с образами реальности, запечатленными в экранной форме, репрезентирует «картину мира с позиций визуальной метафоры» [Микешина, 2007, с. 5]. В кинокритических рецензиях содержательные смыслы раскрываются в единстве с анализом киноязыка, который имеет тенденцию к технологическому усложнению и метафорической образности. Открыть смыслы авторских месседжей, передаваемых через многообразие художественных деталей, образов, уловить стилеобразующую интонацию, ритм бывает непросто для массового зрителя, что актуализирует кинокритическую деятельность. В XXI в. с усилением процессов коммерциализации киноиндустрии, увеличе-

нием доли развлекательного киноконента повышается и потребность в критическо-оценочной репрезентации, квалифицированной интерпретации кинопроизведений.

В разные годы в кинокритике оформлялись разные ценностно-оценочные подходы в репрезентации произведения киноискусства. В начале 1910-х гг. главной ценностной установкой была поддержка самого факта появления кино, потому оценочной доминантой была рекламная составляющая. Постепенно рекламные элементы уступили место размышлению над содержанием, потому с середины 1920-х гг. в публикациях о кино стал доминировать другой оценочный принцип – нарративный, когда отношение к фильму выражалось посредством авторской интерпретации сюжета. В 1930-е гг. в советском кино постоянной была тема строительства нового общества, формирование нового человека. В газетно-журнальных публикациях того времени оценочный подход предполагал выявление социально значимых линий, конфликтов, характеристик героев. В 1940-е гг. в публикациях о кино доминировала патриотическая тема. Одним из самых важных ценностных акцентов был призыв к борьбе, позиционирование советского народа как борющегося за свободу.

В послевоенное время, в котором ощущалась атмосфера мирной жизни, появилась возможность перейти к новому формату фильмов (комедии, фильмы-спектакли, сатирические кинопроизведения) и к новым ценностным установкам в кинокритике, когда большее внимание стало уделяться таким понятиям, как художественная выразительность, правда характеров, драматургическая целостность. Шестидесятые годы в мировой кинематографии были отмечены поиском новой образности, эволюцией киноязыка, особым уровнем запечатления авторской индивидуальности. Кинокритики стали обращать внимание на эстетическую целостность фильма, анализируя «поэтичность замысла», «духовный мир героев», «эффектные киноприемы», «богатство ассоциаций», «выразительность деталей», «атмосферу времени». Оценочной доминантой в кинокритике 1960-х гг. оставался критерий правды, психологии характеров, но при этом добавился критерий эстетической значимости как наиболее важный. В публикациях о кино в авторской оценке преобладало собственно критическое отношение. Критические замечания высказывались относительно фильмов, которые и в то время становились заметными произведениями, а позже были признаны киноклассикой: «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», «Андрей Рублев», «Иваново детство», «История Аси Клячиной, которая любила да не вышла замуж», «Скверный анекдот», «Интервенция», белорусские фильмы «Через кладбище», «Третья ракета», «Восточный коридор». В 70-е годы на новом уровне продолжилось осмысление героики военного времени, что предопределило создание драмы героического противостояния. Ценностным центром кинорецензий было осмысление драматургии конфликта, выявление художественной и документальной правды характеров: «А зори здесь тихие», «Они сражались за Родину», «Полонез Огинского», «Венок сонетов», «Долгие версты войны». Это было время прихода в кино молодых авторов, появления стилистически новых фильмов известных мастеров и время экранизаций: «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Белая птица с черной отметиной», «Дикая охота короля Стаха», «Гамлет Щигровского уезда», «Жизнь и смерть дворянина Чертопханова», «Кортик», «Калина красная», «Зеркало», «Ключ без права передачи». Поскольку это было десятилетие дебютов и последующих картин молодых режиссеров, то ценностный смысл приобрела тема осмысления творческой эволюции киномастеров. В 1980-е гг. были созданы фильмы, в которых был запечатлен новый уровень осмысления событий прошлого и настоящего. Внимание к фильмам неожиданной кинематографической формы стало главной составляющей оценочного подхода. Ценностной установкой кинокритиков было объяснение документальной стилистики, новых выразительных средств, иного уровня художественной образности в таких фильмах, как «Мой друг Иван Лапшин», «Чужая вотчина», «Иди и смотри», «Покаяние», «Холодное лето пятьдесят третьего». В 1990-е гг., в период социокультурной трансформации, изменилась журналистика, государственное кинопроизводство переживало упадок. В публикациях о кино акцентировалось внимание на

развлекательности, эпатажности, консьюмеризме. В печати изменилась система авторства: кино (как и другие виды искусства) стали представлять не столько приглашенные критики, сколько штатные журналисты. Кинокритика постепенно стала трансформироваться в киножурналистику. Понятие «журнализм» применительно к текстам о кино в большей степени содержало отрицательную коннотацию: волюнтаризм, субъективизм, отсутствие эстетических критериев [Критика критики, 2003; Агафонова, 2014]. Основной ценностной установкой публикаций о кино в массовой прессе того времени было соответствие вкусам и ожиданиям не очень взыскательной в художественном плане, не очень подготовленной к эстетическому восприятию аудитории. Кинопубликации становились частью того информационного контента, который входил в поле товарно-денежных отношений. В ценностно-оценочных подходах авторов кинокритических текстов постепенно стал доминировать рекламно-репрезентационный элемент, усиление прагматической функции оценки [Ли Линцзюань, 2018]. Ценностно-оценочные критерии, предполагающие представление художественной значимости произведения, способствующие реализации культуроформирующей функции как кинокритики, так и журналистики в целом возобновились с появлением авторских колонок о кино, с приходом нового поколения журналистов, специализацией которых стало освещение вопросов киноискусства.

Заключение

Оценочность является той категорией в кинокритических текстах, посредством которой проявляются авторские стратегии, редакционное целеполагание, жанровые форматы, формируются основные текстообразующие параметры. В различных историко-культурных контекстах, у разных авторов, выражающих свое мнение по поводу одного и того же события, факта, оценочность проявлялась по-разному, обнаруживая разные ценностные установки, подходы. В кинокритике, как и в любом другом виде литературно-художественной критики, важно, чтобы ценностно-оценочные основания способствовали раскрытию универсальных культурных кодов, общечеловеческих смыслов. Ценностный потенциал кинокритики предопределен творческим характером этого вида деятельности. Творчество, реализуя идеи «созидания, совершенствования и возникновения... нового, никогда не бывшего ранее» [Фрольцова, 2003, с. 3], способствует самому главному: развитию и личностному раскрытию человека, «обретению человеком все большей свободы с тем, чтобы... максимально увеличить возможности личностной самореализации» [Фрольцова, 2003 с. 3].

Кинокритические тексты повышают степень культурной значимости издания, помогают реализовать культурно-просветительскую функцию журналистики, активно участвуют в художественно-эстетической ориентации аудитории, воссоздании ценностной картины мира. Ценностно-оценочные принципы, запечатленные в кинокритическом дискурсе, открывающие значимые смыслы, способствуют расширению художественно-коммуникативных возможностей и искусства кино, и гуманизации культуры в целом.

Список источников

1. Авдеев И., Зайцева Л. 1996. Все белорусские фильмы. Т.1. Игровое кино (1926–1970). Под ред. А.В. Красинского. Минск, Бел. навука, 240 с.
2. Авдеев И., Зайцева Л. 2000. Все белорусские фильмы. Т.2. Игровое кино (1971–1983). Под ред. А.В. Красинского. Минск, Бел. навука, 299 с.
3. Баранов В.И., Бочаров А.Г., Суровцев Ю.И. 1982. Литературно-художественная критика. М., Высшая школа: 207 с.
4. Белов Г., Хлопьянкина Т. 1970. Мнимая поэтичность. Советский экран, 18: 4–5.
5. Бондарева Е.Л. 2004. Освещение литературы и искусства в СМИ. Минск, БГУ, 119 с.
6. Блейман М. 1967. Талантам мысли глубину. Советская культура, 23 янв. С.4.
7. Дьяченко В. 1970. Парадоксы современного фильма. Искусство кино, 12: 21–35.

8. Журналистика сферы досуга. 2012. Под ред. Л.Р. Дускаевой, Н.С. Цветовой. СПб., Высш. школа журн. и мас. коммуникаций, 304 с.
9. Критика критики. Анкета «Искусство кино». 2003. Искусство кино, 12: 5–12. URL: <http://old.kinoart.ru/archive/2003/12/n12-article2> (дата обращения 07.08.2010)
10. Лазутина Г.В., Распопова С.С. 2012. Жанры журналистского творчества. М., Аспект Пресс, 320 с.
11. Манаева Д. 1969. О войне без войны. Советская Белоруссия, 20 нояб. С.4.
12. Павлючик Л. 1985. От исповеди к эпосу. Судьба и фильмы Виктора Турова. М., Всесоюзн. бюро пропаганды киноискусства, 112 с.
13. Ратников Г. 1985. На экране Великая Отечественная. В кн. Красинский А.В. Современное белорусское кино. Под ред. А.В. Красинского, Е.Л. Бондаревой. Минск, Наука и техника: 88–136.
14. Цветова Н.С. 2019. Искусство в массмедиа. С-Пб., Издательство ВВМ, 91 с.
15. Ямпольский Михаил. 2012. Что такое кинокритика. URL: <http://os.colta.ru/cinema/events/details/35533> (дата обращения 17. 07. 2014).

Список литературы

1. Агафонова Н. А. 2014. Искусствоведение как наука: Pro & Contra. Артэфакт, 1: 89–93.
2. Бондарева Е.Л. 1983. Экран в разных измерениях. Минск, Изд-во БГУ, 271 с.
3. Гаранина Э.Ю. 2013. Оценочность в жанре кинокритики. Вестник Кемеровского государственного университета, 2-2 (54): 28–31.
4. Груздева М.М. 2019. Современная арт-рецензия как отражение арт-сознания постмодернистской культуры (к постановке вопроса). Вопросы психолингвистики, 2 (40): 176–185.
5. Дедкова Т.Ф. 2008. Культурологическая проблематика. В кн.: Проблематика СМИ: информационная повестка дня. Под ред. М.В. Шкондина и др. М., Аспект Пресс: 143–178.
6. Ильченко С.Н. 2019. Культурология журналистики: объяснение понятий. Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика, 1: 13–16.
7. Короченский А.П. 2003. Пятая власть? Медиакритика в теории и практике журналистики. Ростов н/Д., Изд-во Рост. ун-та, 280 с.
8. Лазутина Г.В. 2013. Печатные издания в процессе ценностного ориентирования аудитории: возможности и результаты. Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика, 6: 66–77.
9. Ли Линцзюань. 2018. Снижение категоричности оценки и прагматическая функция оценки в тексте кинокритики. Филологические науки. Вопросы теории и практики, 7-2 (85): 343–347.
10. Микешина Л.А. 2007. Эпистемология ценностей. М., Рос. полит. энцикл., 439 с.
11. Мясникова М.А. 2014. Практическая подготовка арт-журналистов в рамках профессионального медиаобразования. Педагогическое образование в России, 12: 117–121.
12. Сагдуллаев К.К. 2014. Арт-журналистика в глобальном информационном пространстве. Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 3-4: 13–17.
13. Саенкова Л.П. 2010. Особенности современной медиаккультуры в условиях глобализации. Социум и власть, 4 (28): 97–102.
14. Саенкова-Мельницкая Л.П. 2014. Понятия «жанр», «система жанров» в журналистике и кинокритике: предметные характеристики и факторы жанрообразования. Веснік БДУ. Сер IV. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка, 4 (2): 82-85.
15. Самсонова А.А. 2021. Арт-журналистика. Речевые техники оценивания произведения искусства. С-Пб. Алетейя, 129 с.
16. Федоров А.В. 2013. Анализ аудиовизуальных медиатекстов. М., Директ-Медиа, 182 с.
17. Фрольцова Н.Т. 2003. Типология творческой деятельности в аудиовизуальной коммуникации. Минск, БГУ, 216 с.

References

1. Agaphonova N.A. 2014. Iskusstvovedenie kak nauka: Pro & Contra. [Art history as a science: Pro & Contra] Artefakt, 1: 89–93.
2. Bondareva E.L. 1983. Ekran v raznykh izmereniyakh [Screen in different dimensions]. Minsk, Publ. Belarusian State Univ. 271 p.

3. Garanina E.Yu. 2013. Otsenochnost' v zhanre kinoretsenzii [Appreciation in the genre of film review]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2-2 (54): 28–31.
4. Gruzdeva M.M. 2019. Sovremennaya art-retsenziya kak otrazhenie art-soznaniya postmodernistskoy kul'tury (k postanovke voprosa) [Contemporary art review as a reflection of the art consciousness of postmodern culture (to the question)]. *Journal of Psycholinguistics*, 2 (40): 176-185.
5. Dedkova T.F. 2008. Kul'turologicheskaya problematika [Cultural Problems]. In: *Problematika SMI: informatsionnaya povestka dnya [Media issues: information agenda]*. Eds. M.V. Shkondin, G.S. Vychuba, T.I. Frolova. M., Publ. Aspekt Press: 143–178.
6. Il'chenko S.N. 2019. Kul'turologiya zhurnalistiki: ob"yasnenie ponyatiy [Culturology of journalism: explanation of concepts]. *Journal of the Belarusian State University. Journalism*, 1: 13-16.
7. Korochenskiy A.P. 2003. Pyataya vlast'? Mediakritika v teorii i praktike zhurnalistiki [Fifth Estate? Media criticism in the theory and practice of journalism]. Rostov n/D., Publ. Rost. un-ta, 280 p.
8. Lazutina G.V. 2013. Pechatnye izdaniya v protsesse tsennostnogo orientirovaniya auditorii: vozmozhnosti i rezul'taty [Printed publications in the process of value orientation of the audience: opportunities and results]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 6: 66-77.
9. Li Lintszyuan'. 2018. Snizhenie kategorichnosti otsenki i pragmaticheskaya funktsiya otsenki v tekste kinoretsenzii [Decrease in the categorical evaluation and the pragmatic function of evaluation in the text of a film review]. *Philology. Theory & Practice*, 7-2 (85): 343-347.
10. Mikeshina L.A. 2007. Epistemologiya tsennostey [Epistemology of values]. M., Publ. Ros. polit. entsikl., 439 p.
11. Myasnikova M.A. 2014. Prakticheskaya podgotovka art-journalistov v pamkach professionalnogo mediaobrazovaniya [Practical training of art journalists in the framework of professional media education]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 12: 117–121.
12. Sagdullaev K.K. 2014. Art's journalism in the global information space. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*, 3-4: 13-17.
13. Saenkova L.P. 2010. Osobennosti sovremennoy mediakul'tury v usloviyakh globalizatsii [Features of modern media culture in the context of globalization]. *Society and Power*, 4 (28): 97-102.
14. Saenkova-Mel'nitskaya L.P. 2014. Ponyatiya «zhanr», «sistema zhanrov» v zhurnalistike i kinokritike: predmetnye kharakteristiki i faktory zhanroobrazovaniya [The concepts of "genre", "system of genres" in journalism and film criticism: subject characteristics and factors of genre formation]. *Journal of the Belarusian State University. Journalism and Pedagogics*, 4 (2): 82-85.
15. Samsonova A.A. 2021. Art-zhurnalistika. Rechevye tekhniki otsenivaniya proizvedeniya iskusstva [Art Journalism. Speech techniques for evaluating a work of art]. S-Pb., Publ. Aleteyya, 129 p.
16. Fedorov A.V. 2013. Analiz audiovizual'nykh mediatekstv [Analysis of audiovisual media texts]. M., Publ. Direkt-Media, 182 p.
17. Frol'tsova N.T. 2003. Tipologiya tvorcheskoy deyatel'nosti v audiovizual'noy kommunikatsii [Typology of creative activity in audiovisual communication]. Minsk, Publ. BGU, 216 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Саенкова-Мельницкая Людмила Петровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой литературно-художественной критики факультета журналистики Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila P. Saenkova-Melnitskaya, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literary and Artistic Criticism of the Faculty of Journalism of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

УДК 070.1:316.774

DOI 10.52575/2712-7451-2021-40-2-184-190

Онлайн-интервью как новый востребованный жанр журналистики в период самоизоляции

Самойленко Н.С., Кушнир К.И.

Воронежский государственный технический университет,
Россия, 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия октября, 84
E-mail: samoilenkons@gmail.com; ksyu.kushnir.93@mail.ru

Аннотация: Описаны основные причины возникновения нового жанра журналистики – онлайн-интервью в современной действительности, проанализированы преимущества онлайн-интервью (возможность проведения интервью без личного присутствия гостя, относительная простота и дешевизна в производстве, оперативность создания контента) и недостатки, включающие в себя необходимость обладания интервьюируемым техническими средствами и навыками, относительно низкое качество видео, получаемого от интервьюируемого, отсутствие живого невербального контакта между собеседниками. Дано определение онлайн-интервью как категории, недостаточно описанной в рамках журналистской науки. Сделан вывод о том, что данный вид интервью достаточно быстро развивается в период самоизоляции, кроме того, после снятия ограничительных мер данный формат не исчезает, а складывается в самостоятельное направление в рамках журналистского творчества.

Ключевые слова: интернет-медиа, новые медиа, самоизоляция, контент, компьютерно-опосредованные коммуникации

Для цитирования: Самойленко Н.С., Кушнир К.И. 2021. Онлайн-интервью как новый востребованный жанр журналистики в период самоизоляции. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (2): 184–190. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-184-190

Online interviews as a new popular genre of journalism during the period of self-isolation

Nikita S. Samoilenko, Ksenia I. Kushnir

Voronezh State Technical University,
84 20-letiya Oktyabrya St, Voronezh, 394006, Russia
E-mail: samoilenkons@gmail.com; ksyu.kushnir.93@mail.ru

Abstract: The article describes the main reasons for the emergence of a new genre of journalism – online interviews in modern reality, analyzes the advantages of online interviews (the ability to conduct interviews without the personal presence of a guest, the relative simplicity and cheapness in production, the speed of content creation) and disadvantages, including the need for the interviewee to have technical means and skills, the relatively low quality of video received from the interviewee, the lack of live non-verbal contact between the interlocutors. The definition of online interviews as a category that is not sufficiently described in the framework of journalistic science is given. It is concluded that this type of interview develops quite quickly during the period of self-isolation, in addition, after the removal of restrictive measures, this format does not disappear, but develops into an independent direction within the framework of journalistic creativity.

Keywords: digital media, new media, self-isolation, content, Computer-mediated communication

For citation: Sayenkova-Melnitskaya L.P., 2021. Value-evaluation principles in film criticism. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 40 (2): 184–190 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-184-190

Введение

Сегодня жанр интервью переживает новую волну популярности в интернет-медиа. Импульс был дан YouTube-каналом журналиста Юрия Дудя, интервью которого набирают большое количество просмотров. Феномен роста популярности жанра интервью в сети интернет уже стал объектом наблюдения научного сообщества [Ковригина, 2008; Жумаева, 2014; Хомутникова и др., 2019; Шестакова, 2019]. Сам Юрий Дудь в ходе интервью с Владимиром Познером противопоставляет свой «новый» жанр (самое популярное интервью на канале набрало более 33 млн просмотров) классическому интервью, которое в телеэфире привлекает аудиторию в несколько миллионов человек¹. Несмотря на не совсем корректную аналогию, необходимо признать, что данный формат оказался крайне востребованным в условиях трансформации журналистики [Новичихина, Самойленко, 2020] и породил ряд последователей в новых медиа («Осторожно, Собчак», «Нежный редактор», «Пятница с Региной» и т.д.).

К положительным сторонам вышеуказанных интервью можно отнести следующие: традиционную структуру, профессиональную съемку в студии, расположение интервьюеров друг напротив друга и т. д. То есть отличия от традиционных телевизионных интервью относятся не столько к форме, сколько к содержанию. Внимание зрителей зачастую привлекается за счет провокационных вопросов, поднятия табуированных тем, использования девиантной лексики и молодежного сленга.

Мы обратили внимание на то, как жанр интервью видоизменялся в период пандемии. Времена самоизоляции вследствие распространения коронавирусной инфекции внесли глобальные изменения во многие сферы жизни, в том числе повлияли на массмедиа [Барановская, 2020]. Когда непосредственная встреча с собеседником оказалась невозможной, одним из новых востребованных форматов оказалось онлайн-интервью.

Онлайн-интервью (в некоторых источниках Skype-интервью) активно используется в социологических [Дмитриева, 2018], медицинских [Weinmann et al., 2012] и маркетинговых исследованиях [Александрова, 2019], исторических науках [Вертинова и др., 2019], в сфере управления персоналом [Путилова, 2015] (HR) как метод получения информации [Salmons, 2014]. (Отметим, что сего дня использование наименования Skype-интервью неправомерно, так как в последние годы, а особенно в период самоизоляции, появились другие крупные сервисы, такие как Zoom² и WhatsApp³, позволяющие проводить онлайн-интервью.) Но сама категория «онлайн-интервью» оказывается недостаточно описанной в рамках журналистской науки.

Данный вид интервью получил быстрое развитие в период самоизоляции, и нами была выдвинута рабочая гипотеза, что после снятия ограничительных мер, данный формат не исчезнет. Журналисты смогут избирать данный вид работы в тех случаях, когда считают это необходимым: для организации онлайн-встреч с собеседниками, находящимися на значительном удалении от студии, в труднодоступных местах, когда необходимо в сжатые сроки организовать интервью.

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=wg-TMymYSwE> (дата обращения: 09.02.2021).

² <https://www.bbc.com/news/business-52884782> (accessed: 09.02.2021).

³ <https://techcrunch.com/2020/03/26/report-whatsapp-has-seen-a-40-increase-in-usage-due-to-covid-19-pandemic/> (accessed: 09.02.2021).

На первом этапе исследования мы провели контент-анализ СМИ и новых медиа в период действия самых значительных ограничений, связанных с распространением коронавирусной инфекции (апрель – май 2020 года), с целью выявить частотность внедрения онлайн-интервью в телевизионные и интернет-эфир. На втором этапе мы повторили исследование в период, когда большая часть ограничений была снята (январь – февраль 2021 года). В рамках как первого, так и второго этапов отдельно рассматривались формы онлайн-интервью, творческие приемы и технологические особенности, использованные при их производстве.

Результаты и их обсуждение

Мария Лукина выделяет такую форму организации интервью, как «интервью с помощью разных служб Интернета». «Электронная почта, форум, чат и т. д. – возможные пути для сбора информации и проведения интервью. Если же нужно получить официальный комментарий, переписки в чате будет недостаточно. Тогда можно поговорить с интервьюируемым по видеосвязи» [Лукина, 2003]. Онлайн-интервью относится к так называемым Computer-mediated communication (CMC) [Chin, 2016]. В рамках исследования мы, вслед за другими учеными [Воевудская, Шурлина, 2019], определяем такой вид взаимодействия как «компьютерно-опосредованная коммуникация». В теории компьютерно-опосредованных коммуникаций (CMC) такие виды коммуникации разделяют на асинхронные и синхронные [Chin, 2016]. Именно последние – синхронные онлайн-интервью – оказываются наиболее близкими к традиционному интервью и позволяют журналисту в режиме реального времени получать информацию от собеседника, а аудитории – наблюдать за коммуникационным актом. При этом онлайн-интервью, как и телевизионные, разделяют на транслируемые в прямом эфире и в записи (часто в интернет-среде для обозначения прямого эфира употребляется термин «стрим» от англ. Stream – поток [Арбузов и др., 2020]).

По причине отсутствия закрепленного термина «онлайн-интервью» в рамках журналистской науки, мы предлагаем свое определение.

Онлайн-интервью – это жанр публицистики, беседа интервьюера с одним или несколькими лицами, компьютерно-опосредованная коммуникация, позволяющая получить журналисту актуальную информацию в режиме реального времени и транслировать ее как в прямом эфире, так и в записи.

На первом этапе исследования мы рассмотрели процесс актуализации данного жанра в период самоизоляции. Так, в период действия самых строгих ограничительных мер эфир телеканала «РБК» от 31 мая 2020 года за сутки транслировал 30 онлайн-интервью (общей продолжительностью 25 минут), что составило 52,08% суточного телеэфира¹.

Не остались в стороне и федеральные СМИ. «Первый канал» также инкорпорировал онлайн-интервью в свой эфир. На федеральном телеканале конвергентная форма встречается чаще в развлекательных программах, таких как «Доброе утро» или «Вечерний Ургант» (серия онлайн-интервью под названием «Встречи на безопасном расстоянии»).

Нельзя не отметить, что в интернет-среде онлайн-интервью также активно заполнили эфир. Одним из популярных спикеров стал экономист Сергей Гуриев. Дистанционный формат позволил ему в сжатые сроки дать несколько интервью для самых разных источников, начиная с малоизвестных YouTube-каналов и заканчивая такими СМИ, как «Эхо Москвы», «Дождь»².

На втором этапе исследования мы провели контент-анализ телевизионных и интернет-эфиров указанных выше СМИ после снятия большей части ограничительных мер в январе – феврале 2021 года.

¹ <https://tv.rbc.ru/archive/ekskluziv/5ed0cf132ae5966cfdb9a418> (дата обращения: 09.02.2021).

² <https://www.youtube.com/watch?v=nsN6AiOAdII&t=686s> (дата обращения: 09.02.2021).

Так, возвращаясь к телеканалу РБК, мы обнаружили, что онлайн-интервью на 1 февраля 2021 года составляют 15,3 % от общего суточного эфира телеканала. Однако, в рамках рубрики «эсклюзивные интервью» процент онлайн-интервью достигает 50 %. Так же короткие онлайн-интервью оказываются встроены во многие другие телепрограммы, такие как «Главные новости», «Что Это Значит» и другие.

Многие спикеры, которые активно участвовали в онлайн-интервью весной 2020 года, продолжили данную деятельность и в начале 2021 года, особенно на таких интернет-площадках, как YouTube. Здесь необходимо пояснить, что, несмотря на снятия большей части ограничительных мер по противодействию коронавирусной инфекции в Российской Федерации к февралю 2021 года, международные перелеты и трансграничное сообщение остаются закрытыми по многим направлениям. Соответственно, онлайн-интервью выступает единственно возможным способом провести эфир с собеседниками, которые находятся в других странах.

Рассмотрение практики функционирования онлайн-интервью позволило нам выделить ряд преимуществ и недостатков.

К преимуществам онлайн-интервью относятся:

- возможность проведения интервью без личного присутствия гостя в студии и на любом расстоянии;
- относительная простота и дешевизна в производстве;
- оперативность создания контента.

Недостатки онлайн-интервью:

- интервьюируемый должен обладать необходимыми техническими средствами и навыками;
- на данном этапе качество аудиовизуального сигнала, получаемого от интервьюируемого, недостаточно высоко по отношению к современным телевизионным стандартам;
- отсутствует живой невербальный контакт между собеседниками.

При этом необходимо отметить, что на данный момент не существует единого подхода к форме проведения такого интервью. На первом этапе весной 2020 года мы выделили следующие формы проведения онлайн-интервью: в рамках эксклюзивных онлайн-интервью в эфире телеканала «РБК» попеременно выдаются планы с компьютера интервьюера, интервьюируемого и планы, снятые на профессиональную камеру, показывающие работу журналиста в студии. Однако в утреннем шоу «Стартап» на том же телеканале «РБК» видео с интервьюируемым выдается на четверти экрана, а оставшуюся часть экрана занимает инфографика. Для того, чтобы скрыть недостатки качества записи интервьюируемого, видео выводится в черно-белом цветовом решении. Иван Ургант иронизирует над ситуацией и общается с телевизором, на который транслируется видео с интервьюируемым в то время, как телевизор находится на руках у его ассистента. Канал «RTVI» проводит онлайн-интервью с участием двух интервьюеров, сидящих в кресле напротив телеэкрана с изображением собеседника. Журналист Дмитрий Гордон в рамках интернет-эфира выдает на экран два изображения одновременно – интервьюера и его и собеседника.

В 2021 году мы наблюдаем некоторые изменения. Так, телеканалом РБК была подготовлена специальная студия, в которой интервьюер находится в кресле перед экраном, развернутым в вертикальной ориентации, которая в большей степени соответствует пропорциям находящегося «по ту сторону» интервьюируемого. Таким образом, сама форма онлайн-интервью рождается на наших глазах и оставляет значительное пространство для творчества и экспериментов.

Заключение

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что онлайн-интервью как жанр журналистского творчества получило быстрое развитие в период самоизоляции. Нами была выдвинута рабочая гипотеза, что после снятия ограничительных мер, данный формат не исчезнет. Второй этап исследования показал, что в процентном соотношении после снятия ограничительных мер количество онлайн-интервью уменьшилось по сравнению с периодом действия самых жестких ограничительных мер, однако во многих случаях онлайн-интервью стали неотъемлемой частью телевизионных и интернет-эфиров.

Сегодня журналисты могут избирать данный вид работы в тех случаях, когда считают это необходимым: для организации онлайн-встреч с собеседниками, находящимися на значительном удалении от студии, в труднодоступных местах, когда необходимо в сжатые сроки организовать интервью.

Список литературы

1. Александрова И.Ю. 2019. Методология маркетингового исследования интернет-пользователей. *E-Management*, 2 (1): 7–18. DOI: <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2019-1-7-18>.
2. Арбузов С.С., Грибан О.Н., Грибан И.В. 2020. Применение технологии стрим-обучения в педагогическом вузе: подходы к оценке эффективности. *Педагогическое образование в России*, 1: 58–64.
3. Барановская П.А. 2020. Влияние пандемии коронавируса на деятельность средств массовой информации (на примере интернет-проекта хакасии "репаблик"). *Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова*, 2 (32): 57–63.
4. Вертинова А.А., Бородина Д.М., Воронова К.Н. 2019. Диджитализация сферы управления персоналом. *Карельский научный журнал*, (3 (28)), т. 8: 81–83.
5. Воеводская О.М., Шурлина О.В. 2019. Компьютерно-опосредованная коммуникация: характерные черты и специфические особенности. *ART LOGOS*, 1 (6): 98–110.
6. Дмитриева О.А. 2018. Скайп-интервью в качественных исследованиях. *Обзор. Мониторинг*, 1 (143): 107–116.
7. Жумаева О.А. 2014. Анализ интернет-интервью через призму фактора адресата. *Вестник Челябинского государственного университета*, 10 (339): 56–63.
8. Ковригина Е.А. 2008. Дискурсивные стратегии интервьюера (на материале американского интернет-интервью). *Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура*, 11: 85–90.
9. Лукина М.М. 2003. *Технология интервью*. М., Аспект Пресс, 191 с.
10. Новичихина М.Е., Самойленко Н. С. 2020. Новые медиа и новые функции медиатекста: к вопросу о трансформации современной журналистики. *Верхневолжский филологический вестник*, 2: 92–98.
11. Путилова Е.Г. 2015. Эволюция биографического метода: особенности проведения online-интервью. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 2 (65): 22–26.
12. Хомутникова Е.А., Джалилов Р.А., Иноятова К.Ш. 2019. Технологии создания интервью для молодежи в интернет-СМИ. *Медиасреда*, 2: 45–49.
13. Шестакова П.С. 2019. Применение жанра интервью в интернет-пространстве. *Медиасреда*, 1: 98–102.
14. Chin L. 2016. Advantages and Disadvantages of Computer Mediated Communication in the Context of Unimas Students and Staff. *New technocomm*. Available at: <https://newtechnocomm.wordpress.com/2016/03/05/advantages-and-disadvantages-of-computer-mediated-communication-in-the-context-of-unimas-students-and-staff/> (accessed: 09.02.2021).
15. Mc Quail D. 2005. *McQuail's Mass Communication Theory*. London, SAGE Publications, 534 p.

16. Salmons J. 2014. *Qualitative Online Interviews: Strategies, Design, and Skills*. SAGE Publications, 320 p.

17. Weinmann T., Thomas S., Brilmayer S., Heinrich S., Radon K. 2012. Testing Skype as an interview method in epidemiologic research: response and feasibility. *International Journal of Public Health*. 6: 959–961.

References

1. Aleksandrova I.Yu. 2019. Metodologiya marketingovogo issledovaniya internet-pol'zovateley [Methodology of marketing research of Internet users]. *E-Management*, 2(1): 7–18. DOI: <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2019-1-7-18>.

2. Arbuzov S.S., Griban O.N., Griban I.V. 2020. Primenenie tekhnologii strim-obucheniya v pedagogicheskom vuze: podkhody k otsenke effektivnosti [Application of stream-teaching technology in a pedagogical university: approaches to assessing effectiveness]. *Pedagogical Education in Russia*, 1: 58–64.

3. Baranovskaya P.A. 2020. Vliyanie pandemii koronavirusa na deyatelnost' sredstv massovoy informatsii (na primere internet-proekta khakasii "republik") [The impact of the coronavirus pandemic on the activities of the media (on the example of the Internet project of Khakassia "Republik")]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*, 2 (32): 57–63.

4. Vertinova A.A., Borodina D.M., Voronova K.N. 2019. Didzhitalizatsiya sfery upravleniya personalom [Digitalization of the sphere of personnel management]. *Karelian Scientific Journal*, (3 (28)), vol. 8: 81–83.

5. Voevudskaya O.M., Shurlina O.V. 2019. Komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya: kharakternye cherty i spetsificheskie osobennosti [Computer-Mediated Communication: Characteristics and Specific Features]. *ART LOGOS*, 1 (6): 98–110.

6. Dmitrieva O.A. 2018. Skayp-interv'yu v kachestvennykh issledovaniyakh. Obzor [Skype interviews in qualitative research. Overview]. *Monitoring*, 1 (143): 107–116.

7. Zhumaeva O.A. 2014. Analiz internet-interv'yu cherez prizmu faktora adresata [Analysis of Internet interviews through the prism of the addressee factor]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 10 (339): 56–63.

8. Kovrigina E.A. 2008. Diskursivnye strategii interv'yuera (na materiale amerikanskogo internet-interv'yu) [Interviewer's Discourse Strategies (Based on American Internet Interviews)]. *Vestnik of Buryat State University. Language. Literature. Culture*, 11: 85–90.

9. Lukina M.M. 2003. *Tekhnologiya interv'yu [Interview Technology]*. M., Publ. Aspekt Press, 191 p.

10. Novichihina M.E., Samojlenko N. S. 2020. Novye media i novye funktsii mediateksta: k voprosu o transformatsii sovremennoj zhurnalistiki. *Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik*, 2: 92–98.

11. Putilova E.G. 2015. Evolyutsiya biograficheskogo metoda: osobennosti provedeniya online-interv'yu. *Scientific Notes of Orel State University. Series Humanities and social sciences*, 2 (65): 22–26.

12. Khomutnikova E.A., Dzhailov R.A., Inoyatova K.Sh. 2019. Tekhnologii sozdaniya interv'yu dlya molodezhi v internet-SMI [Technologies for creating interviews for young people in online media]. *Mediasreda*, 2: 45–49.

13. Shestakova P.S. 2019. Primenenie zhanra interv'yu v internet-prostranstve [Application of the interview genre in the Internet space]. *Mediasreda*, 1: 98–102.

14. Chin L. 2016. Advantages and Disadvantages of Computer Mediated Communication in the Context of Unimas Students and Staff. *Newtechnocomm*. Available at: <https://newtechnocomm.wordpress.com/2016/03/05/advantages-and-disadvantages-of-computer-mediated-communication-in-the-context-of-unimas-students-and-staff/> (accessed: 09.02.2021).

15. McQuail D. 2005. *McQuail's Mass Communication Theory*. London, SAGE Publications, 534 p.

16. Salmons, J. 2014. *Qualitative Online Interviews: Strategies, Design, and Skills*. SAGE Publications, 320 p.

17. Weinmann T., Thomas S., Brilmayer S., Heinrich S., Radon K. 2012. Testing Skype as an interview method in epidemiologic research: response and feasibility. *International Journal of Public Health*. 6: 959–961.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Самойленко Никита Сергеевич, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета, г. Воронеж, Россия

Кушнир Ксения Игоревна, ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета, г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikita S. Samoilenko, Candidate of philological sciences, Senior Lecturer of the Chair of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

Ksenia I. Kushnir, Assistant of the Chair of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

УДК 81

DOI 10.52575/2712-7451-2021-40-2-191-197

Интерпретация императивной ситуации в дискурсе социальной рекламы

Шлык Е.В.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
Россия, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14
E-mail: shlykl@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена анализу текстов социальной рекламы на русском языке с привлечением соответствующих данных англо- и немецкоязычных текстов. Представлен анализ средств выражения прямой и косвенной императивности. Особый интерес вызывает последняя, поскольку дискурс общественной рекламы реже предполагает прямой императив в отличие от коммерческой, чаще императивный смысл лишь имплицитно выражается, заставляя реципиента размышлять, давая предпосылки для самостоятельных выводов, оценки, построения ассоциативного ряда. Являясь фрагментом категории модальности, побудительность представляет различные оттенки модальных значений, находящих выражение в дискурсе социальной рекламы.

Ключевые слова: императивная ситуация, социальная реклама, имплицитность, эксплицитность, категориальная императивность, некатегориальная императивность.

Для цитирования: Шлык Е.В. 2021. Интерпретация императивной ситуации в дискурсе социальной рекламы. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (2): 191–197. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-191-197

Interpretation of the Imperative Situation in Public Service advertising discourse

Elena V. Shlyk

I.G. Petrovski Bryansk State Academition University,
14 Beshitskaya St, Bryansk, 241036, Russia
E-mail: shlykl@mail.ru

Abstract. The article represents the results of the public service advertising texts analysis in Russian with the use of relevant English and German-language texts. The discourse of public advertising less often assumes a direct imperative in contrast to commercial, more often the imperative meaning is only implicated, forcing the recipient to think, presenting prerequisites for independent conclusions, evaluation, building an associative series. As a fragment of the modality category, motivation represents various connotations of modal meanings in the discourse of social advertising. An imperative situation, being a special type of modality, can be directly an act of will expression. The categorical imperative semantics is represented in the relevant imperative forms. The implicit variety of non-categorical imperative is presented with the help of a future indicative, questions about the realization of a possibility, forms of the subjunctive mood that represent the modality of a possibility, modal verbs of different semantics, forms of the infinitive. Additional connotations of meanings are revealed, due to the presence in one or another language of unique forms that do not have an equivalent in another language.

Keywords: imperative situation, public service advertising, implicitness, explicitness, categorical imperative, non-categorical imperative.

For citation: Shlyk E.V. 2021. Interpretation of the Imperative Situation in Public Service advertising discourse. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (2): 191–197 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-191-197

Введение

Проблема интерпретации императивной ситуации в дискурсе социальной рекламы приобретает всё большую актуальность в связи с увеличением объема общественно значимой рекламы в современном мире. Термин «социальная реклама» переводится с английского как *public service advertising* или *public advertising* и определяется как общественная или некоммерческая реклама» [Данилевская, 2017]. В отличие от коммерческой рекламы её основной целью является привлечение внимания к проблемам общества, воздействие на мировоззрение реципиента и, возможно, изменение его позиции, точки зрения, отношения к той или иной ситуации, на поведение людей, социальные проблемы и их решение [Мещерякова, 2012]. С дискурсивной точки зрения социальная реклама отличается от коммерческой специфичными признаками внешнего оформления и содержания, глубиной, запоминающейся, а иногда и шокирующей визуальной составляющей, иносказательностью, метафоричностью, характерной функциональной прагматической направленностью [Томская, 2000]. Эффективность общественной рекламы обусловлена закреплением в сознании реципиента в качестве его личного приобретения, знания и в дальнейшем мощным стимулом к действию [Ухова, 2014].

Несмотря на обращенный на эту проблему интерес исследователей, интерпретация императивной ситуации в дискурсе социальной рекламы на русском, немецком и английском языках не является хорошо изученной, в связи с чем представляется важным исследование данной специфики. В рамках описываемого исследования были выбраны, сопоставлены, сравнены и проанализированы более ста слоганов общественной рекламы на русском языке с привлечением немецко- и англоязычного материала с целью определения представленных в них типов императивных ситуаций. Императивная ситуация, являясь особым типом модальности, может представлять собой как непосредственно акт волеизъявления, так и его конкретное лексическое содержание, охватывая при этом два типа императивности, выделяемых по способу представления повелительности в языковом выражении [Теория функциональной ..., 1990].

Интерпретация императивной ситуации на примере слоганов социальной рекламы в русском, немецком и английском языках

Категориальная императивная семантика выражается соответствующими императивными формами [Бондарко, 2017]: *Смотри на людей, а не на их инвалидность*. В английском языке вместо глагола *to look* (смотреть) использован глагол *to see* (видеть), ср.: надо, необходимо увидеть человека, личность, несмотря на его особенности: *See the person, not the disability* (SCOPE, благотворительный фонд помощи инвалидам)¹. Категориальная императивность представлена в совокупности с некатегориальной имплицитной с оттенком потенциальной возможности, ср.: у нас есть время и возможность подождать, пока вы станете нашим клиентом – *Курите! Мы вас подождём!* (реклама компании по изготовлению памятников)², ср: *Хотите умереть? Продолжайте курить!*

Имплицитная разновидность некатегориальной императивности выражается с помощью футурального индикатива (ср.: *Курите, если не хотите стать родителями!*) с оттенком экспрессивности, основанной на отрицательных эмоциях, страхе, своего рода реклама от противного вместе с оттенком значения возможности: будет ли такая возможность, способность, сможете ли родить, будете ли в состоянии, если продолжите курить,

¹ <https://aspergersandmeblog.wordpress.com/2012/08/20/see-the-person/> (дата обращения: 15.08.2020).

² <https://www.sostav.ru/blogs/37775/19114/> (дата accessed: 15.08.2020).

т.к. эта пагубная привычка *может* стать и часто становится причиной бесплодия. Удачно использование грамматической омонимии с омофонией: *Родите ли? Курение вызывает бесплодие* (Слоган социальной кампании)¹.

Некатегориальная императивность выражается вопросом о реализации возможности. В русском языке, как и в английском и немецком [Dyer, 1995; Searle, 1999; Goddard, 2002; Кириллова, 2017], формы сослагательного наклонения репрезентируют модальность возможности: *может быть или возможно, ситуация была бы другой, если бы..., вы бы уже что-то предприняли, если бы...; так не будьте безразличны, спасите! Смогли ли бы вы не обращать внимание на мои проблемы, если бы...?*

Дополнительное значение необходимости выражено модальным глаголом:

– *Вам было бы не так безразлично, если бы я был пандой? – англ.: Would you care more if I was a panda?* (Всемирный фонд дикой природы)².

– *Ангажировали ли меня в качестве модели, если бы я был ВИЧ-положителен? – нем.: Würden Sie mich als Model buchen, wenn ich HIV-positiv wäre?* (социальная кампания в поддержку ВИЧ-инфицированных в Германии).

Некатегориальная имплицитная императивность представляется в пропозитивном содержании высказывания, ср.: *лучше используйте нас для работы, а не для развлечения:*

– *Любая работа лучше, чем быть туристической достопримечательностью. Прекратите пожизненное заключение! – англ.: Any job is better than being a tourist attraction* (Защита животных, содержащихся в неволе)³;

– *Курение не просто самоубийство. Это и убийство, ср.: Прекратите убивать себя и окружающих!* (Социальная реклама)⁴;

– *Здесь могло быть ваше тело* (Опасное вождение)⁵, ср.: *Не дайте себе превратиться в бездыханное тело, погибнуть.*

Речевая ситуация проиллюстрирована манекеном человеческого тела с рулем в руках, окруженное брызгами крови, пробившим рекламный щит и свисающим с обеих сторон. Реальная возможность при несоблюдении правил дорожного движения, необходимо соблюдать их во избежание ее реализации. Часто подобного рода послы опираются на визуализацию, вызывающую ужас, страх, отторжение [Рюмшина, 2004].

Имплицитная некатегориальная императивность в зоне пересечения крайней периферии императивного поля с полем возможности репрезентируется ядерными средствами выражения значения возможности – модальными глаголами, значение императивности размыто, вытекает из логической цепочки, представляющей персонификацию части природы: *не может сам, можете вы, защитите, это необходимо:*

– *англ.: The forest can't defend itself – русск.: Лес не может защитить себя сам* (Greenpeace)⁶; или оттягивает внимание реципиента на какую-то другую проблему, сравнивая, на первый взгляд, не подлежащее сравнению, тем самым как бы облегчая весомость диагноза.

Выстраивается цепочка: *рак лечится, его можно и нужно, лечите и вылечите:*

– *Любовь к татуировкам, похоже, не лечится, в отличие от рака.*⁷

Реальная модальность может быть представлена формами глагола в изъявительном наклонении с оттенком потенциальной возможности:

¹ <https://www.sostav.ru/blogs/37775/19114/> (дата accessed: 15.08.2020).

² <http://www.2social.info/sotsialnaya-reklama-wwf/> (дата обращения: 15.08.2020).

³ Там же

⁴ Там же

⁵ Там же

⁶ <http://gazetagreencity.ru/rubrika/kultura/ekologicheskaya-socialnaya-reklama/> (дата обращения: 15.08.2020).

⁷ <https://raklehitsa.ru/> (дата обращения: 15.08.2020)

– *Ваш ребенок – чистый лист. Кто рядом, тот и заполняет* (социальная реклама)¹, ср.: может заполнить, дает начало логической цепочки, приводящей к императиву: *не дай быть рядом кому-то другому, не дай заполнить, заполни сам, будь всегда рядом!*

Пересекаясь с полем необходимости, некатегориальная императивность вместе со значениями долженствования, необходимости представлена модальными глаголами с соответствующей семантикой:

– *Ангелы, которым нужна помощь* (= помогите!);²

– *Каждый против каждого. Кто-то должен быть за* – англ.: *Everybody is against everybody. Somebody has to be for them* (= будьте «за»!) (кампании против войн и насилия)³,

– нем.: *Leben sollte mehr wert sein. Denn Tiere haben keinen Preis, sondern einen Wert* – русск.: *Жизнь необходимо больше ценить. Т.к. у животных – не цена/стоимость, а ценность* (= Цените жизнь!)⁴

Некатегориальная императивность может быть представлена опосредованной мотивированностью действия, выраженного инфинитивной формой, волей субъекта, ср.: *Пусть они производят впечатление по-другому!* = *Производите впечатление! Не делайте этого!* Побуждение выражено с помощью инфинитива совершенного вида в русском языке, подчеркивающего результативность действия, ср. императивную форму: *произведи впечатление*, с оттенком возможности = можно произвести впечатление, это реально, есть другие способы, более «мирные».

– нем.: *Eindruck schaffen ohne Waffen!* – русск.: *Произвести впечатление без оружия!* (социальная реклама для подростков в Германии)⁵

Презентовать некатегориальную императивность могут формы инфинитива несовершенного вида с семантикой постоянности, повторяемости, многократности действия:

– *Учиться у русской истории!* (= надо учиться, учитесь!)

Может появляться значение отсутствия необходимости: *вы – выше, лучше, достойнее этого, у вас нет в этом необходимости, нужды:*

– *Пацаны! Вам это не надо!* (всероссийская антинаркотическая акция)⁶

Можно выделить значение необходимости, вынужденности или желательности:

– нем.: *Wenn fliegen, dann besonders* – русск.: *Если летать, то по-особому* (реклама авиаперевозчика Condor)⁷ (= должен/хочешь полететь – лети (но с нами)! если уж и приходится вам летать, возникает такая необходимость, такое желание, то следует выбирать особых, лучших авиаперевозчиков!)

Императивное значение может быть репрезентировано вопросом о реализации возможности:

– *До чего мы ещё дойдём, прежде чем начнём уважать природу?* (WWF)

– *Как насчёт того, чтобы поделиться с теми, кто в нужде?* – англ.: *How about sharing with those in need?* (детский благотворительный фонд)⁸

Для выражения семантики реальности может быть использован реальный индикатив:

– *Мода требует больше жертв, чем вы думаете* – англ.: *Fashion claims more victims than you think*⁹;

¹ <http://www.sloganbase.ru/?PageID=21&cat=32> (дата обращения: 15.08.2020).

² <http://voxfree.narod.ru/slogan/social.html> (дата обращения: 15.08.2020).

³ Там же

⁴ Там же

⁵ <https://www.gruenderkueche.de/fachartikel/die-besten-10-soziale-netzwerke-und-wie-sie-sie-nutzen/> (дата обращения: 15.08.2020)

⁶ <http://www.sloganbase.ru/?PageID=21&cat=32> (дата обращения: 15.08.2020).

⁷ <https://www.gruenderkueche.de/fachartikel/die-besten-10-soziale-netzwerke-und-wie-sie-sie-nutzen/> (дата обращения: 15.08.2020)

⁸ <http://www.2social.info/sotsialnaya-reklama-wwf/> (дата обращения: 15.08.2020).

⁹ <http://www.2social.info/sotsialnaya-reklama-wwf/> (дата обращения: 15.08.2020).

– *От загрязнённой пресной воды умирает столько же людей, сколько от ядерного взрыва* – англ.: *Polluted river water kills as many people as a nuclear explosion* (WWF)¹

– *Если вы не поднимите мусор, это сделают они*» – англ.: *If you don't pick it up – they will* (TBWA\Hunt\Lascaris)²

В определенных речевых ситуациях или условиях с опорой на рекламные постеры с изображением зверей, которые, подобно городским стенам, запачканы граффити; шкуры которых используют для пошива модной одежды, мёртвые животные, в прямом смысле набитые отходами [Солодовникова, 2013], возникает имплицитный императивный смысл слогана (ср.: *Давайте уважать, делиться, прекратить жертвы, загрязнение!*) с оттенками долженствования, отсутствия необходимости:

– *Почему кто-то должен умирать, чтобы мне было тепло? Я выбираю сострадание!* (= нет, не должен, нужно предотвратить это, я выбираю, выбери и ты!) («Вита» – центр защиты животных).

– *Ваша подпись – наше оружие.* – англ.: *Your signature is our weapon* (= необходимо действовать, используя мирное оружие, общество нуждается в нем) (правозащитная организация)³.

Значение облигативности, усиленное лексемами с оттенком актуальности: здесь и сейчас = пора + инфинитив в императивной функции (=бросай сейчас!):

– *Самое время и место, чтобы бросить курить!*⁴

Форма изъявительного наклонения прошедшего времени в несобственной функции репрезентирует действие как уже свершившееся, реализованное с оттенком реальной модальности в отличие от форм императива, имеющих футуральную отнесенность с оттенком потенциальности:

– *Взял и бросил!* (= возьми и брось) (День отказа от курения)⁵

Инфинитив может репрезентировать значение возможности:

– *Читать «Спорт-Экспресс» не значит, увлекаться спортом* (=можно читать, но лучше занимайся)⁶.

Формы индикатива могут выражать значение необходимости – необходимость избавить себя и окружающих от вредных воздействий:

– *Вдыхая – убиваешь себя, выдыхая – других* (=и то, и другое – плохо, не вреди ни себе, ни другим, бросай!)⁷

– *Этот мир лучше без наркотиков. Когда в жизни есть цель, наркотики не нужны* (= живи без них, иди к своей цели)⁸

– *Кто не рискует – тот не пьет шампанское. Кто пьет за рулем – рискует потерять все* (ГИБДД) (= не пей, нельзя это допустить, иначе потеряешь всё)⁹

– *Вам лучше не смотреть на тех, кто не смотрел на знаки ограничения скорости.* (ГИБДД) (= от неприятного пугающего зрелища: не нужно Вам это видеть, это ужасает, не нужно нарушать правила, соблюдай их)¹⁰

– *Внимательность на дорогах – еще никому не мешала* (ГИБДД) (= будь внимателен, осторожен)¹

¹ <http://gazetagreencity.ru/rubrika/kultura/ekologicheskaya-socialnaya-reklama/> (дата обращения: 15.08.2020).

² Там же

³ Там же

⁴ <http://www.sloganbase.ru/?PageID=21&cat=32> (дата обращения: 15.08.2020).

⁵ Там же

⁶ Там же

⁷ <http://vse-ravno.net/> (дата обращения: 15.08.2020).

⁸ Там же

⁹ <http://www.sloganbase.ru/?PageID=21&cat=32> (дата обращения: 15.08.2020).

¹⁰ Там же

– *Дворы и игровые площадки – для детей, а не для ваших железных коней* (ГИБДД)²
(= не паркуй свой автомобиль с помехой для окружающих)

– *нем.: Einer rast, zwei sterben – русск.: Один мчится, двое умирают*³ (= если ты превышаешь скорость, можешь погибнуть не только ты, но и другой водитель, необходимо соблюдать скоростной режим, соблюдай, не превышай скорость) (безопасность движения в Германии)

– *Когда ты оставляешь свет включённым, ты не единственный, кто платит* (WWF)⁴ (= необходимость беречь ресурсы, облигаторность).

Заключение

Таким образом, как прямая, так и косвенная императивность имеют своей целью побуждение реципиента к какому-либо действию или решению. Для дискурса общественной рекламы на русском, а также в иноязычных примерах (на немецком и английском языках) преимущественно характерно наличие косвенного императива, который в отличие от прямого, чаще встречающегося в коммерческой рекламе и побуждающего к мгновенному возникновению желания, принятию решения, быстрому действию, заставляет реципиента размышлять, представляя предпосылки для самостоятельных выводов, оценки, построения ассоциативного ряда, позволяет ему занимать ту или иную позицию или менять свою, существовавшую прежде точку зрения.

В проанализированных примерах на разных языках выявлены общность или сходство внутреннего содержания слогана, позволяющие сделать выводы об общности основных человеческих ценностей, таких как мир, жизнь, здоровье, окружающая природа, сходстве общественных целей и задач представителей разных культур, средства выражения языков которых и явились материалом исследования. Большие различия были выявлены в оттенках значений при выражении общей смысловой основы, что обусловлено разными языковыми средствами, характерными для того или иного языка (например, уникальные для русского языка формы изъявительного наклонения прошедшего времени в функции императива, формы герундия – для английского), разными реалиями того или иного социума.

Список литературы

1. Бондарко А.В. 2017. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. Под ред. Т.В. Рождественской, М.Д. Воейковой. М., Издательский дом Языки славянских культур, 336 с.
2. Данилевская Н.В. 2017. Социальная реклама как регулятор духовно-нравственного состояния общества: культурологический аспект. Коммуникативные исследования, 3 (13): 18–29. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.3.18-29.
3. Кириллова Ю.Н. 2017. Лингвостилистические особенности текста социальной рекламы (на материале немецкого языка). Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика, 17 (3): 265–272. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-265-272.
4. Мещерякова Н.В. 2012. Стилистические и прагмалингвистические особенности рекламных текстов социальной направленности. М., 241 с.
5. Рюмшина Л.И. 2004. Манипулятивные приёмы в рекламе. М., Март, 240 с.
6. Солодовникова А.Н. 2013. Современная социальная реклама: способы воздействия на адресата. Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 197 с.

¹ <http://www.sloganbase.ru/?PageID=21&cat=32> (дата обращения: 15.08.2020).

² Там же

³ <https://www.gruenderkueche.de/fachartikel/die-besten-10-soziale-netzwerke-und-wie-sie-sie-nutzen/> (дата обращения: 15.08.2020).

⁴ <http://www.2social.info/sotsialnaya-reklama-wwf/> (дата обращения: 15.08.2020).

7. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. 1990. Под ред. А.В. Бондарко. Л., Наука, 263 с.
8. Томская М.В. 2000. Оценочность в социальном рекламном дискурсе. М., 200 с.
9. Ухова Л. 2014. Эффективность рекламного текста. М., Директ-Медиа, 190 с.
10. Goddard A. 2002. *The Language of Advertising*. Routledge, 144 p.
11. Dyer G. 1995. *Advertising as Communication*. London, 143p.
12. Searle J.R. 1999. *Mind, Language and Society. Philosophy in the Real World*. N.Y., Basic Books, 187 p.

References

1. Bondarko A.V. 2017. *Glagol'nye kategorii v sisteme funktsional'noy grammatiki* [Verb categories in the functional grammar system]. Eds. T.V. Rozhdestvenskay, M.D. Voeykova. M., Publ. Izdatel'skiy dom Yazyki slavyanskikh kul'tur, 336 p.
2. Danilevskaya N.V. 2017. *Sotsial'naya reklama kak regulyator dukhovno-nravstvennogo sostoyaniya obshchestva: kul'turologicheskiy aspekt* [Social advertising as a regulator of the spiritual and moral state of society: a cultural aspect]. *Communication Studies*, 3 (13): 18–29. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.3.18-29.
3. Kirillova Yu. N. 2017. *Lingvostilisticheskie osobennosti teksta sotsial'noy reklamy (na materiale nemetskogo yazyka)* [Linguistic and stylistic features of the text of social advertising (based on the material of the German language)]. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 17 (3): 265–272. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-265-272 (in Russian)
4. Meshcheryakova N.V. 2012. *Stilisticheskie i pragmalingvisticheskie osobennosti reklamnykh tekstov sotsial'noy napravlenosti* [Stylistic and pragmalinguistic features of social advertising texts]. M., 241 p.
5. Ryumshina L.I. 2004. *Manipulyativnye priemy v reklame* [Manipulative Techniques in Advertising]. M., Publ. Mart, 240 p.
6. Solodovnikova A.N. 2013. *Sovremennaya sotsial'naya reklama: sposoby vozdeystviya na adresata* [Modern social advertising: ways of influencing the addressee]. Dis. ... Cand. philol. sciences. Saratov, 197 p.
7. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of functional grammar: Temporality. Modality]. 1990. Ed. A.V. Bondarko. L., Publ. Nauka, 263 p.
8. Tomskaya M.V. 2000. *Otsenochnost' v sotsial'nom reklamnom diskurse* [Evaluation in Social Advertising Discourse]. M., 200 p.
9. Ukhova L. 2014. *Effektivnost' reklamnogo teksta* [The effectiveness of advertising text]. M., Publ. Direkt-Media, 190 p.
10. Goddard A. 2002. *The Language of Advertising*. Routledge, 144 p.
11. Dyer G. 1995. *Advertising as Communication*. London, 143p.
12. Searle J.R. 1999. *Mind, Language and Society. Philosophy in the Real World*. N.Y., BasicBooks, 175 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шлык Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Брянского государственного университета им. ак. И.Г. Петровского, г. Брянск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Shlyk, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Bryansk State University named after ac. I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

УДК 378.0091.212:908(477.61)«193/195»
DOI 10.52575/2712-7451-2021-40-2-198-208

Формы организации историко-краеведческой деятельности студенчества в системе вуза с начала 1930-х до середины 1950-х гг. (на материале Ворошиловградской области УССР)

Анпилогова Т.Ю.

Луганский государственный педагогический университет
Луганская Народная Республика, 91011, г. Луганск, ул. Оборонная, 2
E-mail: dana-100@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа широкой источниковой базы автор выделяет формы историко-краеведческой деятельности студенческой молодежи советских республик в 1930–1950-е гг. Охарактеризован процесс организации таких видов работы студентов, как археологические исследования, научно-исследовательская работа в системе научных студенческих обществ, историко-краеведческая работа в рамках прохождения производственной педагогической практики в школе студентами педвузов, выполнение дипломных работ на краеведческую тематику. Освещена проблема использования элементов историко-краеведческой работы студенчества в ходе общественно-полезной деятельности. В основе авторской позиции лежит утверждение о том, что возрождение некоторых применяемых в советской педагогической практике форм организации историко-краеведческой деятельности студенчества даст возможность обеспечить формирование ряда важных универсальных компетенций выпускников современных вузов.

Ключевые слова: формы историко-краеведческой деятельности, студенчество, высшая школа, археологические исследования, педагогическая практика, научно-исследовательская работа студентов.

Для цитирования: Анпилогова Т.Ю. 2021. Формы организации историко-краеведческой деятельности студенчества в системе вуза с начала 1930-х до середины 1950-х гг. (на материале Ворошиловградской области УССР). Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (2): 198–208. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-198-208

Forms of organizing students' historical and local history activities in the university system from the early 1930s to the mid 1950s (based on the material of the Voroshilovgrad region of the Ukrainian SSR)

Tatyana Y. Anpilogova

Luhansk State Pedagogical University,
4/14, Defense St., Luhansk, 91011, Luhansk People's Republic,
E-mail: dana-100@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the implementation of the historical and local history activities of Soviet students in the 1930-1950s. Using the example of higher educational institutions of the Voroshilovgrad region of the Ukrainian Soviet Socialist Republic, the author identifies and characterizes

the forms of historical and local history work of student youth. Based on the analysis of documentary sources, the article describes the process of organizing such types of classroom and extracurricular work as archaeological research, research work in the system of scientific student societies, historical and local history work as part of industrial pedagogical practice at school and summer pioneer camps, ethnographic practice students of philological faculties, the implementation of theses on local history topics. The author highlights the problem of using the elements of students' work in local history in the course of socially useful activities, and indicates the reasons for the emergence of new forms of local history activities in the post-war period. The author's position is based on the assertion that the revival of some forms of organization of students' historical and local history activities used in Soviet pedagogical practice will make it possible to ensure the formation of a number of important universal competencies of graduates of modern universities.

Key words: forms of local history activity, students, high school, archaeological research, teaching practice, research work of students.

For citation: Anpilogova T.Y. 2021. Forms of organizing students' historical and local history activities in the university system from the early 1930s to the mid 1950s (based on the material of the Voroshilovgrad region of the Ukrainian SSR). Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (2): 198–208 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-198-208

Введение

Совокупность сложных политических, социально-экономических, социокультурных процессов неизбежно влечет за собой необходимость внесения корректив в образовательный процесс, что обуславливается рядом причин внутри- и внешнеполитического характера: изменением идентичности различных групп населения, смещением идеологических приоритетов, введением новых образовательных стандартов и т.д. Реализация данного процесса невозможна без изучения исторического опыта и использования наиболее эффективных форм и методов обучения и воспитания молодого поколения, в частности, такой социально активной группы, как студенчество. Значительный воспитательный и развивающий потенциал несет в себе историко-краеведческая деятельность, направленная на формирование гражданской идентичности и патриотизма современной молодежи. Ее организация предполагает длительную, целенаправленную, систематическую деятельность учреждений высшего профессионального образования, в основе которой лежит целый ряд форм, методов, средств. Получить и эффективно использовать в современных условиях интересный, самобытный опыт подобного вида деятельности позволяет анализ ее организации в вузах Ворошиловградской области УССР в 1930 – 1950-е гг.

Влияние образовательной парадигмы на формирование теоретико-методологической базы историко-краеведческой деятельности студенчества исследуемого периода

В 1930-е гг. в советской системе образования произошел ряд важных трансформаций, оказавших влияние на содержание и формы историко-краеведческой деятельности студенчества: упразднение в школе комплексной системы и переход к проектному методу; реорганизация системы вузов по ведомственному принципу; введение в вузах новых учебных планов, программ и учебников; тотальная политехнизация обучения; расширение форм учебной деятельности; введение в учебные планы исторических дисциплин, начало разработки концепции гражданского воспитания. Серьезный вклад в разработку теоретико-методологической базы историко-краеведческой деятельности студенческой молодежи на этом этапе внесли ученые и педагоги-практики Н.К. Крупская, П.Н. Савицкий, А.Ф. Вангенгейм, И.Г. Клабуновский, В.Ф. Карпыч, С.П. Толстов, А.Я. Вышинский, Е.И. Перовский и др. Обоснованные в их работах педагогические взгляды диктовались новой – государственно-ориентированной – образовательной парадигмой и отражали ее

основную идею, заключающуюся в подготовке в условиях жестко регулируемой государством образовательной системы «строителя коммунизма», способного с помощью имеющихся у него краеведческих знаний и навыков выполнять поставленные перед ним профессиональные и общественно-политические задачи. Цель, задачи, содержание, методы организации краеведческой деятельности молодежи и школьников, приобретенной в контексте происходивших в советских республиках социально-экономических процессов особую актуальность, полностью вытекали из указанной парадигмы.

Проблеме использования исторического опыта историко-краеведческой работы студенчества в современный период, апробации различных подходов в процессе организации деятельности молодежи в системе вуза посвящены исследования современных ученых [Мурсалов, Мусаев, 2010; Грибанова, 2015; Давыдов, 2015; Панова, 2015; Трегубенко, 2018; Юркина, 2018].

Формы организации и содержание историко-краеведческой деятельности студенчества

Вследствие сложной совокупности факторов в период с начала 1930-х до середины 1950-х гг. изменилось и количественно расширились как содержание, так и формы историко-краеведческой деятельности студентов Луганщины.

Первой, наиболее распространенной формой реализации историко-краеведческой деятельности студентов Луганщины в предвоенный период стало участие в археологических исследованиях. Организация археологических раскопок и обследований предполагала тесное сотрудничество с рядом научных учреждений, профессиональной функцией которых являлось изучение культурного наследия и сохранение исторических памятников. Проведением археологических изысканий в границах УССР в 1920-х – первой половине 1930-х гг. ведали учреждения, действующие при Всеукраинской академии наук: Всеукраинский археологический комитет, Кабинет антропологии и этнологии им. Ф. Вовка, комиссия по изучению разных регионов УССР, Украинский комитет (инспектура) охраны памятников культуры при Укрнауке, Всеукраинская научная ассоциация востоковедения, Украинский комитет краеведения [Яненко, 2016, с. 31]. Студенты, привлекавшиеся к участию в археологических исследованиях в качестве практикантов или участников археологического кружка получали представление о картах-анкетах, основных нормативных актах, регламентирующих проведение археологических работ, методике исследования, составлении отчета.

В Положении о производстве археологических обследований и раскопок, размещенном в 1932 г. в Бюллетене Народного комиссариата по просвещению РСФСР, подробно излагался порядок проведения археологических исследований на местах. Согласно документу, право на проведение археологических раскопок предоставляли специальные открытые листы, выдававшиеся Сектором науки Народного комиссариата просвещения [Положение о производстве..., 1932, с. 13]. Археологические обследования и раскопки представляли собой одну из форм историко-краеведческой деятельности студентов, реализовавшуюся в виде археологической практики. Методика осуществления раскопок, производимых студентами под руководством преподавателей, предполагала соблюдение общего алгоритма проведения археологических исследований, изложенного в издании А.А. Миллера «Археологические раскопки» [1934], а также в других методических изданиях и инструктивных документах.

В работе, изданной в 1934 г., А.А. Миллер подробно описывал задачи и методику проведения раскопок. Описанная им методика археологических исследований применялась и студентами вузов Ворошиловградщины, участвовавшими в раскопках и обследованиях. В конце 1920 – начале 1940-х гг. при участии студентов Донецкого института народного образования (ДИНО) и членов Научного общества на Донетчине под руководством С.А. Локтюшева были проведены раскопки на окраине г. Луганска, территории

пос. Вергунка, около с. Веселая гора, с. Красный Яр, окрестностях Луганской Станицы и г. Старобельска и др. [Археологічні досліді..., 1931, с. 81; Локтюшев, 2009, с. 253]. Результаты коллективных археолого-краеведческих исследований находили отражение в отчетах, докладах, статьях профессора С.А. Локтюшева и других сотрудников социального музея и краеведческого общества.

В результате изучения студентами археологических памятников в Луганской Станице летом 1939 г. были открыты древние жилища-землянки с ценным каменным инвентарем. Одновременно с раскопками велась фиксация археологических находок как путем измерения, так и с помощью фотосъемки. Полученный в процессе раскопок материал давал возможность охарактеризовать «социально-хозяйственную сторону» жизни древнейшего населения Луганщины [Локтюшев, 2009, с. 255].

Археологические работы в окрестностях г. Старобельска в пойме р. Айдар, проведенные осенью 1939 г. и летом 1940 г., дали возможность открыть семь древних поселений [Локтюшев, 2009]. Ход этих работ был описан в августе 1940 г. в одной из статей областной газеты «Ворошиловградская правда»: «Выполняя поручение Академии Наук УССР, ученый археолог проф. С.А. Локтюшев с группой студентов Ворошиловградского педагогического института им. Т.Г. Шевченко произвел археологические раскопки вблизи Старобельска... Участники раскопок... под руководством т. Локтюшева подвергнут изучению собранные экспонаты и различные материалы. После этого все материалы будут выставлены в Ворошиловградском краеведческом музее и педагогическом институте им. Т.Г. Шевченко» [Находки..., 1940, с. 455]. При этом, как свидетельствует отчет С.А. Локтюшева, «вся существенная работа, связанная с разбивкой, измерениями, ответственной копкой и прочим, велась главным образом студентами-археологами пединститута» [Отчет об археологических разведочных..., 2009, с. 417]. В силу неблагоприятных природных условий раскопки были приостановлены и при участии студентов продолжены летом 1940 г. [там же, с. 433]. Найденные артефакты, датированные III – началом II тыс. до н.э., были впоследствии детально изучены студентами, после чего выставлены в Ворошиловградском краеведческом музее. В предвоенные годы студенты, занимавшиеся в археологическом кружке, по инициативе преподавателя А.Н. Миланича принимали участие в раскопках археологических памятников Поднепровья в составе экспедиций, возглавляемых Д.И. Яворницким [Красильников, 1998, с. 62]. Методика проведения археологических работ с участием студентов, а также результаты, полученные в процессе исследований, были отражены в подготовленной в 1940 г. к печати работе С.А. Локтюшева «Историко-археологические исследования следов жилищ древних поселений в бассейне реки Донца, произведенных в 1939–1940 гг. (По материалам археологических экспедиций студентов Ворошиловградского педагогического института)» [В Ворошиловградском педагогическом..., 2009, с. 456].

Таким образом, археологические раскопки и обследования, проводимые как в виде археологической практики, так и в процессе деятельности участников археологического кружка, представляли собой одну из форм историко-краеведческой деятельности студенчества. Данный вид работы позволял:

- углубить знания студентов об истории первобытного общества – быте, материальной и духовной культуре древнейших людей, проживавших на территории Луганщины;
- сформировать у них представления о методике проведения археологических исследований, навыки работы с найденными историко-культурными ценностями и вещественными источниками;
- реализовать задачи трудового воспитания студенческой молодежи;
- сформировать навыки ориентирования на незнакомой местности;
- расширить общий кругозор, знания по истории родного края.

Второй формой реализации историко-краеведческой деятельности, организуемой в рамках как программной, так и непрограммной работы студенчества Луганщины в период с

1930-го до середины 1950-х гг. оставались краеведческие экскурсии. В методическом издании «Физико-географические экскурсии в средней школе» исследователь Г.Г. Шенберг отмечал, что «классификация такого сложного явления как экскурсии, отличающегося по содержанию (объекту изучения), участникам (субъекту), методам ведения, по условиям места и времени, поневоле должна быть сложна, многогранна и условна» [Шенберг, 1935, с. 12]. Под краеведческими экскурсиями автор подразумевал «коллективное изучение местными силами местного края во всех отношениях в целях соцстроительства» [Шенберг, 1935, с. 219]. В методическом пособии Г.Г. Шенберг выделяет четыре условия, которые должны быть соблюдены для того, чтобы экскурсия считалась краеведческой:

- 1) тема экскурсии должна быть направлена на местное соцстроительство;
- 2) к экскурсии должны быть привлечены местные работники;
- 3) разработка темы должна вестись коллективно, общественным образом;
- 4) разработка темы не должна ограничиваться одной экскурсией, а должна быть налажена более длительная, стационарная разработка [Шенберг, 1935, с. 219].

Экскурсионная деятельность студенческой молодежи была неразрывно связана с рядом дисциплин профессиональной направленности и нередко осуществлялась в ходе практики. Так, студенты Ворошиловградского педагогического института, обучавшиеся на заочном отделении или проходившие педагогическую практику в школе, активно привлекались к организации экскурсий, особенно после выхода приказа Наркомпроса «О развертывании туристско-экскурсионной работы среди учителей» от 20 мая 1934 г., в котором отмечалась необходимость развернуть среди учительства на местах туристско-экскурсионную работу [О развертывании туристско-экскурсионной..., 1934, с. 12].

В 1948 г. сотрудниками Института усовершенствования учителей и историко-краеведческого музея г. Ворошиловграда был составлен путеводитель для школьных экскурсий по Ворошиловградской области «Изучайте родной край» [1948]. Определяя практическую значимость организации экскурсий по маршрутам Луганщины, составители сборника отмечали: «Участники похода могут собрать богатый научный материал и сведения, которые станут наглядными пособиями для школ. Они должны научиться пользоваться топографической картой, ходить по азимуту, приучить себя к походной жизни» [Изучайте родной..., 1948, с. 13]. В методическом пособии, помимо рекомендаций, адресованных организаторам экскурсий, приводились и подробно описывались пять историко-краеведческих маршрутов по территории Ворошиловградской области. Одной из основных задач экскурсий определялось изучение «исторических условий развития производительных сил районов, их исторического прошлого, мест, где прошли революционные события в период гражданской войны и Великой Отечественной войны, где люди Ворошиловградской прославляли силу и мощь своей Родины» [там же, с. 12].

Для организации экскурсий выдвигались конкретные требования: 1) начальником группы должен был являться учитель или старший вожатый, достигший совершеннолетия и имеющий знания и опыт руководства; 2) перед экспедицией с участниками следовало провести ряд бесед на темы: «Ворошиловградская область в годы гражданской и Великой Отечественной войны», «Природное богатство и социальное строительство Ворошиловградской области», «Луганск – крепость большевизма», «Жизнь и деятельность К.Е. Ворошилова», «А.Я. Пархоменко – легендарный полководец», «Бессмертные подвиги молодогвардейцев», «Герои социалистических полей и промышленности», «Новости нашей области» [Изучайте родной..., 1948, с. 13–14].

Историко-краеведческие экскурсии были одним из самых популярных и доступных видов историко-краеведческой деятельности студенчества, приобретших особое значение в послевоенный период в связи с усилением внимания к вопросам истории гражданской и Великой Отечественной войны.

Третьей формой организации историко-краеведческой деятельности студентов ворошиловградских вузов стало их привлечение к собиранию фольклора, связанного с рево-

люционной тематикой. В 1939 г. ко Дню обороны Луганска в издательстве «Ворошиловградская правда» вышел сборник «Песни Ворошиловграда», содержание которого включало как произведения известных поэтов Донбасса – П. Беспощадного, Н. Упеника, М. Матусовского, Ю. Черкасского – так и частушки, и песни периода гражданской войны, собранные и записанные студентами Ворошиловградского педагогического института имени Т.Г. Шевченко. В основе собранных студентами произведений лежали сюжеты, посвященные отдельным эпизодам гражданской войны на Луганщине, – участию в военных действиях бронепоезда Ворошилова, партизанскому движению в крае в 1919 г., деятельности военачальников А. Пархоменко, К. Ворошилова, Е. Ковтюха, С. Буденного во время вооруженного противостояния большевиков и белогвардейцев, отступлению отрядов Шкуро на Дон, битве под Ростовом и др. [Песни..., 1939].

Собранный студентами фольклор, несомненно, имел большое воспитательное значение, поскольку в его материалах отражалась идея героизации красных командиров, сохранения исторической памяти о событиях гражданской войны в Донбассе, конструировался образ непобедимой Рабоче-крестьянской Красной Армии. Анализ данной формы историко-краеведческой работы студентов позволяет утверждать, что одним из ее результатов стало создание в условиях тоталитарной системы своеобразного феномена – региональной героики, позитивно влиявшей на процесс формирования этнорегионального сознания молодежи Луганщины.

Четвертой формой историко-краеведческой деятельности студенческой молодежи являлось выполнение дипломных работ по соответствующей тематике. Проблема организации работы студентов по подготовке дипломных работ стала предметом пристального внимания со стороны администрации педвузов после выхода в свет постановления коллегии Наркомпроса «О дипломных работах студентов пединститутов» от 4 декабря 1933 г. Документ устанавливал конкретные требования к дипломным работам студентов, например: обеспечение рационального выбора тем с учетом склонностей студента; увязка выбранной темы с актуальными задачами социалистического строительства; необходимость обоснования практической значимости работы, использования ее результатов в практике школьной жизни; обеспечение квалифицированной консультации научными руководителями; установление системы контроля работы над дипломным проектом в течение года [О дипломных работах..., 1934, с. 13–14]. Анализ учебно-методической документации луганских вузов дает возможность утверждать, что перечень тем дипломных работ студентов различных специальностей в 1930–1950-е гг. включал тематику, связанную с регионом, независимо от профиля вуза.

Зачастую подготовка студентами дипломных работ тесно переплеталась с их участием в научных студенческих обществах и научно-исследовательской деятельностью, проводимой под руководством преподавателей в течение нескольких лет обучения. Научно-исследовательская работа студентов в системе научного студенческого общества являлась пятой формой историко-краеведческой деятельности

В 1947–1948 учебном году в Ворошиловградском педагогическом институте им. Т.Г. Шевченко было создано студенческое научное общество (СНО), объединившее 16 научных кружков с общей численностью 206 студентов. Общество стало инициатором и главной движущей силой развития студенческой науки. В 1948 г. в СНО насчитывалось 18 кружков, в 1950 г. – 20. Их членами являлись более 400 студентов [Отчет о научной..., 1951, л. 6]. В 1951 г. вышел в свет первый том сборника студенческих научных работ¹, в который вошли три лучшие работы членов студенческого научного общества. Тематика двух работ отражала проблемы историко-краеведческого характера: «Донецкие поэты в борьбе за мир» (Е. Волошко), «Луганский (Ворошиловградский) паровозостроительный

¹ Сборник научного студенческого общества. Т. I. Госархив ЛНР. Р-446. Оп. 2. Д. 63.

завод им. Октябрьской революции с 1920 по 1940 год» (Н. Кабанова). Следует отметить, что включение краеведческой проблематики в научно-исследовательскую деятельность педагогов воронежских вузов и расширение спектра изучения региональных аспектов отечественной истории имели большое значение для развития историко-краеведческой работы студенчества, поскольку, с одной стороны, создавало стимул для приобщения молодежи к освоению методики этой работы, с другой – формировало научную и источниковую базу для проведения дальнейших исследований в системе вуза.

В качестве шестой формы историко-краеведческой работы студентов педагогических вузов можно рассматривать их деятельность по организации краеведческой работы в школе, осуществляемой в рамках прохождения производственной практики. В связи с переходом в начале 1930-х гг. на новые учебные планы, упразднением комплексной системы обучения и ее заменой проектным методом в школах и проектно-лабораторным методом обучения в вузах, переходом к тотальной политике политехнизации в системе образования остро встал вопрос о качестве прохождения студентами производственной практики, в том числе непрерывной. В информации Наркомпроса, размещенной в Бюллетене Народного комиссариата по просвещению РСФСР за 1932 г. отмечалась неудовлетворительная постановка непрерывной производственной практики в промышленных, сельскохозяйственных и социально-экономических вузах республик [О постановке непрерывной..., 1932, с. 2]. Проблемы с организацией производственной практики наблюдались и в педагогических вузах. Прежде всего они выражались в слабой методической подготовке студентов, недостаточном уровне их знаний по профильным предметам, отсутствии взаимосвязи между содержанием учебных дисциплин в школе и вузе. Ярким примером несоответствия знаний и навыков, получаемых студентами в вузе, требованиям, необходимым для обеспечения педагогической деятельности в школе, было практически полное отсутствие дисциплин краеведческой направленности в учебных планах институтов при наличии краеведческого компонента в школьных учебных планах.

В вышедшем в свет в 1934 г. постановлении Коллегии Наркомпроса «О педагогической практике в педвузах» утверждалось, что «несмотря на имеющиеся улучшения в постановке педпрактики в пединститутах, педпрактика сильно отстает от достижений в перестройке теоретического обучения». Решение данной проблемы планировалось обеспечить за счет усиления связи педпрактики с методикой по специальным дисциплинам, для чего предлагалось ее разделить на общепедагогическую и методическую [О педагогической практике..., 1934, с. 10]. Данная мера позитивно отразилась на общем уровне педагогических знаний и методических навыков, получаемых студентами в процессе прохождения производственной практики, однако не решала проблему необходимости получения специальных знаний для организации историко-краеведческой деятельности учащихся школ.

Отдельной, седьмой, формой реализации историко-культурной работы студенчества в период с начала 1930-х до середины 1950-х гг. стала практика в пионерских лагерях, пришкольных площадках и других летних оздоровительных учреждениях. Организации досуга детей в каникулярный период уделялось особое внимание, поскольку именно в этот период школьники, с одной стороны, были в меньшей степени охвачены идеологической пропагандой и общественно-политическим воспитанием, с другой – могли совмещать досуг с внешкольной деятельностью, которая имела для них более значимую внутреннюю мотивацию, чем изучение дисциплин учебного плана. Важными направлениями работы студентов со школьниками в пионерских и пришкольных лагерях были антирелигиозное и интернациональное воспитание, подготовка детей и юношей к обороне страны, изучение родного края [О летней работе..., 1932, с. 7]. Немаловажную роль в этом процессе играла краеведческая работа, организуемая вожатыми-студентами. Она заключалась в деятельности краеведческих кружков, организации походов и экскурсий по территории родного края.

Элементы историко-краеведческой работы студенчества использовались и в процессе такой формы общественно-полезной деятельности, как культурное шефство. В Постановлении ЦК ВКП(б) «Об улучшении дела самообразования», вышедшем в свет 8 октября 1933 г., обосновывалась идея о необходимости «всемерного развертывания и улучшения дела самообразования» с целью привлечения рабочей и колхозной молодежи к «овладению основами наук». Культпропу ЦК было поручено создать центральную группу высококвалифицированных лекторов «для выезда с лекциями по Союзу с привлечением лучших сил из высших научных учреждений» [Об улучшении дела..., 1934, с. 2]. К такой форме, как культурное шефство, относилось чтение лекций, проведение бесед и научно-популярных мероприятий, а также привлечение студентов к реализации совместных с педагогами проектов. Примером подобного приобщения студентов к краеведческой деятельности стало решение заседания методсовещания института полеводства (впоследствии Луганского сельскохозяйственного института) от 13 декабря 1932 г., об организации совместно со студентами во время выпуска IV курса «выставки, которая отражала бы историческое развитие и достижения института» [Протоколы, 1933, л. 46]. Осуществление студентами и преподавателями вузов культурного шефства требовало знания не только методики агитационно-пропагандистской работы, но и досконального понимания региональных особенностей, истории своего края. В послевоенный период культурное шефство трансформировалась в другие формы просветительской работы молодежи и с молодежью, которые вместе с тем продолжали подчиняться общей цели – «передаче политико-идеологических основ советского государства, развитию общей культуры, образования и нравственности у подрастающего поколения» [Ярмолич, 2015, с. 175].

Выводы

Таким образом, историко-краеведческая деятельность студенчества Луганщины (Ворошиловградской области) в период с начала 1930-х до середины 1950-х гг. осуществлялась в конкретных формах, отражавших как программную, так и непрограммную (внеаудиторную) составляющую. Основными формами организации историко-культурной деятельности студенческой молодежи Луганщины в указанный период являлись:

- археологические обследования и раскопки, проводимые в рамках археологической практики;
- собрание регионального фольклора;
- выполнение дипломных работ на краеведческую тематику;
- научно-исследовательская работа в системе научных студенческих обществ;
- историко-краеведческая работа в рамках прохождения производственной педагогической практики в школе у студентов педвузов;
- практика на пришкольных площадках и пионерских лагерях в летний каникулярный период;
- культурное шефство.

В силу отсутствия в учебных планах вузов краеведческих дисциплин историко-краеведческая деятельность студенчества осуществлялась преимущественно в ходе организации внепрограммной (внеаудиторной) работы, в рамках осуществления общественно-полезной и экскурсионно-туристической деятельности, культурного шефства, деятельности поисковых отрядов.

Содержание основных нормативных актов, регламентировавших развитие краеведческой деятельности в целом в системе школы и вуза, было направлено на максимальную централизацию управления данным процессом. Основными проблемами организации и осуществления историко-краеведческой деятельности студенчества в различных формах в указанный период стали: дефицит краеведческой литературы; недооценка государством роли исторического краеведения в процессе осуществления гражданско-патриотического

воспитания студенческой молодежи; диссонанс в краеведческой работе школы и вуза, что создавало трудности для студентов педвузов, проходивших педагогическую практику, и их выпускников в дальнейшей педагогической деятельности; эпизодичность, отсутствие системности в организации историко-краеведческой деятельности студенческой молодежи; дефицит компетентных педагогов-краеведов вследствие репрессий 1930 – 1940-х гг.

Проведенный анализ организации историко-краеведческой деятельности советского студенчества в указанный период позволяет утверждать, что внедрение ее отдельных форм и направлений, проявивших свою эффективность (кружковая и научно-исследовательская работа, краеведческая работа в школе в ходе практики, культурное шефство и др.) в системе высшего образования позволит более успешно реализовывать процесс трудового и гражданско-патриотического воспитания современной молодежи. Приобщение студенчества к историко-краеведческим проектам в ходе учебной и внеучебной деятельности будет способствовать формированию ряда категорий универсальных компетенций выпускника вуза, в частности таких, как межкультурное взаимодействие, гражданская позиция, коммуникация, командная работа и лидерство, системное и критическое мышление, самоорганизация и саморазвитие.

Список источников

1. Археологічні дослідження р. 1929. Донбаської археологічної експедиції на Луганщині (з повідомлення С. Локтюшова за ті дослідження, надісланого до ВУАК'у). 1931. Хроніка архітектури та мистецтва, ч. 3. К.: 81–82.
2. В Ворошиловградському педагогічному інституті імені Т.Г. Шевченка. 2009. Краєзнавчі записки. Випуск V. Археологічне надбання С.О. Локтюшева (до 130-річчя від дня народження). Наукова збірка. Автор-упорядник І.М. Ключнева. Луганськ, вид-во «Шико» ТОВ «Віртуальна реальність», 456 с.
3. Изучайте родной край: путеводитель для школьных экскурсий по Ворошиловградской области. 1948. Ворошиловград, Типография облполиграфуправления, 16 с.
4. Локтюшев С.А. 2009. Историко-археологические исследования следов древних поселений в бассейне р. Донца (По материалам практических полевых работ археологического кружка в 1939–1940 гг.). Краєзнавчі записки. Випуск V. Археологічне надбання С.О. Локтюшева (до 130-річчя від дня народження). Наукова збірка. Автор-упорядник І.М. Ключнева. Луганськ, вид-во «Шико» ТОВ «Віртуальна реальність»: 253–261.
5. Миллер А.А. 1934. Археологические разведки. Известия Государственной академии истории материальной культуры. Выпуск 83. Ленинград, Государственное социально-экономическое издательство, 177 с.
6. Находки археологов. 1940. Ворошиловградская правда, 4 августа.
7. Об улучшении дела самообразования. 8 октября 1933 г. 1934. Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР, 3: 2 с.
8. О дипломных работах студентов пединститутов. 4 декабря 1933, №310. 1934. Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР, 1: 13–14.
9. О летней работе среди пионеров и школьников в 1932 г. 1932. Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР, 25: 6–7.
10. О педагогической практике в педвузах. 1934. Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР, 16: 10–11.
11. О постановке непрерывной производственной практики студентов в промышленных, сельскохозяйственных и социально-экономических вузах по докладу НКРКИ РСФСР. 1932. Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР, 19: 2.
12. Отчет об археологических разведочных раскопках в окрестностях города Старобельска в 1940 году Локтюшева С.А. 2009. Краєзнавчі записки. Випуск V. Археологічне надбання С.О. Локтюшева (до 130-річчя від дня народження). Наукова збірка. Автор-упорядник І.М. Ключнева. Луганськ, вид-во «Шико» ТОВ «Віртуальна реальність»: 433–441.
13. Отчет об археологических раскопках в окрестностях г. Старобельска от 26/X – 2/XI – 1939 г. ученого археолога и геолога С.А. Локтюшева. 2009. Краєзнавчі записки. Випуск V.

Археологічне надбання С.О. Локтюшева (до 130-річчя від дня народження). Наукова збірка. Автор-упорядник І.М. Ключнева. Луганськ, вид-во «Шико» ТОВ «Віртуальна реальність»: 417–429.

14. Отчет о научной работе преподавателей за 1946–1951 годы. 1951. Госархив ЛНР. Ф. Р-416. Оп. 2. Д. 60.

15. Отчеты о научно-исследовательской работе института. 1946. Госархив ЛНР. Ф. Р-842. Оп. 1. Д. 45.

16. Песни Ворошиловграда. 1939. Ворошиловград, Ворошиловградская правда, 68 с.

17. Положение о производстве археологических обследований и раскопок. 1932. Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР, 1: 13–15.

18. Протоколы комиссии. 1933. Госархив ЛНР. Р-842. Оп. 1. Д. 4.

19. Шенберг Г.Г. 1935. Физико-географические экскурсии в средней школе. Москва–Ленинград, Учпедгиз, 256 с.

Список литературы

1. Грибанова В.А. 2015. Личностно-деятельностный подход как основа организации воспитательного процесса по формированию гражданской активности студентов. Современная педагогика, 8. URL: <https://pedagogika.snauka.ru/2015/08/4801> (дата обращения: 15.02.2021).

2. Давыдов С.Г. 2015. Самодеятельные объединения советской молодежи. В кн.: XIX Царскосельские чтения. Материалы международной научной конференции, г. Санкт-Петербург, 21-22 апреля. Под ред. В.Н. Скворцова, Л.М. Кобрина. Т. 1. Санкт-Петербург, Издательство Ленинградский государственный университет (ЛГУ) им. А. С. Пушкина: 32–35.

3. Красильников К.И. 1998. Основные результаты деятельности научной лаборатории археологических исследований и краеведческой работы. Вісник Луганського державного педагогічного університету імені Тараса Шевченка, 10: 62–65.

4. Мурсалов А.М., Мусаев О.К. 2010. Системный подход к организации самостоятельной работы студентов. Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки, 1 (10): 93 – 96.

5. Панова В.Н. 2015. Краеведение как средство патриотического воспитания. Образование и воспитание, 2(02): 43–45.

6. Трегубенко Е.Н. 2018. Олимпиада по краеведению: история и перспективы использования. Образование Луганщины: теория и практика, 2: 16–19.

7. Юркина Н.Н. 2018. Значение краеведения и регионоведения для познания отечественной истории. Преподаватель XXI век, 3-2: 233–246.

8. Яненко А. 2016. Історія музейної археології УСРР (1919–1934). Под ред. Н. Абашиной. К., Національний Києво-Печерський історико-культурний заповідник, 368 с.

9. Ярмолич Ф.К. 2015. Молодежь и культурно-просветительская работа в 1950-е гг. (на материалах Ленинграда). Новейшая история России, 3 (14): 173–181.

References

1. Gribanova V.A. 2015. Lichnostno-deyatelnostnyy podkhod kak osnova organizatsii vospitatel'nogo protsessa po formirovaniyu grazhdanskoj aktivnosti studentov [Personal-activity approach as the basis for organizing the educational process to form students' civic engagement]. Modern pedagogy, 8. Available at: <https://pedagogika.snauka.ru/2015/08/4801> (accessed: 15.02.2021).

2. Davydov S.G. 2015. Samodeyatelnye ob"edineniya sovetskoy molodezhi [Amateur associations of Soviet youth]. In: XIX Tsarskosel'skie chteniya [XIX Tsarskoye Selo Readings]. Proceedings of the International Scientific Conference, St. Petersburg, April 21-22. Eds. V.N. Skvortsov, L.M. Kobrin. Vol. 1. Sankt-Peterburg, Publ. house Leningradskiy gosudarstvennyy universitet (LGU) im. A.S. Pushkina: 32–35.

3. Krasil'nikov K.I. 1998. Osnovnye rezul'taty deyatelnosti nauchnoy laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy i kraevedcheskoj raboty [The main results of the activities of the scientific laboratory of archaeological research and local history work]. Bulletin of Luhansk Taras Shevchenko National University, 10: 62–65.

4. Mursalov A.M., Musaev O.K. 2010. Sistemnyy podkhod k organizatsii samostoyatel'noy raboty studentov [A systematic approach to the organization of students' independent work]. Dagestan State Pedagogical University. Journal. Psychological and Pedagogical Sciences, 1 (10): 93–96.
5. Panova V.N. 2015. Kraevedenie kak sredstvo patrioticheskogo vospitaniya [Local history as a means of patriotic education]. Obrazovanie i vospitanie, 2(02): 43–45.
6. Tregubenko E.N. 2018. Olimpiada po kraevedeniyu: istoriya i perspektivy ispol'zovaniya [Olympiad in Local Lore: History and Prospects of Use]. Obrazovanie Luganshchiny: teoriya i praktika, 2: 16–19.
7. Yurkina N.N. 2018. Znachenie kraevedeniya i regionovedeniya dlya poznaniya otechestvennoy istorii [The value of local history and regional studies for the knowledge of Russian history]. Prepodavatel XXI vek, 3-2: 233–246.
8. Yanenko A. 2016. Istoriya muzeynoï arkheologiiï USRR (1919–1934). Ed. N. Abashina. K., Publ. Natsional'niy Kievo-Pechers'kiy istoriko-kul'turniy zapovidnik, 368 p.
9. Yarmolich F.K. 2015. Molodezh' i kul'turno-prosvetitel'skaya rabota v 1950-e gg. (na materialakh Leningrada) [Youth and cultural and educational work in the 1950s. (based on materials from Leningrad)]. Modern History Of Russia, 3 (14): 173 – 181.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анпилогова Татьяна Юрьевна, докторант кафедры педагогики, доцент, заведующий кафедры истории Отечества Луганского государственного педагогического университета, г. Луганск, Луганская Народная Республика

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana Y. Anpilogova, doctoral student of the Department of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of the History of the Fatherland, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Lugansk People's Republic

УДК 378

DOI 10.52575/2712-7451-2021-40-2-209-218

О качестве обучения немецкому языку как второму (DaZ) в школах Германии

Безрукова Е.И., Колесников А.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: besrukova@bsu.edu.ru; kolesnikov@bsu.edu.ru

Аннотация. Современная система образования Германии переживает большие изменения. Одним из них является введение во всех типах немецких школ (от начальной до гимназии) нового учебного предмета «немецкий как второй язык». Это обусловлено миграционными процессами, происходящими в немецком обществе. Авторами рассматриваются педагогические и методические основы обучения немецкому как второму языку, а также проводится терминологическое отграничение понятия «немецкий как иностранный язык» и «немецкий как второй язык». Кроме того, авторы обращаются к характеристике таких терминов как «двухязычие» и «билингвизм». В центре внимания авторов актуальная ситуация в школах Германии в связи с обучением немецкому как второму языку. В результате педагогического наблюдения выделяются основные сложности преподавания немецкого как второго языка и обнаруживаются недостатки в системе и качестве обучения немецкому языку как второму. Анализируются причины возникающих сложностей и возможные пути их устранения. Авторы демонстрируют сложившуюся систему обучения на примере двух типов немецких школ – общеобразовательной школы и гимназии – для более объективного анализа. Впервые была подробно рассмотрена система обучения немецкому языку как второму в отличие от традиционной системы преподавания немецкого языка как иностранного.

Ключевые слова: система образования Германии, методика обучения немецкому языку, двухязычие, второй язык, немецкий язык как иностранный.

Благодарности: исследование проведено в рамках международного проекта по программе Европейского союза Erasmus+ No619477-EPP-1-2020-1-NL-EPPKA2-SVHE-JP «Улучшение внутренней оценки качества образования в сфере преподавания и обучения в вузах Азербайджана и России, IQAinAR».

Для цитирования: Безрукова Е.И., Колесников А.А. 2021. О качестве обучения немецкому языку как второму (DaZ) в школах Германии. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (2): 209–218. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-209-218

On the quality of teaching German as a second language (DaZ) in German Schools

Elena I. Bezrukova, Alexei A. Kolesnikov

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia,
E-mail: besrukova@bsu.edu.ru; kolesnikov@bsu.edu.ru

Abstract. Today's German education system is undergoing major changes. One of them is the introduction in all types of German schools (from primary school to gymnasium) of a new subject "German as a second language". The article deals with the pedagogical and methodological bases for teaching German as a second language and presents terminological distinction between "German as a foreign language" and "German as a second language". In addition, the authors consider different approaches to the definition of bilingualism. The authors focus on the current situation in German schools with regard to teaching German

as a second language. Through pedagogical observation main difficulties of teaching German as a second language are highlighted and drawbacks in the teaching system itself are revealed. The authors also analyse the reasons of described difficulties and the ways to cope with them. For more objective analysis, the current teaching system on the examples of two types of German schools, a comprehensive school and a gymnasium, is illustrated. The system of teaching German as a second language in contrast to traditional German as a foreign language was for the first time examined in detail.

Key words: German educational system, German language teaching methodology, bilingualism, second language, German as a foreign language.

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of an international project under the European Union program Erasmus + No619477-EPP-1-2020-1-NL-EPPKA2-CBHE-JP "Improving the internal assessment of the quality of education in the field of teaching and learning in universities in Azerbaijan and Russia, IQAinAR".

For citation: Bezrukova E.I., Kolesnikov A.A. 2021. On the quality of teaching German as a second language (DaZ) in German Schools. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (2): 209–218 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-209-218

Введение

Как известно, ФРГ является одной из ведущих Европейских стран, осуществляющих толерантную миграционную политику в отношении военных и политических беженцев. Такая политика привела к тому, что количество мигрантов в стране только лишь за 2015 год достигло 1 млн человек. В связи с этим было необходимо интегрировать новых жителей всех возрастов в немецкий социум. В настоящее время Германия продолжает принимать беженцев, а также поздних переселенцев, несмотря на сложность общей мировой ситуации в связи с пандемией коронавируса.

В этой ситуации появилась необходимость введения в немецких школах в учебные планы нового предмета «немецкий язык как второй» (Deutsch als Zweitsprache – общепринятое сокращение DaZ) в начале 2000-х годов. Но так как в Германии нет единой системы образования (каждая из 16 федеральных земель имеет свою систему школьного образования), соответственно нет и общего федерального распоряжения о введении DaZ. До этого времени DaZ преподавали в языковых школах и в языковых центрах преимущественно для иностранцев, которые приехали в Германию на работу. Предмет первоначально назывался "Gastarbeiterdeutsch" (немецкий язык гастарбайтеров) или "Deutsch für ausländische Arbeitnehmer". Введение DaZ было обусловлено политически, прежде всего политикой Ангелы Меркель по отношению к мигрантам. Поэтому количество учащихся школ, которым преподается DaZ, с каждым годом увеличивается. Следует заметить, что предмет DaZ обязателен и для детей мигрантов, которые родились в Германии, так как их родной язык (на котором говорят в семье) не немецкий.

В нашем исследовании мы предприняли попытку подробно рассмотреть и сравнить систему обучения немецкому как второму языку в школах Германии в связи с актуальностью самого объекта исследования для современного школьного образования в ФРГ.

Для достижения поставленной цели исследования были использованы следующие методы: теоретический анализ зарубежной литературы научно-методического направления, а также учебно-нормативных документов, сравнительный анализ, интерпретация зарубежной литературы; научно фиксируемое наблюдение, которое включает в себя сбор фактов, описание, обобщение и выделение закономерностей.

Различия в системах обучения DaF и DaZ

Прежде чем рассматривать предмет DaZ, попытаемся терминологически отграничить его от смежного предмета DaF (Deutsch als Fremdsprache – немецкий язык как ино-

странной). Учебный предмет DaF имеет достаточно глубокие корни в российской методике преподавания иностранных языков. Самым существенным отличием DaZ от DaF является то, что DaF преподают (изучают) не в немецкоговорящих странах, и сам немецкий язык используется только лишь на занятиях. DaZ изучается в самой стране, где немецкий является государственным языком (Германия, Австрия, Швейцария) и на нем говорят большинство жителей¹. Изучение DaF возможно и в Германии, если это непродолжительный (3–4 недели) интенсивный курс для иностранцев. Основное отличие заключается в том, что за рамками занятий нет никаких языковых контактов. Кроме того, изучение DaF носит системный характер, учебный материал четко структурирован, обучение строится часто на письменных текстах, много письменной тренировки, большое внимание отводится грамматическим правилам, обучению устной речи, говорение происходит путём симуляции реальных ситуаций (условная ситуация общения). Фокус обучения – это чтение и письмо. Можно сказать, что форма в этом случае превосходит содержание.

При изучении DaZ всё происходит наоборот, поскольку немецкий язык становится средством реального общения. Основным требованием является то, чтобы понять и быть понятым, то есть главным будет содержание. Тем самым изучение (обучение) носит ситуативный бессистемный характер, первичными будут аудирование (на улицах, в магазине, в транспорте и т.д.) и имитация. Часто правила выводятся интуитивно, из контекста, и даже с ошибками. Применение правил происходит в ситуации реального общения. Таким образом, содержание превалирует над формой. Говорящий ориентирован не на грамматическую правильность высказывания, а на коммуникативный успех. Фокус обучения – говорение и аудирование. Поэтому большое внимание на занятиях DaZ уделяется фонетике: необходим вводный фонетический курс, по возможности без письма².

В российской системе обучения методика преподавания немецкого языка как иностранного достаточно хорошо разработана. Этому способствовало, становление методики обучения иностранным языкам как науки в 1920–1930 гг. и введение иностранного языка как обязательного предмета в общеобразовательных школах (чаще всего именно немецкого языка) и выделение его в отдельную группу языковых предметов. Базовые проблемы и категории методики широко исследованы в известных работах Л.В. Щербы, А.Н. Шукина, А.А. Миролюбова, Н.И. Гез, Н.Д. Гальсковой, И.В. Рохманова, Г.В. Роговой, Е.И. Пассова, И.Л. Бим и др. Методика преподавания немецкого языка как иностранного является частной методикой и представлена в работах Л.В. Фадеевой, А.Н. Шамова и др. Огромную методическую поддержку учителям, преподающим немецкий язык как иностранный (DaF) в России, оказывает Немецкий культурный центр им. Гёте (Goethe-Institut). В немецкоязычном пространстве теория и методика преподавания иностранного языка представлена работами Э. Апельтауэра, К.Б.Бёкмманна, Й.Рохэ и мн.др.

Второй язык и двуязычие

Для дальнейшего рассмотрения объекта исследования необходимо обратиться к определению понятия «второй язык» (Zweitsprache) и «двуязычие» (Zweitsprachigkeit).

В немецкой научно-методической литературе нет общепринятой дефиниции термина «двуязычие» [Воескманн, 1997]. Наиболее обобщённое определение этому понятию даёт У. Вейнрейх в своём научном исследовании. Двуязычие он рассматривает как попеременное использование двух языков [Weinreich, 1977]. С точки зрения степени освоения обоих языков такое обобщённое определение вызывает множество вопросов. Дж. Маклафин пытается найти компромисс среди различных определений, часто достаточно крайних

¹ Kuhnecke A. DaF oder DaZ – Was ist der Unterschied? URL: <https://www.telc.net/verlagsprogramm/ueber-telc/daf-wissensportal/lernen-lernen/unterschied-daf-daz.html> (accessed: 15.03.2021)

² Böschel C. Didaktikblog für DaF und DaZ. URL: <https://www.daf-daz-didaktik.de> (accessed: 15.03.2021)

по отношению друг к другу: с одной стороны, предъявляются довольно высокие требования к коммуникативной компетенции, т.е. к уровню овладения обоими языками, вплоть до уровня компетентного пользователя (как родным языком) [Körre, 1997]. С другой стороны, каждого человека можно рассматривать двуязычным в том случае, если он овладел вторым языком в той мере, чтобы это позволило ему общаться.

Кроме того, следует делать отличие между «естественным, натуральным» двуязычием и «искусственным, приобретенным». В первом случае термин «двуязычие» аналогичен понятию «билингвизм». Билингвы – это люди, которые осваивают два языка одновременно в обычных, естественных условиях, в ситуациях повседневного реального общения. В противоположность этому «культурное» двуязычие характеризуется тем, что освоение второго языка происходит в определенном учреждении (например, в школе), а сам язык не является средством повседневного общения, т.е. условна ситуация общения для второго языка [Voeckmann, 1997]. «Естественное» двуязычие мы наблюдаем в том случае, если каждый из родителей говорит с ребёнком на своём родном языке, с «искусственным» двуязычием мы имеем дело, «если в одноязычной семье родители подражают естественному двуязычию.... Чаще всего родители не справляются, и в один прекрасный момент сдаются» (пер. автора) [Kielhöfer, 1998, s. 14]. Такому скептическому определению Й. Штефаник противопоставляет термин «интернациональный билингвизм», который заменяет понятие «искусственное» двуязычие [Štefánik, 2005].

Далее различают «элитарное» и «просторечное» двуязычие. В первом случае речь идёт о привилегированной возможности изучать второй язык, во втором случае о принуждении к изучению, поскольку большинство людей в окружении говорят на этом языке [Voeckmann, 1997].

Кроме того, различают раннее и позднее двуязычие. При таком различии нужно также дифференцировать понятия «овладение языком» и «изучение языка». Раннее двуязычие имеет место в том случае, если второй язык усваивается до окончания первого этапа языкового развития ребенка (приблизительно до 10 лет), когда язык изучается имитативно, по аналогии. После этого начинается осознанное изучение второго языка, которое напоминает изучение иностранного языка, на основе его (грамматической) системы. Здесь идет речь о первичном и вторичном билингвизме: первичный билингвизм рассматривается как одновременное овладение двумя языками, а вторичный – как овладение вторым языком после первого [Apeltauer, 1997].

Система обучения DaZ в немецкой школе

Таким образом, предмет DaZ как раз и представляет собой систему овладения вторым языком в школьных условиях. Предмет DaZ реализует две основные цели:

1. Овладение немецким языком и дальнейшее развитие коммуникативной компетенции минимум до уровня A2 (в соответствии с GER – Gemeinsamen Europäischen Referenzrahmen – система определения уровня владения языком)¹, в лучшем случае до B1 в устной и письменной речи.

2. Подготовка учащихся к переводу в школьный класс для дальнейшего освоения всех учебных предметов на немецком языке, т.е. к выполнению задания любого типа по предметам школьной программы.

Принято считать, что эти цели достигаются без ограничений и условий в среднем спустя 5 лет с момента изучения DaZ. Для того, чтобы успешно осваивать школьные предметы, DaZ-ученики (ученики, изучающие немецкий язык как второй) должны овладеть и «школьным» языком (Bildungssprache/Schulsprache). Это требование относится прежде всего к письменному языку, основными качествами которого являются абстракт-

¹ Gesamt-europäischer Referenzrahmen. URL: <http://www.europaeischer-referenzrahmen.de> (accessed: 07.03.2021)

ный характер, четкая структура, сложное языковое оформление. Кроме того, он предметно ориентирован и монологичен. Поэтому «школьный язык» часто формируется намного позднее, чем DaZ, на устном разговорном уровне. Овладение школьным языком предполагает использование определенной терминологии (в соответствии с предметом), умение работать с разными типами текстов и пользоваться различными операторами, например, записать протокол, описать диаграмму, интерпретировать литературный источник и т.д.¹

При обучении DaZ (точнее перед началом определенного курса) необходимо диагностировать уровень языкового развития учащихся. Это происходит, как правило, при поступлении в школу. Дети мигрантов, которые родились в Германии, при поступлении в начальную школу проходят языковое тестирование в дошкольных учреждениях за год до начала обучения.

В процессе обучения DaZ необходимо постоянно наблюдать за языковым развитием учащихся. Это происходит не на интуитивном уровне, а с помощью систематического документирования. Для этого используют различные методы диагностики уровня языкового развития. Наиболее известными являются профильный анализ по В. Грисхаберу, С-тест (это письменный экзамен, на основе которого проверяется уровень знания немецкого языка каждого учащегося) и описание уровней DaZ [Heilmann, 2013]. Многие немецкие школы отходят от общепринятых методик и разрабатывают свои анкеты наблюдений. Министерства образования многих федеральных земель предлагают свои разработки по анкетированию². Использование такого рода анкет предполагает индивидуальный подход и учет результатов наблюдения коллектива учителей.

Сложность для преподавателей DaZ представляют также и сами группы DaZ-учеников, поскольку они выражены гетерогенные. Гетерогенность касается не только уровня успеваемости и способностей учащихся, как это встречается в традиционном классе, но и возраста, страны происхождения, языка, уровня образования, мотивации, биографии, условий проживания в семье, психического состояния и эмоциональной нагрузки. Это встречается и на второй ступени школьного образования, куда поступают дети (молодые люди), которые ранее никогда не обучались иностранному языку. Задача учителя в таком случае заключается в том, чтобы создать такие условия, в которых все учащиеся смогут развиваться. Из опыта DaZ-учителей известно, что вновь прибывшие дети ведут себя очень сдержанно, никак себя не проявляют, пассивны. В соответствии с такой ситуацией на DaZ-учителя возлагается функция быть первым контактным лицом в школе, к которому ребёнок может всегда обратиться. Со стороны учащихся встречается часто непонимание, вплоть до отторжения самой системы обучения в школе, поскольку их прежний опыт был другим. Во многих странах школьная система построена на преимущественно фронтальном методе обучения и на постоянном заучивании учебного материала, в то время как в школах Германии стремятся к развитию самостоятельного, автономного учащегося – автодидакта. Кроме того, очень важно для DaZ-учителя как можно ранее обнаружить у ребенка имеющийся потенциал и таланты. Таким образом ребенок сможет проявить себя независимо от языкового дефицита (например, в спорте или музыке) и тем самым, благодаря позитивным эмоциям и возможно новым социальным контактам, быстрее адаптироваться к изменившейся среде, что в свою очередь будет способствовать более прогрессивному языковому развитию.

Особое значение имеет соотношение DaZ-учеников в DaZ-группе. Учитель должен внимательно следить за тем, чтобы не образовывались группировки, а также не было аут-

---

¹ Baumann I., Neuhof I. 2017. DaZ-Unterricht in der Schule. Infos und Tipps für den schnellen Einstieg in die Praxis. URL: <https://static.klett.de/klett/livebooks/W830234/> (accessed: 10.03.2021)

² Bildungsportal Niedersachsen. Formblätter und Materialien. 2016-2020. URL: <http://www.landesschulbehörde-niedersachsen.de/bu/schulen/schulentwicklung/sprachbildungszentren/formblaetter-materialien> (accessed: 01.02.2021)

сайдеров. Это происходит тогда, когда учащиеся, говорящие на одном и том же родном языке, садятся рядом и общаются не на немецком языке (во время выполнения заданий и в перерывах). Это может влиять на обучение положительно (взаимопомощь при выполнении заданий), но учителю лучше заранее обговорить с учениками возможность использования родного языка на его уроках.

Предмет DaZ является достаточно «молодым» по отношению к другим школьным предметам. Первый учебный план по немецкому как второму языку был разработан Министерством образования и культуры Баварии в 2001 году. И только к настоящему времени все 16 федеральных земель Германии имеют соответствующие учебные планы, опубликованные на их образовательных порталах. Например, учебный план по DaZ в Тюрингии был разработан Министерством образования, молодежи и спорта Тюрингии в 2020 году и в настоящий момент проходит апробацию [Deutsch als ..., 2020]. В нем отражена концепция обучения DaZ Министерства образования Тюрингии. Данный учебный план традиционно включает в себя описание целей, результатов (компетенций), содержания обучения, оценку результатов и предполагает обучение DaZ в три этапа: вводный, основной и продвинутый курсы.

Анализ системы обучения на примере школ г. Эрфурт (Тюрингия)

Для анализа и сравнения системы обучения DaZ мы выбрали две школы в г. Эрфурте (Земля Тюрингия): общеобразовательная школа № 3 (Regelschule Nr. 3 „Kolping-Schule“) и гимназия № 10 (Staatliches Gymnasium Nr. 10). Необходимо отметить, что средний этап школьного образования в Германии представлен несколькими типами школ, в каждой федеральной земле не менее 3 различных типов. Например, в Тюрингии их 4: общеобразовательная школа (Regelschule), гимназия (Gymnasium), общая школа (Gemeinschaftsschule) и интегрированная школа (Gesamtschule). Имеет место и специальная школа (Förderschule), в которой учатся дети с особыми потребностями с психическими и физическими задержками в развитии). Разница между названными школами средней ступени довольно существенна, она касается содержания обучения, набора учебных предметов, системы обучения в целом, но главное – уровня образования ученика, закончившего курс обучения. Учащиеся, окончившие гимназию и успешно сдавшие выпускные экзамены после 12 класса, получают аттестат зрелости, дающий право на поступление в любой университет (или вуз) в Германии. Ученики общеобразовательной школы также сдают экзамены, но после выпускного 10 класса, и получают аттестат об окончании общеобразовательной школы, который позволяет получить в дальнейшем среднее профессиональное образование [Thüringer Ministerium ..., 2018, с. 2].

Таким образом, требования к успеваемости учащихся гимназии изначально выше, чем в общеобразовательной школе. Это требование касается и уровня владения немецким языком. Очевидно, что количество DaZ-учеников в общеобразовательной школе будет выше, чем в гимназии, поскольку большинство мигрантов (беженцев) прибывают без специальной языковой подготовки. Исключение составляют в основном дети «трудовых» мигрантов, которых приглашают в Германию работодатели как высококвалифицированных специалистов. Их дети как раз и попадают в гимназию, т.к. часто владеют языком в достаточной мере. Так в 2019–2020 учебном году в общеобразовательной школе № 3 обучалось 18 DaZ-учеников, а в гимназии № 10 – 7. В соответствии с этим количество учителей, преподающих немецкий как второй язык в общеобразовательной школе № 3 в 2,5 раза больше. В гимназии достаточно иметь в штате одного учителя, работающего с полной нагрузкой, а в общеобразовательной школе в 2019–2020 учебном году 2 учителя преподавали исключительно DaZ, 1 учитель – только определенное количество часов (аналогично 0,5 ставки в России).

Отметим и тот факт, что наличие в школе учителя DaZ явление непостоянное. Каждый год ситуация в каждой конкретной школе меняется в зависимости от количества

учащихся и их скорости освоения предмета. Так, в 2020–2021 учебном году в гимназии № 10 уже нет постоянного учителя DaZ, есть только учитель, закрепленный за школой, который одновременно преподаёт DaZ в нескольких гимназиях г. Эрфурта. Причиной является сокращение часов DaZ, т.к. почти все DaZ-ученики достигли уровня B1–B2 и не нуждаются в интенсивном изучении предмета. Новых учеников в 2020–2021 учебном году в гимназию № 10 не поступало.

В общеобразовательной школе № 3 можно наблюдать другое явление – количество учеников там стабильно увеличивается, и, соответственно, количество учителей не снижается. Но общим для обоих учебных учреждений остается тот факт, что Управление образования Центральной Тюрингии (Staatliches Schulamt Mittelthüringen) принимает учителей DaZ лишь на условиях временного договора, в то время как учителя, преподающие другие предметы, работают по бессрочным контрактам. В таком случае мы наблюдаем своего рода неблагоприятные рабочие условия для DaZ-учителей, поэтому многие учителя, имеющие право преподавать 2–3 предмета (включая немецкий как второй язык), редко специализируются на DaZ. Это привело в последние годы к острой нехватке профессиональных педагогических кадров по этому предмету. Как следствие, в школы на работу в качестве учителя DaZ принимают преподавателей, имеющих иностранный диплом учителя немецкого языка как иностранного (DaF) даже без опыта преподавания в школе (например, мигрантов из России, Украины, Грузии).

Перейдём к анализу и сравнению групп DaZ-учеников в названных школах. При поступлении в общеобразовательную школу или в гимназию для учащихся нет требования по владению немецким языком. Таким образом, практически 100 % поступивших учеников из других стран начинают параллельно с обучением в обычном классе изучение немецкого языка в отдельной группе, т.е. посещение предмета DaZ. Так, в гимназии № 10 в 2019–2020 учебном году было 2 группы DaZ-учеников: в первой группе проходили интенсивное обучение с начального уровня 4 ученика, поступившие в гимназию в 2019 году (12 часов в неделю), а во второй – 3 ученика с языковым уровнем B1, поступившие в гимназию ранее (2 часа в неделю). Но и такое разделение на группы было достаточно условным, поскольку в первой группе из 4 человек 1 ученица поступила в гимназию, обладая коммуникативной компетенцией на уровне A1–A2, а во второй группе из 3 учеников двое свободно владели устной речью, но нуждались дополнительно в формировании умения письменной речи. Как мы видим, даже при таком распределении по DaZ-группам с минимальным количеством учащихся невозможно избежать их гетерогенности.

Подобную картину мы наблюдали и в общеобразовательной школе № 3: 16 учащихся были распределены на 3 группы, а двое обучающихся находились на индивидуальном обучении (по 1 часу в неделю). Распределение групп было следующее: наиболее многочисленная группа уровня A1 и A2 состояла из 10 человек. Две остальные группы состояли каждая из 3 человек. Обе немногочисленные группы включали в себя только что поступивших DaZ-учеников: в одной группе обучались с начального уровня дети, ранее посещающие школу в другой стране, а другая группа была представлена детьми, которые никогда не обучались в школе. В этом и заключается одно из основных отличий преподавания DaZ в общеобразовательной школе: именно на базе общеобразовательных школ организовываются «курсы грамотности» (Alphabetisierungskurs). В связи с этим на учителя DaZ возлагается не только обязанность преподавания немецкого языка как второго, но и культурное просвещение таких учеников, не имеющих никакого школьного опыта, хотя их возраст от 10 до 16 лет. Так, например, учитель DaZ должен научить правильно держать ручку при письме, показать и объяснить, для чего нужны школьные принадлежности, а также приобщить этих учеников к школьной жизни. DaZ ученики, которые проходят «курс грамотности», посещают только немецкий как второй язык до того момента, пока они не будут готовы обучаться в регулярном классе. При распределении в класс они продолжают обучение DaZ по индивидуальному плану.

Что касается индивидуального плана, то он составляется руководством школы совместно с учителем DaZ для каждого DaZ-ученика с учетом его языкового развития. На основе этого и выделяются DaZ-группы. Система обучения DaZ по индивидуальным планам введена во всех школах Тюрингии.

Спецификой предмета DaZ как в гимназии, так и в общеобразовательной школе является то, что этот предмет не оценивается, т.е. при выставлении оценок по учебным предметам за полугодие и за учебный год этот предмет даже не включен в перечень. Тесты проводятся исключительно для определения уровня владения коммуникативной компетенцией.

Примечателен и тот факт, что для DaZ-учеников, обучающихся в гимназиях г. Эрфурта (в том числе в гимназии № 10) в сентябре 2020 года был организован дополнительный интенсивный курс DaZ, который могли посещать те ученики, которые ещё не достигли на этот момент языкового уровня A2–B1. Эта дополнительная мера свидетельствует об озабоченности руководителей образовательных организаций уровнем преподавания DaZ в отдельных гимназиях и их стремлении улучшить ситуацию в целом.

Отметим также и тот момент, что в школах и в гимназиях (это касается гимназии № 10 и общеобразовательной школы №3) нет УМК по DaZ, рекомендованных Министерством Тюрингии в сфере образования, молодежи и спорта, как, например, УМК по математике или немецкому языку как родному языку. В школе № 3 использовали в качестве основного учебного пособия "Prima plus – Leben in Deutschland – DaZ für Jugendliche: Schülerbuch" (2016) известного издательства Cornelsen, уровень A1 и A2; в гимназии обучались по учебному пособию "Das DaZ-Buch" не менее известного издательства Klett, уровни A1-B1. Оба учебных пособия предназначены для учащихся школ и гимназий средней ступени обучения, для которых немецкий язык не является родным. Важным отличием этих учебных пособий является и тот факт, что они нацелены не только на обучение немецкому как второму языку, но и формируют «школьный язык», а также необходимые языковые навыки и умения для овладения другими школьными предметами в рамках программы.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что система обучения DaZ в школах Германии носит ситуативный, спонтанный характер, варьируется в зависимости от ситуации в каждой школе. Можно констатировать тот факт, что система ещё не сложилась, не выработана в том виде, как принято понимать в методике обучения иностранным языкам. Например, в сравнении с системой обучения немецкому языку как иностранному DaF (Deutsch als Fremdsprache) в России, где присутствуют все необходимые методические составляющие: стандартизированный институт квалифицированных кадров – учителей немецкого языка, система стандартов и учебных программ, УМК, рекомендованные Министерством просвещения РФ и т.д. С одной стороны, спонтанный, «бессистемный» характер обучения DaZ обусловлен спецификой самого предмета, который как раз и изучается в зависимости от ситуации, от необходимости использования немецкого языка. С другой стороны, это можно объяснить новизной и недостаточной определённой предметом DaZ, т.е. система только вырабатывается, находится на начальной стадии развития.

Из вышесказанного следует, что вопрос о качестве обучения немецкому языку как второму можно поставить под сомнение. Как известно качество обучения складывается из качества образовательной среды и качества результатов. Образовательная среда (при обучении DaZ) ещё не приобрела системный характер в том виде, чтобы можно было применять её повсеместно. Качество результатов оценить ещё сложнее, поскольку нет строгой системы критериев. Результаты, как было сказано ранее, индивидуальны и специфичны и практически никак не фиксируются.

Кроме того, снижению качества обучения DaZ будет способствовать общая ситуация со школьным образованием в Германии в связи с пандемией коронавируса. Как из-

вестно, домашнее обучение было введено в Германии в марте 2020 г.: 100 % обучения проходило в домашних условиях с марта по май 2020 г., в июне – июле 2020 г. домашнее обучение составляло 50 % (т.е. частично дети посещали школу). С сентября 2020 г. учащиеся вернулись в школы почти со 100 % учебной нагрузкой, но при этом некоторые предметы убрали из школьных планов. С декабря 2020 г. по февраль 2021 г. снова был введен карантин и, соответственно, домашнее обучение. С марта 2021 г. школы работали с 50% учебной нагрузкой. В таких условиях преподавание DaZ стало затруднительным. Во-первых, большинство школ ввели новые рабочие планы (например, исключили такие предметы, как «этика» и «спорт») и новое расписание уроков с ограничениями (например, не более 5 уроков в день). Во-вторых, DaZ-ученики оказались в разных группах, на которые разделили классы, соответственно они посещают школу в разные дни недели. Все эти обстоятельства усложняют преподавание DaZ, который как бы «надстраивается» надо всей школьной системой, носит своего рода дополнительный, факультативный характер. Сложности и, соответственно, снижение качества обучения представляет собой само домашнее обучение, когда преподавание DaZ сводится лишь к выполнению письменных заданий: тренируется грамматика, орфография, формируется умение чтения, частично аудирования, но полностью отсутствует говорение. Таким образом, DaZ-ученики ограничены домашней средой, практически не имеют языковых контактов, и при таком подходе не реализуется развитие навыков устной речи.

Существует ещё один факт, который следует упомянуть в заключении. Предмет DaZ принято считать временным явлением для школ Германии, поскольку приток мигрантов (беженцев) в будущем планируется быть незначительным, и не будет необходимости в дальнейшем включать это предмет в учебный план школ. Соответственно этому предмету не уделяется достаточно внимания на всех уровнях школьного образования, а также в ведомственных учреждениях.

Таким образом, на примерах работы двух школ Германии была впервые подробно рассмотрена и проанализирована система обучения немецкому как второму иностранному языку в настоящее время и сделаны основные выводы относительно её качества. Приведенные в статье данные могут быть использованы преподавателями немецкого языка в России для совершенствования своих учебных курсов по немецкому языку как в школе, так и рамках дополнительного языкового образования

Авторы выражают благодарность директору государственной гимназии № 10 (г. Эрфурт, Тюрингия) г-ну Андреасу Лёйбе и директору общеобразовательной школы № 3 «Kolpingschule» (г. Эрфурт, Тюрингия) за предоставленную возможность провести педагогическое наблюдение на базе подведомственных учреждений.

Список источников

1. Deutsch als Zweitsprache: Lehrplan für allgemeinbildenden Schulen. Sekundarstufe I. 2020 (Erprobungsfassung) URL: <http://www.schulportal-thueringen.de/media/detail> (accessed: 29.03.2021).
2. Heilmann B. 2013. Diagnostik & Förderung – leichtgemacht: Deutsch als Zweitsprache. Hrsg. W. Griebhaber. Stuttgart, Ernst Klett Sprachen GmbH, 133 p.
3. Thüringer Ministerium für Bildung, Jugend und Sport (Hrsg.) 2018. Einfach und schnell erklärt: Das Schulsystem in Thüringen. Erfurt, 17 p.

References

1. Apeltauer E. 1997. Grundlagen des Erst- und Fremdspracherwerbs. Eine Einführung [Apeltauer E. 1997. Grundlagen des Erst- und Fremdspracherwerbs. Eine Einführung]. Berlin, München u.a., Publ. Langenscheid, 176 s. (in German)

2. Boeckmann K.B. 1997. Zweisprachigkeit und Schulerfolg: das Beispiel Burgenland [Bilingualism and school success: the example of Burgenland]. Frankfurt am Main, Berlin u.a.: Publ. Lang, 208 s. (in German)
3. Boeckmann K.B. 2016. Plurilinguale Bildung: Habitus im Mehrsprachenunterricht. In: [M.Langror & V.Jovanovic (Hrsg.), Facetten der Mehrsprachigkeit – Reflets du plurilinguismo. Die Wahl der Sprachen: Luxemburg in Europa – Le choix des langues: le Luxembourg à l'heure européenne]. Bern: Peter Lang, s. 53-63 (in German)
4. Jung B., Günther H. 2016. Erstsprache, Zweitsprache, Fremdsprache: Eine Einführung. 3.Auflage. Weinheim und Basel: Beltz Verlag, 256 s. (in German)
5. Kielhöfer B., Jonekeit S. 2006. Zweitsprachige Kindererziehung [Raising children in two languages]. Tübingen, Staufenburg, 109 s. (in German)
6. Köppe R. 1997. Sprachentrennung im frühen bilingualen Erstspracherwerb Französisch, Deutsch [Separation of languages in early bilingual first language acquisition French and German]. Tübingen, Publ. Narr, 309 s. (in German)
7. Roche J. 2020. Fremdspracherwerb, Fremdsprachendidaktik. 4., überarbeitete und erweiterte Auflage. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH, 420 s. (in German)
8. Štefánik J. 2005. International Bilingualism Revisited [International Bilingualism Revisited]. In: [Files from the Vienna Colloquium on Individual and Social Multilingualism], October 5-6. Wien, Publ. Praesens: 28–46 (in German)
9. Weinreich U. 1977. Sprache in Kontakt. Ergebnisse und Probleme der Zweisprachigkeitsforschung [Language in contact. Results and problems of bilingualism research]. München, Beck, 281 s. (in German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Безрукова Елена Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого и французского языков педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Колесников Алексей Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского, декан факультета иностранных языков педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena I. Bezrukova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the German and French Languages Department of the Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Aleksey A. Kolesnikov, Candidate of Philology, Associate Professor of the German and French Languages Department, Dean of the Foreign Languages Faculty of the Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 377.5

DOI 10.52575/2712-7451-2021-40-2-219-226

Физкультурно-рекреативная деятельность по профилактике девиантного поведения обучающихся в профессиональных образовательных организациях

Сылка С.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: sylka.1989@mail.ru

Аннотация. Несмотря на высокий уровень распространения девиантности в среде студенческой молодежи, потенциал физкультурно-рекреативной деятельности как педагогического инструмента в профилактике девиантности остается недостаточно изученным. В связи с этим целью исследования стала разработка системы профилактики девиантного поведения обучающихся в профессиональных образовательных организациях средствами физкультурно-рекреативной деятельности. Были сделаны выводы, что система профилактики девиантного поведения будет эффективной в случае реализации комплекса педагогических условий: организационных, стимулирующих, методических, а также при условии теоретической подготовленности педагогов дополнительного образования к такого рода деятельности. В ходе исследования принято решение отнести к средствам физической рекреации все формы двигательной активности. Особое внимание в системе отведено учебно-тренировочным комплексам, за исключением спортивно-подготовительной направленности и узкой специализации, дифференциация которых производилась в зависимости от уровня проявления девиантности обучающихся.

Ключевые слова: система профилактики; девиантность; физкультурно-рекреативная деятельность, профессиональная образовательная организация, обучающиеся.

Для цитирования: Сылка С.И. 2021. Физкультурно-рекреативная деятельность по профилактике девиантного поведения обучающихся в профессиональных образовательных организациях. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (2): 219–226. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-219-226

Physical and recreational activities for prevention of deviant behavior of students in professional educational organizations

Sergey I. Sylka

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia,
E-mail: sylka.1989@mail.ru

Abstract. Despite the high level of deviance among students, the potential of physical culture and recreation activities as a pedagogical tool in the prevention of deviance remains insufficiently studied. In this regard, the aim of the study was to develop a system for the prevention of deviant behavior of students in professional educational organizations by means of physical culture and recreational activities. It was concluded that the system of prevention of deviant behavior will be effective in the case of the implementation of a set of pedagogical conditions: organizational, stimulating, methodological, as well as on the condition of the theoretical readiness of teachers of additional education for this type of activity. In the course of the study, it was decided to attribute all forms of motor activity to the means of physical recreation. Special attention in the system is given to educational and training complexes, with the

exception of sports-preparatory orientation and narrow specialization, the differentiation of which was made depending on the level of manifestation of students' deviance.

Keywords: prevention system; deviance; physical culture and recreational activities, professional educational organization, students.

For citation: Sylka S.I. 2021. Physical and recreational activities for prevention of deviant behavior of students in professional educational organizations. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 40 (2): 219–226 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-219-226

Введение

Главной задачей образовательной организации является создание условий для развития, самореализации и становления личности. На формирование нравственных ценностей индивида пагубно влияют негативные социальные, политические, экономические факторы, недостаточная вовлечённость студенческой молодёжи в систему управления на различных уровнях, телевидение, интернет-контент [Кулаева, 2018]. Перечисленные факторы приводят к деформации духовно-нравственных ценностей. Обучающийся с недостатком духовно-нравственных ценностей, не имеющий достойного занятия в свободное время, способен совершать поступки, идущие вразрез с нормами и моралью общества. Уходы из дома, бродяжничество, прогулы, отказ от обучения, ложь, агрессивное поведение, беспорядочные половые связи, надписи непристойного характера на стенах, субкультуральные девиации (сленг, шрамирование, татуировки), воровство, вымогательство, хулиганство, употребление алкоголя, наркотических веществ, курение – все эти проявления имеют определение как девиантное поведение [Богомолова, Савченко, 2017; Малова, 2019].

Студенчество – социально-демографическая группа, очередная ступень в формировании личности индивида. И по этой причине остро встает вопрос социальной адаптации, принятия норм и правил новой социальной группы, выбора приоритетов и целей. Этот период несет в себе и многочисленные риски, связанные с возникающими на данном этапе трудностями самоидентификации, самореализации и адаптации к новым условиям жизни. В данном случае речь может идти о социальной дезадаптации индивида, его неспособности адекватно вжиться в новую социальную среду [Гишинский, 2004; Быструшкин и др., 2020]. Повышенный интерес к проблеме вызван неуклонным ростом преступности в нашей стране, крайних проявлений жестокости и агрессии. Согласно официальной статистике¹, пиковый рост преступности попадает на возрастную группу 15–18 лет, как раз в этот самый период юноши и девушки являются учениками старшей школы или же студентами профессиональной образовательной организации. Этот возрастной период является ответственным, критичным и требует особого внимания со стороны учебного заведения [Доржиева, 2018]. По медицинским данным², более 40 % отравлений у детей связаны с злоупотреблением алкогольных напитков. Три основные причины смертей среди молодежи 15–24 лет – это автомобильные аварии, убийства и самоубийства, и во всех трех алкоголь является ключевым фактором [Титова, 2018].

Так, например, анализ динамики преступности и результаты прокурорского надзора по итогам первых 4-х месяцев 2019 года в Белгородской области свидетельствуют о росте количества преступлений, совершенных несовершеннолетними, – с 56 в аналогичном периоде прошлого года до 76 в текущем году. Число лиц, совершивших преступления, возросло с 48 до 66³.

¹ Прокуратура Белгородской области. Новости, 24 мая. 2019. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_31/mass-media/news/archive?item=29565564 (дата обращения: 15.02.2021).

² Там же

³ URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_31/mass-media/news/archive?item=29565564 (дата обращения: 15.02.2021)

При анализе литературы авторами не было обнаружено специальных исследований на тему профилактики девиантного поведения обучающихся в профессиональных образовательных организациях с использованием средств физической рекреации в рамках дополнительного образования. Таким образом возникла необходимость разработки и реализации в условиях профессионально образовательных организациях (ПОО) системы профилактики девиантного поведения обучающихся средствами физкультурно-рекреативной деятельности (ФРД), что и стало целью настоящего исследования.

Объекты и методы исследования

Методологическая основа исследования формировалась с использованием анализа трудов отечественных и зарубежных специалистов в области девиантологии и физической рекреации, опыта работы педагогических коллективов, педагогического наблюдения, анкетирования, тестирования, ретроспективного анализа собственной педагогической деятельности в качестве руководителя физического воспитания и тренера, педагогического эксперимента, методов математической статистики, законодательных и нормативных актов Российской Федерации. Наряду с этим использовались инструментальные, социологические и статистические методы.

Проведены психологическая оценка обучающихся, а также оценка физического развития. Сформированы бланки здоровья с целью фиксации физических показателей, антропометрии, психического состояния на начало эксперимента, в ходе исследования и итоговых показателей физического состояния. Объектами для проведения исследования стали обучающиеся ПОО. Критериями зачисления в экспериментальные группы являлись добровольное согласие обучающихся на участие, а также наличие девиантных проявлений. Исследование проводилось в 2019–2020 гг. на базе ОГАПОУ «Белгородский техникум общественного питания».

Результаты и обсуждение

По мнению М.С. Данилейко, физическая рекреация является осознанной двигательной активностью, нацеленной на изменение своего физического, психического, морального состояния [Данилейко, 2008].

В содержание физической рекреации входят следующие группы действий: двигательная, интеллектуальная, сенсорная и эмоционально-волевая. Мотив стимулирует к деятельности индивида. Смена приоритетов и формирование устойчивых взглядов, характерных для здорового индивида, становятся результатом и главной задачей. Л. Пиотровски считает, что физическая рекреация является процессом, в котором используются средства, методы и формы организации физической культуры с целью получения морального, эмоционального и физического удовлетворения потребностей [Пиотровски, 1980].

В процессе накопления знаний и практического опыта в области физической культуры формировалось общее представление о физической рекреации. По мнению Ю.Е. Рыжкина, физическая рекреация первоначально выполняла педагогическую функцию, следовательно, возможность её применения как педагогического средства в профилактике отклонений не вызывает сомнений. В дальнейшем физическая рекреация использовалась в религии, национальных играх, праздниках, развлечениях, приобретая массовый характер, и стала неотъемлемой частью жизнедеятельности людей, став важным фактором социализации молодых людей [Рыжкин, 1997]. При этом физическая рекреация не несла какой-либо психоэмоциональной нагрузки, а предполагалась как форма активного отдыха, развлечения, укрепления здоровья. А моделирование профессиональной и бытовой деятельности с использованием игровых форм способствовало выполнению человеком в будущем каких-то социальных ролей [Воловик, Воловик, 1998].

Учитывая вышесказанное, сделаем вывод о том, что физическая рекреация является не только видом физической культуры, но и может использоваться в качестве средства в педагогике для достижения определённых задач. В случае с трудновоспитуемыми обучающимися ПОО, имеющими девиантные проявления, физкультурно-рекреативная деятельность является педагогическим средством в профилактике девиантного поведения. Содержание физкультурно-рекреативной деятельности имеет огромный арсенал средств из-за возможности использовать любые виды и формы деятельности, при этом без спортивно-тренировочной направленности. Поэтому организация внеурочной деятельности с применением средств физической рекреации для реализации различных потребностей человека (физических, культурных, эстетических, экологических, нравственных, религиозных и др.) в учебном заведении должна обеспечить проявление индивидуальности каждого человека соразмерно его мотивам, интересам, возможностям и способностям [Никулин, 2000].

С 80-х до 90-х годов, как правило, круг замыкался на использовании элементов подвижных и спортивных игр, гимнастических и легкоатлетических упражнений. Однако, как отмечает Г.П. Виноградов, начиная с середины 90-х годов спектр средств значительно расширился [Виноградов, 1997]. Если воспользоваться классификацией физических упражнений, практикуемой в теории спорта, то можно утверждать, что для физической рекреации можно использовать не только общеподготовительные, специально-подготовительные и соревновательные упражнения, но и абсолютно все виды двигательной активности.

Ведущим фактором, объединяющим все многообразие форм физкультурно-рекреативной деятельности, является создание определенного физического состояния, обеспечивающего нормальное функционирование человеческого организма. Все формы использования физических упражнений, направленных на эмоционально-активный отдых, развлечение, получение удовлетворения от двигательной деятельности, восстановление психических и физических сил, неформальное общение с природой или партнерами в процессе двигательной активности входят в содержание физической рекреации [Ирхин, 2002]. В этом качестве физическая рекреация несет в себе мощный оздоровительный эффект, который может непосредственно отражаться в улучшении не только физического, но и психического, социального здоровья человека.

А.Н. Леонтьев считал, что эмоциональное отражение порождается собственно в момент деятельности, и понятие психологического состояния за пределами целостной системы не представляется возможным. Деятельность, в свою очередь, – это основа формирования образа восприятия. И для возникновения образа предмета или ситуации необходимо осуществление сложного перцептивного действия, включающего систему предметных операций. Психический образ является продуктом жизненных, практических связей с предметным миром и его взаимоотношения с ним. Это положение необходимо для понимания механизма формирования одного из фундаментальных свойств образа восприятия – свойства предметности. Психологический анализ деятельности состоит, по А.Н. Леонтьеву, в том, чтобы внести в психологию такие единицы анализа, которые несут в себе психическое отражение в его неотторжимости от порождающих его и им опосредствуемых моментов человеческой деятельности [Леонтьев, 1977].

Таким образом, физическая рекреация является не только видом физической культуры, но и может использоваться в качестве средства в педагогике для достижения определённых задач. В случае с трудновоспитуемыми обучающимися профессионально образовательных организаций, имеющими девиантные проявления, физкультурно-рекреативная деятельность является педагогическим средством в профилактике отклонений. Физкультурно-рекреативную деятельность (ФДР) решено было определить как вид деятельности, а социально здоровую личность – как прообраз для восприятия в процессе обучения. Следовательно, систему физкультурно-рекреативной деятельности можно разделить на компоненты: целевой, содержательный, операциональный, критериально-

оценочный и результативный. Для успешной реализации исследования созданы педагогические условия (организационные, методические, стимулирующие и условие подготовленности преподавателей к такого рода деятельности).

Целевой компонент подразумевает создание условий для обучающихся с использованием средств физкультурно-рекреативной деятельности. Содержательный компонент профилактики девиантного поведения обучающихся средствами физкультурно-рекреативной деятельности направлен на нейтрализацию асоциальных мотивов, целей и поведенческих реакций студентов. Операциональный компонент включает массовые физкультурно-оздоровительные и спортивные мероприятия; занятия отдельными видами спорта с целью активного отдыха, оздоровления, переживания «мышечной радости», снятия нервно-эмоционального напряжения, соревновательные формы занятий, не имеющие выраженной спортивной ориентации [Воронков, 2007].

В сформированных группах использовались упражнения из силовых видов спорта и различные гимнастические, танцевальные упражнения и комплексы. Работа проводилась с учетом уровней отношения к ФРД и степени девиантности. Условно было выделено четыре группы обучающихся: с критическим, низким, средним, и высоким уровнем девиантности. К *критическому уровню* были отнесены стоящие на учёте в полиции, у психолога или социального педагога, имеющие вредные привычки, прогулы, при этом не имеющие желаний обучаться, имеют не аттестации по нескольким предметам и практикам. На первоначальном этапе формирования отбора участников групп все обучающиеся относились к критическому уровню.

Низкий уровень: студенты иногда проявляют интерес к ФРД, но при этом не убеждены в значимости этой деятельности, задания выполняются неохотно, мотивация отсутствует, к обучению отношение нейтральное. Следующий уровень – *средний*: студенты проявляют интерес к ФРД и убеждены в значимости этой деятельности, получают удовольствие от двигательной активности, общения с коллективом, в большей степени проявляют интерес к образовательной деятельности, за исключением трудно поддающихся предметов.

Целью работы с группами является переход всех участников исследования на высокий уровень, при котором обучающиеся проявляют интерес к ФРД и убеждены в значимости этой деятельности, проявляют активность в использовании средств физической культуры в процессе жизнедеятельности. Студенты, достигшие *высокого уровня* не имеют сложностей с обучением, проявляют высокую активность в жизни образовательной организации.

Критериально-оценочный компонент включает в себя анализ и оценивание результатов по следующим показателям: психоэмоциональное состояние девиантных обучающихся; изменение нравственно-этических качеств; отношение к учебной деятельности.

Результативный компонент включает *воспитательно-рекреационный эффект*. Оценка эффективности осуществляется на основе результатов физической подготовленности; посещаемости учебных занятий, снижения уровня конфликтности, отказа от вредных привычек. Анализ проводился на основе анкетирования «Методика диагностики оперативной оценки самочувствия, активности и настроения (САН)»¹, теста Айзенка², личностная тревожность оценивалась по методике Ч.Д. Спилбергера³, самооценка личности – по методике Н.В. Морозовой, функция внимания – по таблице Шульце⁴.

¹ <http://test-metod.ru/index.php/metodiki-i-testy/1/19-metodika-diagnostiki-operativnoj-otsenki-samochuvstviya-aktivnosti-i-nastroeniya>

² <https://testometrika.com/personality-and-temper/questionnaire-eysenck-pen/>

³ <http://www.psychiatry.ru/stat/93>

⁴ <https://logiclike.com/blog/vnimanie-i-pamyat/shulte-tables>

Применение средств физической рекреации в процессе занятий оказывало положительный эффект в нормализации взаимоотношений «студент-преподаватель», улучшило психическое состояние, позволило снизить у 26,4 % девиантных обучающихся тревожность; у 31,6 % – агрессивность и у 22,8 % – ригидность. Личностная тревожность снизилась у 63 % девиантных обучающихся и оценивается как средняя. Изучение самооценки личности, проведенное в конце учебного года, показало, что снижение уровня тревожности положительно повлияло на коррекцию индивида. У 52 % студентов самооценка достоверно повысилась на 0,8 балла.

Несмотря на переход обучающихся с апреля месяца на дистанционную форму обучения, занятия, проводимые в режиме онлайн, имели положительный эффект, и посещаемость занятий осталась на прежнем уровне. В результате эксперимента был достигнут прогресс в развитии нравственно-этических качества личности: доброжелательность на начало эксперимента составляла 32,5 %, а на конец эксперимента 67,5; отзывчивость с 29,6 % качественно изменилась до 70,4 %, конфликтность – с 31,9 до 68,1 % и агрессивность – с 29,7 до 70,3 %.

На сегодняшний день 21,9 % обучающихся прекратили курить, 24,5 % приняли решение о полном отказе от алкоголя. По результатам отчёта социального педагога, с учёта ОДН и собственного учёта мониторинга СПО девять обучающихся были сняты.

Данные мониторинга количества прогулов и нарушений дисциплины говорят об их снижении. Психолог и социальный педагог отметили повышение доверия со стороны обучающихся во время сеансов профилактики, обратили внимание на положительную смену их приоритетов и целей.

Выводы

Результаты исследования позволили выявить отсутствие системы физкультурно-рекреативной деятельности по профилактике девиантного поведения в профессиональных образовательных организациях. На основе данных статистики анализа литературы по теме исследования были выявлены предпосылки для разработки системы по профилактике девиантного поведения в профессиональных образовательных организациях. Во время эксперимента апробация разработанной системы–позволила получить положительную динамику в формировании здоровой в психологическом и физическом плане личности обучающегося. В конечном результате обучающиеся осознают необходимость в организации физкультурно-рекреативных мероприятий не только индивидуальных, но и коллективных. Было отмечено стабильное формирование здоровой в психоэмоциональном и физическом плане личности.

Совокупность педагогических условий реализации системы по профилактике девиантного поведения средствами физической рекреации включает организационные, методические и стимулирующие компоненты. Педагог в свою очередь должен быть подготовлен и сотрудничать со всеми участниками учебного процесса.

Для более эффективного использования средств физической рекреации следует тесно взаимодействовать всем участникам учебного процесса. Преподавателю необходимо разрабатывать учебные пособия, планы, рабочие программы, конспекты занятий. С вовлечёнными сотрудниками образовательного учреждения в такого рода деятельность необходимо проводить обучающие семинары, круглые столы, курсы повышения квалификации.

Список литературы

1. Богомоллова Е.А., Савченко О.Г. 2017. Девиантное поведение студентов и причины его проявления. Педагогика и психология. Тория и практика, 1 (9): 8–10.
2. Быструшкин С.К., Селиверстова И.Г., Тютерева И.А., Тютерев В.Н., Грибцова Л.С., Гениатулина Е.В. 2020. Психофизическая адаптация обучающихся первого курса колледжа к

учебной деятельности. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований, 2: 15–18.

3. Виноградов Г.П. 1997. Теория и методика рекреационных занятий физическими упражнениями. СПб., ГАФК им. П.Ф. Лесгафта, 233 с.

4. Воловик А.Ф., Воловик В.А. 1998. Педагогика досуга. М., Флинта, Московский психолого-социальный институт, 240 с.

5. Воронков А.В. 2007. Педагогические условия организации физкультурно-рекреативной деятельности в учительском коллективе. Дис. ... канд. пед. наук. Белгород, 202 с.

6. Гилинский Я.И. 2004. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Под ред. Ю.Н. Волкова, Я.И. Гипинского, В.Н. Кудрявцева, А.В. Федорова. СПб., Издательство «Юридический центр Пресс», 520 с.

7. Данилейко М.С. 2008. Адаптация детей к школьным условиям средствами физической рекреации. Дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 153 с.

8. Доржиева Е.Б. 2018. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних. Молодой ученый, 23 (209): 78–80.

9. Ирхин В.Н. 2002. Теория и практика отечественной школы здоровья. Барнаул, Изд-во БГПУ, 279 с.

10. Кулаева З.Т. 2018. Факторы формирования нравственных ценностей и антиценностей студенческой молодежи. KANT, 2 (27): 91–94.

11. Леонтьев А.Н. 1977. Деятельность. Сознание. Личность. М., Политиздат, 304 с.

12. Малова Е.О. 2019. Подготовка педагогов к организации работы по профилактики девиантного поведения в среде студентов ПОО. Профилактика зависимостей, 2 (18): 133–137.

13. Никулин И.Н. 2000. Подготовка будущего учителя к физкультурно-рекреативной деятельности с учащимися общеобразовательной школы. Дис. ... канд. пед. наук. Белгород, 209 с.

14. Пиотровски Л.М. 1980. Физическая рекреация как часть физической культуры. Дис. ... канд. пед. наук. Л., 167 с.

15. Рыжкин Ю.Е. 1997. Психолого-педагогические основы физической рекреации. СПб., Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 36 с.

16. Титова М.П. 2018. Алкоголизм как фактор девиантного поведения несовершеннолетних в современной России. В кн.: Алкоголь в России. Материалы восьмой науч. конф., Иваново, 27-28 октября 2017 г. Под ред. М.В. Теплянского. Иваново: 40–47.

References

1. Bogomolova E.A., Savchenko O.G. 2017. Deviantnoe povedenie studentov i prichiny ego proyavleniya [Deviant behavior of students and the reasons for its manifestation]. Pedagogy & Psychology. Theory and Practice, 1 (9): 8–10.

2. Bystrushkin S.K., Seliverstova I.G., Tyutereva I.A., Tyuterev V.N., Gribtsova L.S., Geniatulina E.V. 2020. Psikhofizicheskaya adaptatsiya obuchayushchikhsya pervogo kursa kolledzha k uchebnoy deyatelnosti [Psychophysical adaptation of first-year college students to educational activities]. Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy, 2: 15–18.

3. Vinogradov G.P. 1997. Teoriya i metodika rekreatsionnykh zanyatyy fizicheskimi uprazhneniyami [Theory and methodology of recreational physical exercise]. SPb., Publ. GAFK im. P.F. Lesgafta, 233 p.

4. Volovik A.F., Volovik V.A. 1998. Pedagogika dosuga [Leisure Pedagogy]. M., Publ. Flinta, Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut, 240 p.

5. Voronkov A.V. 2007. Pedagogicheskie usloviya organizatsii fizkul'turno-rekreativnoy deyatelnosti v uchitel'skom kollektive [Pedagogical conditions for the organization of physical culture and recreational activities in the teaching staff]. Dis. ... Cand. ped. sciences. Belgorod, 202 p.

6. Gilinskiy Ya.I. 2004. Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiystv i drugikh «otkloneniyy» [Deviantology: A Sociology of Crime, Drug Abuse, Prostitution, Suicide, and Other “Deviation”]. Eds. Yu.N. Volkov, Ya.I. Gipinsky, V.N. Kudryavtsev, A.V. Fedorov. SPb., Publ. Yuridicheskiy tsentr Press, 520 p.

7. Danileyko M.S. 2008. Adaptatsiya detey k shkol'nym usloviyam sredstvami fizicheskoy rekreatsii [Adaptation of children to school conditions by means of physical recreation]. Dis. ... Cand. psychol. sciences. Sankt-Peterburg, 153 p.

8. Dorzhieva E.B. 2018. Kriminologicheskaya kharakteristika prestupnosti nesovershennoletnikh [Criminological characteristics of juvenile delinquency]. *Young Scientist*, 23 (209): 78–80.
9. Irkhin V.N. 2002. Teoriya i praktika otechestvennoy shkoly zdorov'ya [Theory and practice of the national school of health]. Barnaul, Publ. BGPU, 279 p.
10. Kulaeva Z.T. 2018. Faktory formirovaniya нравstvennykh tsennostey i antitsennostey studentcheskoy molodezhi [Factors of the formation of moral values and anti-values of student youth]. *KANT*, 2 (27): 91–94.
11. Leont'ev A.N. 1977. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. M., Publ. Politizdat, 304 p.
12. Malova E.O. 2019. Podgotovka pedagogov k organizatsii raboty po profilaktike deviantnogo povedeniya v srede studentov POO [Preparing teachers for the organization of work on the prevention of deviant behavior among VET students]. *Profilaktika zavisimostey*, 2 (18): 133–137.
13. Nikulin I.N. 2000. Podgotovka budushchego uchitelya k fizkul'turno-rekreativnoy deyatel'nosti s uchashchimisya obshcheobrazovatel'noy shkoly [Preparing a future teacher for physical culture and recreational activities with students of a secondary school]. Dis. ... Cand. ped. sciences. Belgorod, 209 p.
14. Piotrovski L.M. 1980. Fizicheskaya rekreatsiya kak chast' fizicheskoy kul'tury [Physical recreation as part of physical culture]. Dis. ... Cand. ped. sciences. L., 167 p.
15. Ryzhkin Yu.E. 1997. Psikhologo-pedagogicheskie osnovy fizicheskoy rekreatsii [Psychological and pedagogical foundations of physical recreation]. SPb., Publ. RGPU im. A.I. Gertsena, 36 p.
16. Titova M.P. 2018. Alkogolizm kak faktor deviantnogo povedeniya nesovershennoletnikh v sovremennoy Rossii [Alcoholism as a factor in the deviant behavior of minors in modern Russia]. In: *Alkogol' v Rossii* [Alcohol in Russia]. Proceedings of the Eighth Scientific Conference, Ivanovo, October 27-28, 2017. Edited by M.V. Teplyansky. Ivanovo: 40–47.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сылка Сергей Иванович, аспирант кафедры педагогики факультета психологии педагогического института, преподаватель инженерингового колледжа Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergei I. Sylka, Postgraduate Student, Department of Pedagogy, Faculty of Psychology, Pedagogical Institute, Lecturer, Engineering College, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

УДК 81

DOI 10.52575/2712-7451-2021-40-2-227-233

Нуши как социолингвистический феномен: определение статуса

Багана Ж., Глебова Я.А., Шейфель Н.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: baghana@yandex.ru

Аннотация. Современная языковая ситуация в Кот д'Ивуаре в последние полвека представляется достаточно динамичной не только благодаря взаимодействию французского языка и местных ивуарийских языков, но и в связи с появлением уникального языкового кода, получившего название «нуши». В связи с этим представляется важным изучить социолингвистическую ситуацию в стране, а также предпосылки к возникновению и стремительному развитию нуши. Авторы раскрывают этапы его эволюции и изменения его функций: нуши перестал быть тайным языком небольшой части городского населения Кот д'Ивуара, превратившись в язык самоидентификации ивуарийцев. Важным представляется определение актуального статуса нуши. Однако этот вопрос является дискуссионным в связи с неустоявшимся терминологическим аппаратом контактной лингвистики как относительно молодой науки и динамичным характером изменений самого языкового кода. Авторы подробно рассматривают такие термины, как «арго», «смешанный язык» и «пиджин» и приходят к выводу, что сегодня есть основания считать нуши пиджином. В статье освещено положительное отношение ивуарийцев к данному языковому коду, однако упоминаются и некоторые опасения, связанные с беспокойством образованной части населения о судьбе французского языка.

Ключевые слова: нуши, французский язык, пиджин, арго, смешанный язык, Кот д'Ивуар

Для цитирования: Багана Ж., Глебова Я.А., Шейфель Н.А. 2021. Нуши как социолингвистический феномен: определение статуса. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (2): 227–233. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-227-233

Nouchi as a sociolinguistic phenomenon: defining the status

Jerome Baghana, Yana A. Glebova, Natalia A. Sheyfel

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia,
E-mail: baghana@yandex.ru

Abstract. The current linguistic situation in Ivory Coast in the last half century seems quite dynamic, not only because of the interaction between the French language and the local Ivorian languages, but also because of the emergence of a unique linguistic code called Nouchi. It is therefore important to examine the sociolinguistic situation in the country, as well as the preconditions for the emergence and rapid development of Nouchi. The article reveals the stages of the evolution of Nouchi and the change of its functions: Nouchi ceased to be the secret language of a small part of the urban population of Ivory Coast, becoming the language of self-identification of Ivorians. It is important to define the current status of the Nouchi. However, this issue is debatable due to the unstable terminological apparatus of contact

linguistics as a relatively young science and the dynamic changes in the language code itself. The authors examine in detail such terms as 'argot', 'mixed language' and 'pidgin' and conclude that there are reasons to consider Nouchi a pidgin today. The article highlights the positive attitude of the Ivorians towards this language code, but also mentions some concerns of the educated part of the population about the fate of the French language.

Keywords: Nouchi, French, pidgin, argot, mixed language, Ivory Coast

For citation: Baghana J., Glebova Ya.A., Sheyfel N.A 2021. Nouchi as a sociolinguistic phenomenon: defining the status. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 40 (2): 227–233 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-227-233

Введение

В последние годы социолингвистические исследования в Африке значительно расширились. Существует целый ряд активно развивающихся областей исследований, вносящих вклад в развитие международной социолингвистической теории.

Многие лингвисты [Kießlin, Mous, 2004] все чаще проявляют интерес к теме новых языковых явлений, таких как камфрангле, шэн, нуши и других. В связи с относительно недавним возникновением этих явлений и их постоянным изменением достаточно сложно установить их статус. Несмотря на то, что большинство этих языков еще недостаточно развиты, чтобы претендовать на статус автономных, постоянно возникает вопрос о том, что эти гибриды выполняют довольно важные функции как для среды, в которой они функционируют, так и для их носителей.

В данном исследовании наше внимание, вслед за зарубежными лингвистами ([Lafage, 1991; Kube, 2005; Ahua, 2008; Aboa, 2011; Kouadio, 2019]) обращено к феномену нуши, возникшему на территории Кот д'Ивуара.

Целью данного исследования является анализ социолингвистической ситуации в Кот д'Ивуаре для выявления предпосылок формирования и развития нуши, а также определения актуального статуса нуши. Для достижения поставленных целей, осмысления и обобщения собранного материала используется индуктивно-дедуктивный метод. С целью анализа языковой ситуации и вероятного статуса нуши находит применение сравнительно-сопоставительный метод.

Социолингвистическая ситуация в Кот д'Ивуаре

Кот-д'Ивуар, как и большинство стран Тропической Африки, является страной с высоким культурным разнообразием. На территории Кот-д'Ивуара (332,462 км²) проживает 63 этноса. Сегодня Кот-д'Ивуар можно охарактеризовать «как страну с сильной языковой неоднородностью. Отсутствие исчерпывающего перечня всех языков и вариантов их диалектов, сложность определения с точностью носителей языка для каждого языка, не позволяют точно определить точное количество языков Кот д'Ивуара. Однако примерное число равно шестидесяти языкам» [Глебова, 2020, с. 61].

Б. Бутен подчеркивает значение таких языков, как диула, бауле и активно развивающегося нуши как языка идентичности для многих ивуарийцев. Вопросы связи языка и идентичности исследуются в работах таких ученых, как Ж. Бломмерт, Д. Рэмpton, П. Экерт [Ebongué, Hurst, 2017].

К упомянутым выше местным языкам добавляется французский язык, получивший статус официального языка Кот д'Ивуара по политическим и социокультурным причинам. До обретения страной независимости лишь немногие ивуарийцы могли хорошо говорить на французском языке [Aboa, 2011]. Для улучшения сложившейся ситуации правительство приняло меры для распространения французского языка путем демократизации школьного образования. К сожалению, школа не может должным образом оправдать ожидания из-

за довольно высокого уровня отсева из школы, что отчасти можно объяснить исключительным использованием французского языка в качестве единственного языка образования. Отсев был связан с тем, что учащиеся, владеющие одним или несколькими местными языками и абсолютно не знакомые с французским языком, были вынуждены обучаться исключительно на французском языке. Так, в 1970-х годах показатель отсева составлял 60 % в начальной школе и 70 % в средних и средних школах [Kouadio, Guessan, 2006].

Кот д'Ивуар также является страной с высоким уровнем иммиграции из стран Западной Африки, которые имеют столь же разнообразный языковой ландшафт, как и Кот д'Ивуар. Многочисленные языки иммигрантов также вносят свой вклад с языковую ситуацию страны.

В связи с этим следует отметить, что ни один из ивуарийских языков, кроме дьюла, не используется в качестве языка-посредника. Интересен также тот факт, что в Кот д'Ивуаре не существует так называемого национального языка, такого как бамбара в Мали или волоф в Сенегале. Это, безусловно, связано с огромным количеством этнических групп, говорящих на различных местных языках, каждый из которых охватывает лишь довольно ограниченный географический район, поэтому ивуарийцы часто не понимают языки друг друга, особенно в крупных городах, в которых широко распространен французский язык.

Следует заметить, что такие языки, как бауле и особенно диуласумели значительно вышли за пределы своих географических зон распространения. Но эти языки не так широко распространены, чтобы служить языком межэтнического общения на всей территории страны.

Французский язык являлся языком колонизаторов в Кот д'Ивуаре. После обретения страной независимости, несмотря на принимаемые правительством меры по укреплению французского языка и незначительную поддержку местных языков, ивуарийцы бессознательно стремились найти общий язык для всего населения страны, который мог бы служить средством самоидентификации. Также этому стремлению способствовал тот факт, что в 1975 году лишь 5,3 % населения Кот д'Ивуара говорили на стандартном французском языке, а 0,5 % имели высокий уровень квалификации [Kéita, 1988].

Так, в Кот д'Ивуаре сформировались условия и предпосылки для возникновения и динамичного развития нуши. Сегодня большинство населения страны владеет нуши и использует его в повседневном общении. Мы согласны с мнением А. Куадио о том, что нуши выполняет функцию языка-посредника [Kouadio, 2019]. Таким образом французский язык и его ивуарийский вариант, а также нуши, созданный на основе французского языка, служат языками-посредниками на территории страны.

Происхождение и эволюция нуши

Нуши объединяет в себе 60 этнических групп Кот д'Ивуара, французский, английский и местные языки. Он постоянно развивается, изменяется и дополняется и, бесспорно, отражает ивуарийскую культуру. Данный языковой код зародился примерно в 70-х годах XX века в городских районах Абиджана и первоначально был ивуарийским аргом.

Согласно С. Лафаж, этот термин, впервые записанный в 1977 г., происходит от двух слов из языка диула: *nin* «нос» и *mi* «волосы», переводится как «усы», «усатый» и в то время использовался для обозначения «хулигана» [Lafage, 1991, p. 97]. Использование слова нуши может быть связано с тем, что в то время ивуарийцы, которые очень любили вестерны, считали усы отличительным признаком главных героев-храбрецов. Молодые люди хотели ассоциировать себя с важными людьми, главными героями и взяли подобное самоназвание, которое в дальнейшем стало обозначать их особый язык.

Приезжая из сельских районов страны в поисках лучшей жизни, ивуарийская молодежь, не получившая образования и не владеющая стандартным французским языком, стремилась остаться в городе. Однако у молодых людей не было каких-либо перспектив,

так как французский язык являлся и до сих пор остается ключом к социальному подъему в Кот д'Ивуаре. Большинство из них становилось торговцами или мелкими преступниками, которым требовался свой особый языковой код в качестве тайного языка для обсуждения сделок и правонарушений. Именно эта социолингвистическая ситуация послужила основой для появления нуши [Kießling, Mous 2004; Butin et. al., 2015; Kouadio, 2019].

Однако со временем нуши урбанизировался, обогатился (и продолжает обогащаться) новыми словами и в конечном итоге успешно используется всеми социальными классами Кот д'Ивуара как средство коммуникации наряду с другими разновидностями французского языка.

Многие французские слова имеют эквиваленты в нуши, например:

woyo – фр. *taxi* – такси

lalé – фр. *portable, vérité* – мобильный телефон, истина

gnaga – фр. *bagarre* – драка

gbangban – фр. *crise* – кризис

wélé / kpopko – фр. *frapper* – позвонить

dabâ – фр. *frapper* – ударить

kêner – фр. *vendre* – продать

Заметим, что знания французского или местных языков недостаточно для понимания смысла предложения. Рассмотрим предложение, написанное на нуши: *J'ai un nikwadja allé, je vais te la mon tapement comme ça tu pourras me kpopko*. – «J'ai un nouveau téléphone portable, je vais te donner mon numéro et tu pourras m'appeler». – «У меня есть новый мобильный телефон, я дам тебе свой номер, и ты сможешь мне позвонить».

К вопросу о статусе нуши

Мы придерживаемся мнения, что контактная лингвистика как сравнительно молодая отрасль науки о языке обладает постоянно обновляющимся терминологическим аппаратом [Багана, Хапилина 2010]. Лингвисты характеризуют нуши по-разному: как аргю или молодежный язык [Kouadio, 2019; Lafage, 1991; 1998; Boutin et. al., 2015], гибридный язык или смесь языков [Lafage, 1998], или смешанный язык [Queffelec, 2007].

В «Словаре лингвистических терминов» аргю определяется как «язык отдельных социальных групп, сообществ, искусственно создаваемый с целью языкового обособления (иногда "потайной" язык), отличающийся главным образом наличием слов, непонятных людям непосвященным» [Розенталь, Теленкова, 1976].

На наш взгляд, в 1990-х годах нуши представлял собой действительно аргю. Однако под влиянием лингвистических и социолингвистических факторов, нуши динамично развивался и перестал быть языком закрытой группы людей.

Большая российская энциклопедия определяет смешанный язык «как результат взаимодействия двух языков, причём он возникает не в качестве языка-посредника, необходимого для обеспечения коммуникации, а как средство групповой самоидентификации для внутригруппового общения» [Головкин, 2010, с. 136]. Однако, на наш взгляд, в основе нуши активно функционируют далеко не два языка: французский, английский и местные языки. Также использование нуши вышло за рамки группового общения.

Ж. Л. Хаттигер считает нуши случаем пиджинизации [Hattiger, 1983]. К.В. Бабаев в книге «Введение в африканское языкознание» пишет о нуши как о пиджине [Бабаев, 2019]. В.А. Виноградов отмечает, что «пиджины – структурно-функциональный тип языков, не имеющих коллектива исконных носителей и развившихся путём существенного упрощения структуры языка-источника; используются как средство межэтнического общения в среде смешанного населения» [Виноградов, 2000, с. 374].

Т.В. Жеребило в словаре-справочнике «Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика» определяет пиджин как «вид контактного языка, возникающий в ситуации отсутствия иных способов общения».

Пиджин характеризуется:

- 1) ограниченным набором слов;
- 2) не устоявшейся грамматикой;
- 3) минимальным количеством функций;
- 4) отсутствием этнической базы носителей. Один из контактирующих языков считается базисным, или языком-лексификатором.

Пиджин проходит следующие стадии:

- 1) стадию препиджина, обслуживающего минимальные потребности общения;
- 2) стадию пиджина, обладающего небольшим, но устоявшимся словарем при почти полном отсутствии морфологии;
- 3) стадию языка-посредника, основного языка одного или нескольких этносов, новой этнической общности;
- 4) стадию официального языка» [Жеребило, 2011].

Мы полагаем, что сегодня есть достаточно оснований считать нуши пиджином:

- 1) французский язык является языком-лексификатором;
- 2) отсутствует коллектив исконных носителей;
- 3) словарь нуши насчитывает не менее 1000 слов и выражений [Kadi, 2017];
- 4) грамматическая нестабильность;
- 5) нуши выполняет сегодня роль языка-посредника, являясь понятным для ивуарийцев, владеющих разными местными языками [Kouadio, 2019].

Нуши и французский язык

Население страны в целом позитивно относится к факту существования и повсеместного распространения нуши. Многочисленные музыканты (такие как Nash, Vony RAS, Julien Goualo, Billy Billy и др.) сочиняют и исполняют песни на нуши с целью охватить своим творчеством как можно большее количество людей и стать ближе к обычному, среднестатистическому ивуарийцу.

Однако существуют некоторые опасения, касающиеся все возрастающего распространения нуши. Так, Конан Ив, профессор современной литературы, обращает внимание на том факт, что даже достаточно образованная молодежь отдает предпочтение нуши в сфере повседневного общения, а не французскому языку.

Заметим также, что существует мнение о том, что стандартный французский язык и нуши необходимо «примирить». Для этого необходимо относиться к нуши как к одному из местных языков и разделять сферы использования нуши и французского языка: французский язык должен остаться языком образования и администрации, а нуши – средством повседневного общения и самоидентификации ивуарийцев. Подобным образом ситуация обстоит с использованием языка бауле, одним из наиболее распространенных местных языков Кот д'Ивуара: бауле используется дома, а в учебных заведениях разрешен только французский язык. Таким образом, в ситуации диглоссии, билингвы достигают хорошего уровня владения французским языком и имеют возможность сохранить ивуарийскую культуру.

Заключение

Одним из актуальных вопросов современной социолингвистики является интерес к феномену нуши, возникшему в Кот д'Ивуаре в конце прошлого века. Появление и динамичное развитие нуши стало ответом на сложившуюся сложную социолингвистическую ситуацию в стране после обретения независимости, когда ни один из местных языков не мог удовлетворить коммуникативные потребности, и лишь очень ограниченный круг ивуарийцев обладал достаточным уровнем знания французского языка.

Сегодня нуши служит средством межэтнического общения, выполняя функцию языка-посредника. Нуши отличается высоким культурным и языковым разнообразием, и

служит отражением национально-культурной специфики Кот д'Ивуара. И в то же время нуши является достаточно прочным признаком идентичности для ивуарийцев.

На наш взгляд, несмотря на сложности, вызванные постоянным развитием такого молодого феномена как нуши, сегодня его статус можно определить как пиджин.

Изучение нуши представляется нам актуальным и перспективным направлением исследований. В Кот д'Ивуаре, в отличие от многих стран Африки, не существует национального языка, способного объединить их за пределами различных этнических групп. Лишь время покажет, сможет ли нуши продолжить свое развитие и стать национальным языком при наличии соответствующих лингвистических и экстралингвистических факторов.

Список литературы

1. Виноградов В.А. 2000. Пиджины. Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В.Н. Ярцевой. М., Большая рос. энцикл. С. 374.
2. Головкин Е.В. 2010. Контактные языки. Большая российская энциклопедия. Том 15. М., Большая рос. энцикл. С. 136.
3. Жеребило Т.В. 2011. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник. Назрань: Пилигрим. URL:<https://rus-soc-lingvistica-dict.slovaronline.com/532-Пиджин> (дата обращения: 18 февраля 2021).
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. 1976. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение. 543 с.
5. Kadi G.A. 2017. Le nouchi de Côte d'Ivoire Dictionnaire et anthologie Plus de 1000 mots et expressions usuels. L'Harmattan. 258 p.

References

1. Babaev K.V. 2019. Vvedenie v afrikanskoe yazykoznanie [Introduction to African Linguistics]. M., Publ. Yazyki slavyanskikh kul'tur, 352 p.
2. Bagana Zh., Khapilina E.V. 2010. Kontaktnaya lingvistika: Vzaimodeystvie yazykov i bilingvizm [Contact Linguistics: Interaction of Languages and Bilingualism]. M., Publ. Flinta, Nauka. 128 p.
3. Glebova Ya.A. 2020. Obshchaya kharakteristika mestnykh afrikanskikh yazykov Kot-d'Ivuaara [General characteristics of local African languages of Côte d'Ivoire]. Proceedings of the Southwest State University Series: Linguistics and Pedagogics, 10 (1): 61–68.
4. Aboa A.L. 2011. Le nouchi a-t-il un avenir [Does nouchi have a future]? Sudlangues, 16: 44–54 (in French)
5. Ahua M.B. 2008. Mots, phrases et syntaxe du nouchi [Words, sentences and syntax of Nouchi]. French in Africa, 23: 135–150 (in French)
6. Boutin A.B., Kouadio N', Guessan J. 2015. Le nouchi c'est notre créole en quelque sorte, qui est parlé par presque toute la Côte d'Ivoire [Nouchi is our Creole in a way, which is spoken by almost all of Côte d'Ivoire]. In: Dynamique des françaisafricains: Entre le culturel et le linguistique [Dynamique des françaisafricains: Between culture and linguistics]. Ed. P. Blumenthal. Berne, Publ. Peter Lang: 251–271 (in French)
7. Ebongué A., Hurst E. 2017. Dynamic language: Sociolinguistic perspectives on African language, ideologies and practices. In: Sociolinguistics in African Contexts- perspectives and challenges. Eds. A. Ebongué, E. Hurst. Springer, Cham: 1–9.
8. Hattiger J.L. 1983. Le français populaire d'Abidjan: un cas de pidginisation [Popular French from Abidjan: a case of pidginization]. Abiyán, Publ. Université d'Abidjan, 87 p. (in French)
9. Kéita G. 1988. Enseignement en français et unité nationale [Teaching in French and national unity]. In: Bulletin of the Network of Contemporary French Observatoire]. In: Bulletin of the Network of Contemporary French Observatories in Black Africa, 7 /1987-88: 221-227 (in French)
10. Kießling R., Mous M. 2004. Urban youth languages in Africa. Anthropological Linguistics, 46 (3): 303–341.

11. Kouadio A. (2019) Les parlars jeunes africains en contexte migratoire. L'exemple du nouchi en Allemagne [Young African talks in the context of migration. The example of nouchi in Germany]. Available at: <https://www.univie.ac.at/QVR-Romanistik/wp-content/uploads/2018/12/QVR-51-52-Varium-Kouadio.pdf> (accessed: 10.02.2021). (in French)
12. Kouadio N, 'Guessan, J. 2006. Le nouchi et les rapports dioula/français [Nouchi and Dioula / French relations]. *French in Africa*, 21: 177–191. (in French)
13. Kube S. 2005. Gelebte Frankophonie in der Côte d'Ivoire: Dimensionen des Sprachphänomens Nouchi und die ivorische Sprachsituation aus der Sicht Abidjaner Schüler [Lived Francophonie in Côte d'Ivoire: Dimensions of the Nouchi language phenomenon and the Ivorian language situation from the perspective of Abidjan students]. Münster, Publ. LIT Verlag, 390 p. (in German)
14. Kube S. 2005. La francophonie vécue en Côte d'Ivoire [The Francophonie lived in Ivory Coast]. Paris, Publ. L'Harmattan, 247 p. (in French)
15. Lafage S. 1991. L'argot des jeunes ivoiriens, marque d'appropriation [The slang of young Ivorians, a mark of appropriation]? In: *Parluresargotiques, langue française*. Paris, Publ. Larousse, 90: 95-105 (in French)
16. Lafage S. 1998. Hybridation et français des rues à Abidjan [Hybridization and French streets in Abidjan]. In: *Alternances codiques et français parlé en Afrique*. Publ. de l'Université de Provence, Aix en Provence, Septembre: 279-291.
17. Queffelec A. 2007. Les parlars mixtes en Afrique francophone subsaharienne [Mixed languages in French-speaking sub-Saharan Africa]. *French in Africa*, 22: 277-291 (in French)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Багана Жером, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Глебова Яна Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Шейфель Наталья Анатольевна, доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой второго иностранного языка института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Jerome Bagana, Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Yana A. Glebova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Second Foreign Language of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Natalya A. Sheifel, Associate Professor, Candidate of Philology, Head of the Department of the Second Foreign Language of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 811.161.1'1

DOI 10.52575/2712-7451-2021-40-2-234-245

Эвфемистическая репрезентация поступка «измена» в русской лингвокультуре

Бушуева Л.А.

Нижегородский государственный национальный исследовательский университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23
E-mail: sebeleva@yandex.ru

Аннотация. Поступок представляет собой значимый элемент русской культуры, представление о нем рассматривается в данной работе как отражающее фрагмент языковой картины мира. Для анализа особенностей эвфемистической репрезентации типовой ситуации «измена» применяется несколько методов, в том числе методы направленного эксперимента и фреймового моделирования. В ходе исследования выявлены ключевые приемы, лежащие в основе эвфемизации измены: перенесение с вида на вид, мейозис, обобщение, замена прямой номинации иноязычной лексемой, метафора, прономинализация, использование диминутива. Контекстуальный анализ помогает определить границы поля эвфемизмов, обозначающих ситуацию измены, и отделить их от лексем, находящихся на стадии деэвфемизации. Совмещение методов лексикографического анализа, этимологического анализа, контекстуального анализа, фреймового моделирования, анализа приемов, лежащих в основе эвфемизации, способствует получению полной информации об изучаемом объекте, в частности о ситуации поступка «измена», и тем самым расширяет перспективы исследования в целом.

Ключевые слова: поступок, измена, фрейм, эвфемизм, стигма.

Для цитирования: Бушуева Л.А. 2021. Эвфемистическая репрезентация поступка «измена» в русской лингвокультуре. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (2): 234–245. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-234-245

Euphemisms of Adultery in Russian Linguoculture

Ludmila A. Bushuyeva

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
23 Gagarina Av., Nizhni Novgorod, 603950, Russia
E-mail: sebeleva@yandex.ru

Abstract. A human act is viewed in this work as a significant element of Russian culture, a concept, which reflects a fragment of the linguistic world-image. In the furtherance of the analysis of euphemistic representation of the situation “adultery” the following methods are applied: the method of continuous sampling, which is aimed at figuring out the euphemistic words that are capable of naming the situation of adultery; the method of purposive sampling, which helps to find out the euphemisms that are used in modern speech and as nonce words; the etymological analysis, which contributes toward defining images that help to build the euphemistic meaning of the words and expressions that name the act of adultery. The attempt to build the frame model of the situation “adultery” is aimed at depicting the basic components of this model which emphasize different aspects of this situation, and at analyzing which components are represented by a larger or smaller number of euphemisms that helps to understand which elements of the situation are focused more than others. One of the research objectives is to figure out the most popular devices that are used in the creation of euphemisms of adultery. The research shows that the most popular devices employed to disguise the act of adultery are generalization, the use of borrowed terms, diminutive words, meiosis, pronominalization, metaphor. The analysis of context meaning of the

euphemistic lexemes helps to identify the words that are in the phase of losing euphemistic value. The combination of these methods contributes to deeper understanding of the semantic peculiarities of the lexemes under study and the situation they name.

Key words: act, adultery, frame, euphemism, stigma.

For citation: Bushuyeva L.A., 2021. Euphemisms of Adultery in Russian Linguoculture. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 40 (2): 234–245. (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-234-245

Введение

Целью данного исследования является рассмотрение языковой репрезентации измены. Под изменой понимается 1) предательство, переход на сторону врага; 2) нарушение супружеской верности или верности в любви [Словарь русского..., 1981, с. 647]. В данной работе основное внимание уделяется измене в значении «нарушение супружеской верности или верности в любви». Не вызывает сомнений то, что измена является воплощением социально неприемлемого поведения и репрезентирует одну из неприглядных сторон жизни: «измена – коварное изменение чувств, мыслей и образа действий, противоположное верности и постоянству. Вызывает этическое и правовое осуждение» [Словарь русской..., 2014, с. 333]. Нечестное поведение, к которому относится измена, находит осуждение в кодексе ценностей на протяжении долгого времени и входит в систему стигм.

Будучи маркером испорченной идентичности, стигма меняет характер коммуникации: стремление избежать коммуникативного дискомфорта приводит к тому, что некоторые предметы и общественные явления по молчаливому согласию не называются прямо [Балли, 1961, с. 340]. Это обуславливает существование и функционирование в языке эвфемистических единиц. Эвфемизм, по определению исследователей, служит средством смягчения неприглядной действительности [Москвин, 2001, с. 61]; позволяет избежать коммуникативных неудач и конфликтов, оградить собеседника от коммуникативного дискомфорта [Крысин, 2000]. «Эвфемизмы в более вежливой форме – по сравнению с иными способами номинации – называют объект, действие, свойство» [Крысин, 2000, с. 391].

Поскольку доминирующей функцией эвфемизмов является функция вуалирования социально неприемлемого, большинство лингвистов рассматривают эвфемизмы как субституты неприличных, резких высказываний, которые могут обидеть собеседника [Neaman, Silver, 1995; Matthews, 1997; Гируцкий, 2005].

Значимым признаком эвфемизма является стигматичность денотата. Под стигмой мы, вслед за исследователями в области социологии и лингвистики [Афанасьев, Гилинский, 1993; Link, Phlean, 2001, р. 364; Торопцева, 2003, с. 17], понимаем дискредитирующую черту или качество, которая является неуместной у того или иного представителя группы с точки зрения обобщенных ожиданий. Качества, которые считаются нормальными и естественными для той или иной группы людей, определяются обществом. Принятая в обществе система моральных и этических норм выступает в роли регулятора поведения людей и определяет систему стигм – социально неприемлемых понятий или явлений. Таким образом, эвфемизм употребляется как способ вуалирования денотата, сокрытия за не прямой номинацией обличительного контекста.

Выбор слов напрямую зависит от нашего отношения к тому, о чем мы говорим. Следовательно, номинация неразрывно связана с оценкой. Вслед за А.М. Кацевым, полагаем, что важным признаком эвфемизмов является их негативная реакция на обозначаемое [Кацев, 1988, с. 54]. Характерная для эвфемизма стигматичность денотата, выбор эвфемизма вместо прямого наименования предмета или явления свидетельствуют о негативном отношении адресанта к данному предмету или явлению, или об осознании говорящим

негативной социальной оценки обозначаемого явления. При этом стигматичность самого денотата не меняется.

Объекты и методы исследования

К денотатам, прямолинейное описание которых может вызвать негативное впечатление со стороны собеседника, относится ситуация измены. Для исследования особенностей языковой и речевой репрезентации данной ситуации были использованы дефиниционный анализ, метод сплошной выборки, контекстуальный анализ, метод направленного эксперимента, метод фреймового моделирования.

Дефиниционный анализ позволил выявить лексемы, которые являются прямыми номинациями различных элементов ситуации измены в лексической системе русского языка: *измена, изменник, изменщик, изменница, изменщица, изменять, изменнический, изменнически, любовник, любовница*. Отметим, что лексемы *любовник* и *любовница* использовались как эвфемизмы во второй половине XIX века в значении «влюбленный человек, возлюбленный», однако в настоящее время являются дисфемизмами [Сеничкина, 2008, с. 181].

С помощью метода сплошной выборки из «Словаря эвфемизмов русского языка» [Сеничкина, 2008], были отобраны общеязыковые эвфемизмы, обозначающие измену. Под общеязыковыми эвфемизмами мы, вслед за М.Л. Ковшовой, понимаем единицы языка, зафиксированные в словарях, устойчивые и легко воспроизводимые в речи большинством носителей языка [Ковшова, 2007, с. 53].

Анализ контекстов Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), а также эксперимент со студентами и преподавателями ННГУ им. Лобачевского (общей численностью 80 человек), в рамках которого было предложено заменить слова *измена, изменить, изменник, любовник, любовница* на более мягкие, позволил очертить круг речевых эвфемизмов, способных репрезентировать ситуацию измены. Речевые эвфемизмы – это «такие индивидуально-контекстные замены, чья устойчивость и воспроизводимость ограничены узким кругом семейного или дружеского общения» [Ковшова 2007, с. 54]. С помощью данных, полученных в результате эксперимента, была также выделена группа окказиональных эвфемизмов, единиц, которые ограничены кругом общения, но в отличие от речевых эвфемизмов создаются на случай, иногда единственный, их употребления в речи.

Результаты и их обсуждение

К общеязыковым эвфемизмам, которые используются русскоязычными говорящими для эвфемистической (косвенной) объективации разных аспектов ситуации поступка «измена», относятся следующие эвфемизмы: *адюльтер, неверность, интрижка на стороне, прелюбодеяние, ветреница, ветреничать, на стороне, на сторону ходить, налево ходить, наставить (приставить) рога, завести интрижку, близкий человек, возлюбленный, возлюбленная, друг, пассия, фаворит, фаворитка*.

В качестве речевых эвфемизмов можно рассматривать следующие единицы: *запретная любовь, обман, ложь, связь / роман / любовь / отношения / приключения / история на стороне, временное развлечение, обманщик, притворщик, перебежчик, любитель приударить, ветреник, ловелас, дамский угодник, ходо, гулена, иметь кого-то (у него / нее кто-то есть), быть с другим / другой, мотаться, гулять, гульнуть, дружить, погуливать, похаживать на сторону, мутить на стороне, что-то скрывать, хлыстать по бабам, приударить за другими девушками, нарушить супружескую клятву, обманывать, лгать, пуститься во все тяжкие, пойти в загул, волочиться за / не пропускать ни одной юбки, завести подружку, крутить шашни, непостоянный, любвеобильный, рыльце в пушку, подруга (подружка)*. Данные выражения употребляются в НКРЯ для обозначения разных аспектов ситуации «измена».

Группа окказиональных эвфемизмов представлена единицами: *физическая близость с другим человеком, уход налево, история на стороне, левачить, срывать розы в*

чужом саду, молоть зерно в чужом сарае, человек с низкой системой ценностей, полиамор, любовное гнездышко.

Ситуацию поступка «измена» можно представить в виде фрейма. Фрейм – концептуальная структура, предназначенная для представления декларативных знаний о типизированной тематически единой ситуации [Баранов, 2003, с. 14].

Выделим типовые слоты в структуре фрейма «измена», которые получают эвфемистическую номинацию в русском языке.

Имя фрейма: прямая номинация – *измена*; эвфемистические номинации – *адюльтер, неверность, прелюбодеяние, интрижка на стороне, запретная любовь, обман, ложь, связь / история / роман / любовь / отношения / приключения на стороне, временное развлечение, физическая близость с другим человеком, уход налево.*

Слот «агент поступка и его свойства» актуализирует активного участника ситуации, целенаправленно совершающего поступок; свойства характера активного участника ситуации (в соответствии с классификацией семантических ролей Е.В. Кашкина и О.Н. Ляшевской [2013]). Прямые номинации: *изменник, изменщик, изменница, изменица*; эвфемистические номинации: *ветреница, ветренность, ветреник, ловелас, дамский угодник, ходок, гулена, человек с низкой системой ценностей, полиамор.*

Слот «действие как проявление поступка». Любой поступок в своей основе имеет действие, реализованный акт воли человека. Прямая номинация: *изменять*; эвфемистические номинации: *ветреничать, на сторону / налево ходить, похаживать на сторону, мутить на стороне, наставить (присоставить) рога, завести / затеять интрижку, иметь кого-то (у него / нее кто-то есть), быть с другим / другой, мотаться, гулять, гульнуть, дружить, погуливать, что-то скрывать, хлытать по бабам, приударить за другими девушками, нарушить супружескую клятву, обманывать, лгать, пуститься во все тяжкие, пойти в загул, волочиться за / не пропускать ни одной юбки, завести подружку, крутить шашни, левачить, срывать розы в чужом саду, молоть зерно в чужом сарае.*

Слот «контрагент поступка» подразумевает активного участника, задействованного в агентивной ситуации. Прямые номинации: *любовник, любовница*. Эвфемистические номинации: *возлюбленный, возлюбленная, друг, пассия, подруга (подружка), фаворит, фаворитка.*

Слот «пациент поступка» – участник ситуации, претерпевающий самопроизвольно или под воздействием другого участника изменения. Эвфемистические номинации: *рогоносец, рогатый, рогатая.*

Слот «оценка поступка, агента поступка» репрезентирует отношение к поступку, установление его соответствия нормам и принципам морали. Прямые номинации: *изменнический, изменнически*; эвфемистические номинации: *ветренный, ветреная, непостоянный, любвеобильный, рыльце в пушку.*

Слот «место» подразумевает участок пространства, где локализуется ситуация поступка. Эвфемистическая номинация – *на стороне, любовное гнездышко.*

В фреймовой структуре ситуации поступка «измена» в наибольшей степени актуализирован слот «действие как проявление поступка», поскольку стигматично, главным образом, само действие. К ключевым элементам данного фрейма, судя по количеству выявленных эвфемистических единиц, являются также слоты «агент поступка, его свойства», «контрагент поступка» и «оценка поступка, агента поступка». Данные элементы ситуации в первую очередь подлежат «маскировке», что может быть мотивировано 1) желанием скрыть неприятную, возможно, пугающую сторону измены, 2) стремлением смягчить эффект высказывания, 3) представить себя или третьей стороны в более выгодном свете.

Выделяется достаточно обширная группа эвфемистических единиц, которые косвенно репрезентируют поступок «измена». В основе их образования лежат такие приемы, как мейозис – замена словом, выражающим «неполноту действия или слабую степень свойства» (Л.П. Крысин): *неверность* – эвфемизм образован посредством «от противно-

го», с помощью префикса – *не* от соответствующего антонима. Эвфемизмы, основанные на отрицании противоположного, выражают «сдержанное порицание» для отрицательно оцениваемых свойств [Апресян, 1995, с. 312].

Лексема *неверность* позволяет говорящему смягчить эффект высказывания, частично снять ответственность за поступок: «*Ты же, в принципе, ему верна? Даже если ты ему изменяешь, то это вовсе не предательство или измена, а только **неверность**, шалость, момент, счастливая секунда. Почему нет?*» [Гиголашвили, 2009]. Примечательно, что лексема *шалость* рассматривается в «Словаре эвфемизмов русского языка» как эвфемизм, обозначающий половые отношения: «о несерьезной, кратковременной любовной связи» [Сеничкина, 2008, с. 451].

Эвфемизмы *адюльтер* и *прелюбодеяние* – примеры использования иноязычных заимствований и слов из «более высоких» сфер языка в отношении к повседневному языку [Видлак, 1965, с. 275]. Вероятно, способность лексемы *адюльтер* выполнять эвфемистическую функцию объясняется особым очарованием этого слова, своеобразным французским шармом: «иноязычные слова меньше шокируют и кажутся более благородными» [Видлак, 1965, с. 278].

Прямая номинация может заменяться наименованием соответствующего родового понятия, как в случае с лексемами *обман*, *ложь*, которые относятся к лексике большого семантического потенциала и выражают поступок «измена» лишь в общих чертах.

Перенесение с вида на вид – прием, лежащий в основе образования эвфемизмов *запретная любовь*, *временное развлечение*.

Эвфемизмы, заполняющие слот «действие как проявление поступка», способствуют вытеснению нежелательных сем в импликационал и проникновению в интенционал «случайных сем» [Шейгал, 2000, с. 207], т.е. вытесняются значения семы «нарушать верность» и выдвигаются в интенционал семы «уходить», «временно отсутствовать» (*на сторону / налево ходить*, *пойти в загул* и др.), «наделять» (*наставить / приставить рога*), «приобретать» (*завести интрижку*, *срывать розы в чужом саду*).

К наиболее употребительным выражениям относятся *ходить налево / на сторону* и их вариации (*сходить / поход / уход / гулять налево*, *левачить*; *у него есть история / приключения / связь на стороне*, *похаживать на сторону*, *мутить на стороне*), *наставить рога*, *иметь кого-то (у него / нее кто-то есть)*.

Многие исследователи обращают внимание на то, что не всегда просто определить, действительно ли мы имеем дело с эвфемизмом или нет. Рассмотрим выражения *ходить налево*, *ходить на сторону*, *наставить рога*.

Этимология данных фразеологизмов достаточно глубоко исследована в лингвистике. В основе выражения *ходить налево* лежит представление о нарушении закона, о том, что противоположно добру, благу. «В мифологической модели мира противопоставление «правый – левый» отражает центральную нравственную антиномию «добро – зло». Так, слово *правый* используется в положительном значении, связанным с правдой, а *левый* – в отрицательном значении, связанном с ложью» [Киселева, 2012, с. 11]. Ср.: «левый – активная сила, уводящая с прямого пути, в сторону от правды. Левое свидетельствует о приверженности скверне и пороку; склонно ко лжи и нарушению закона (*ходить / глядеть налево*, *левачить*, *левый товар*)» [Словарь русской..., 2014, с. 400]. Вспомним также, что для большинства мифологий характерно использование признака «левый» в значении отрицательного: многие славянские поверья, отраженные в русских приметах типа «плюнь через левое плечо», а также представление о том, что на правой руке собираются добрые поступки, а на левой – неблагоприятные деяния. Вместе с тем в большинстве культурных традиций левая рука выступает в качестве женского символа [Токарев, 2008, с. 581]. Уже в самых ранних археологических памятниках прослеживаются следы выделения в жилище мужской и женской части. Левая сторона считается женской, а правая – мужской [Байбурин, 2005, с. 12]. Таким образом, в русском языковом сознании укоренилось противопо-

ставление «правый – левый», которое соотносится с оппозициями «мужской – женский», «добро – зло».

Фразеологизм *на стороне* имеет значение «не там, где работает или живет» [Словарь русского ..., 1981], т.е. развлекаться, гулять вне семьи. Концепт *сторона* соотносится с духовным кодом культуры, т.е. с совокупностью нравственных ценностей и установок человека. В духовном коде культуры под влиянием христианства сформировалось представление о том, что развлечения, особенно сексуального характера, за пределами семьи, являются предосудительными [Красных, 2016, с. 394].

С одной стороны, в современной речи данные выражения могут выглядеть несколько резкими и скорее заострять внимание на деликатной теме, чем смягчать ее. С другой стороны, данные фразеологизмы объединяет их способность представлять ситуацию измены в юмористическом ключе, что, в определенной степени, способствует нейтрализации неприятных ассоциаций, связанных с изменой. Ср.: «У одной моей подруги есть супруг, очень обеспеченный человек, который каждый раз, **сходит налево**, приходит домой – и у него каждый раз висит шуба через плечо» [Джоваева, 2011]; «Хиллари не поддержали честные мужнины жены, не простившие супруге президента лояльного отношения к Билловым **походам налево от супружеской кровати**» [Быков, Деркач, 2003].

Уместно привести здесь точку зрения Э. Парtridge, который отмечает, что «внешне грубой формой не нарушается основная функция эвфемизма – камуфлировать неприятное содержание» [цит. по: Кацев, 1988, с. 55]. Многие речевые и окказиональные эвфемизмы «замешаны» на иронии, с помощью которых говорящий дистанцируется от какого-либо события и ставит себя в сильную позицию «эксперта» [Ковшова, 2007, с. 55]. Возможно, это в определенной степени характерно и для рассматриваемых эвфемизмов.

Использование выражений *ходить налево*, *ходить на сторону* – это попытка высмеять явление, которое, во-первых, относится к сфере интимных отношений, обращение к которой всегда вызывает дискомфорт, во-вторых, является нежелательным и может иметь серьезные негативные последствия для участников ситуации: «**Сходил было налево, а жена в профком жалобу**» [Богомолов, 2001].

С помощью данных эвфемизмов измена представляется как нечто несерьезное и вполне обыденное. Такой эффект достигается благодаря ассоциациям с выражениями *ходить на работу / в гости / в магазин / гулять*, обозначающими рутинные действия, которые регулярно повторяются и находятся за рамками категории оценки. Измена как бы переносится из категории поступка в категорию действия, лишаясь, таким образом, значимости и оцениваемости.

С помощью выражений *похаживать на сторону*, *погуливать* не только преуменьшается отрицательная оценка поступка «измена», но и подчеркивается его нерегулярный характер: «похаживать – ходить, приходить куда-либо время от времени» [Словарь русского ..., 1981, с. 339], «погуливать – время от времени гулять, кутить, вести распутный образ жизни» [там же, с. 170]. Ср.: «Пил он как дьявол, столярное дело знал ангельски, любил поозорничать, посмеяться, посплетничать, а может, – кто его знает? – еще и вправду **погуливал**» [Домбровский, 1966].

Примечательно, что идея об однократности или кратковременности поступка подчеркивается во многих контекстах, включающих эвфемизмы, репрезентирующие измену – таким образом преуменьшается разрушительная сила измены: «Жена просит считать свою измену **временным помутнением**» [Истории измен..., 2019-2021]; «Оказалось, что он недавно развелся с женой и находится в депрессии, поэтому нашел себе такое **временное развлечение**, как я. Мне стыдно об этом не только говорить, но и признаться самой себе» [Исповедь нашей..., 2020].

На то, что выражения *ходить на сторону / налево* по-прежнему можно считать эвфемизмами, указывают также:

1) невербальные экспликативы, к которым относятся, например, заключение эвфемизма в кавычки: «Если женщину бросил муж или стал **похаживать "на сторону"** и проверка на порчу подтвердила ее наличие, следует поступать таким образом» [От порчи..., 2019]; «Надоели серые будни, захотелось ярких впечатлений, и вы надумали завести **роман "на стороне"**»? [Роман «на стороне» ..., 2019];

2) контекстуальное окружение эвфемизма: «– Вы о любовнице? Возможно, Леня имел какие-то **приключения на стороне**, но я не в курсе этого» [Троицкий, 2000] – содержащееся в тексте прямолинейное **любовница** обнаруживает контраст с эвфемистическим обозначением измены; «У меня было много друзей в возрасте 35–40, почти все поголовно прошли через **это**. Большинство живут с женами, хотя кое-кто развелся, я, например. Часто и женщины пытаются что-то **на стороне мутить**, кстати» [Муж нашел..., 2013] – использование выражения **мутить на стороне** представлено наряду с единицей **это (пройти через это)**, эвфемизмом, созданным с помощью приема прономинализации, что также говорит в пользу его эвфемистической функции.

Местоимения **это, кто-то, что-то** заменяют в речи лексемы **измена, изменить, любовница, любовник**, таким образом, благодаря прономинализации, происходит ослабление значения «измена» и актуализация отвлеченного значения: «– Мне кажется, у **него кто-то есть**, – вдруг призналась Таня и опять заплакала. Ей нужно было с кем-то поговорить» [Трауб, 2012]; «Оттого, что он, по ее словам, так демонстративно избегает с ней танцевать, люди могут подумать, что **между ними что-то есть**, тогда как между ними ничего нет» [Искандер, 1989].

Выражение **завести интрижку**, подобно выражениям **ходить на сторону / налево/гульнуть**, за счет диминутива **интрижка** также фокусирует внимание на незначительности измены. Несмотря на эмоцию пренебрежения, которую передает данная лексема, контексты с ней указывают в первую очередь на то, что отношения, называемые **интрижкой**, – не больше, чем кратковременная связь, не имеющая будущего, в то время как прямая номинация **измена** всегда акцентирует внимание на значительности поступка, его неизбежных разрушительных последствиях. Ср.: «Жизнь и так тоскливая, а **небольшая интрижка на стороне** добавит тонуса браку» [Сухов, 2007]; «Ведь у них с Ваней, например, далеко не дачная **интрижка** – то есть нечто **преходящее и незамысловатое**» [Тренина, 2004]; «С другой стороны, если из-за **легкой, ничего не значащей «интрижки»** ставится под угрозу семейная жизнь и будущее детей, мы поможем **незадачливому лове-ласу**» [Фрумкин, 2002].

Эвфемистичность лексемы **интрижка** также обеспечивается коннотацией неопределенности, свойственной данной единице: **интрижка** – не всегда именно измена, это и простой флирт, безобидные отношения с намеком на роман: «Мало кто из дам доводит **интрижку до измены в постели**» [Шеховцова и др., 2001]; «С тревогой она писала брату поэта Н.И. Тютчеву в Вену: «Теодор легкомысленно позволяет **себе маленькие светские интрижки**, которые, как бы **невинны** они не были, могут неприятно осложниться»» [Или весенняя ..., 2011].

Таким образом, измена либо преуменьшается и представляется как нечто незначительное, быстротечное (**интрижка, гульнуть, сходить налево / на сторону** и др.), либо возвышается (**запретная любовь, роман, любовь, связь, развлечение, приключение**).

Этимология фразеологического оборота **наставлять рога** достаточно глубоко исследована в русской лингвистике [Михельсон, 1903; Иллюстров, 1915]. Как показано исследователями, у древних германцев был обычай, согласно которому мужа, отправляясь на войну, получали от своих жен шлемы из звериной кожи с рогами. «Надеть мужу рога» значило снарядить мужа в поход, что рассматривалось как синоним «остаться на воле» [Михельсон, 1903, с. 196]. Существует и другая гипотеза происхождения данного фразеологизма, в соответствии с которой один из византийских императоров Андроник Комнин (1113–1185 гг.) позволял как бы из милости охотиться в своем заповеднике мужьям тех жен, с которыми он входил в преступную связь. У того, кто пользовался приглашением

императора, выставлялись на воротах дома олени рога: «Вероятно, в шутливом тоне речи перенесены рога от ворот ко лбу» [Иллюстров, 1915, с. 276].

Типичные для данного фразеологизма иллюстрации не свидетельствуют об эвфемизации речи. Частотны употребления выражения *наставить рога* в речевом акте сознательного огрубления речи, вызванного выражением негативных эмоций (досады, злости) по отношению к измене или ее агенту: «*Правильно я ему рога наставила, и еще наставляю, нечего мне, как дура, дома сидеть*» [Каралис, 2003]; «*Милая, да я ж все про тебя знаю, и про того (тоже гусь), кто тебя пристроил к Трунову, и как ты ему рога наставляла, и вообще все, так что грош цена всем этим твоим женским маневрам*» [Шкловский, 2003]. Ср. с контекстами, в которых эвфемизмы действительно помогают смягчить эффект высказывания, выразить измену более деликатно: «*Заводя связь на стороне, такой человек как бы подстраховывается, создавая возможность, в случае чего, сбежать и не быть одиноким*» [Волков, 2019]. Природа измен: почему даже самый верный партнер может пойти на сторону,); «– *Мне кажется, у него кто-то есть, – вдруг призналась Таня и опять заплакала. Ей нужно было с кем-то поговорить*» [Трауб, 2012].

Производным от выражения *наставить рога* являются номинации объекта измены – *рогатый, рогатая, рогоносец*. В лексикографических источниках получает толкование лишь лексема *рогатый*: «разг. такой, которому изменяет жена, обманутый женой» [Словарь русского ..., 1981, с. 722]. Однако в современной речи употребительна также лексема женского рода. Типичная сочетаемость данных лексем, а также контексты НКРЯ явно указывают на то, что единицы не выполняют функцию смягчения описываемой ситуации, а, напротив, используются с целью вызвать негативную реакцию собеседника: *муж-рогоносец, мужчина-рогоносец, рогатый муж, козел-рогоносец*; раскрывают отношение к обманутому мужу со стороны агента поступка, со стороны общества. Ср.: «*На самом деле, пришли менты, скрутили молодого бедолагу рогоносца и увезли куда-то*» [Грачев, 1999]; «*Если она тебе изменяет, то тогда ревнивец превращается в досадливого, глупого и мешающего козла-рогоносца, над речами и рогами которого она будет издеваться вместе с любовником*» [Гиголашвили, 2007]. Мужчина как объект измены характеризуется, в основном, как глупый, наивный человек, который узнает об изменах жены последним.

Женщина как объект измены в русскоязычной картине мира вызывает жалость, представляется невинной жертвой: «*Но есть такие рогатые жены, которые про свои рога знают, особенно, если рога эти уже выросли до невероятных размеров. «Глупенькая Мышка не знала, что она рогатая. Даже не догадывалась. Но есть такие рогатые жены, которые про свои рога знают. Каково им их носить? Особенно, если рога эти уже выросли до невероятных размеров <...> Главное, чтоб деньги в дом приносил, жрать готовил, прислуживал и очень сильно любил свою единственную и неповторимую рогатенькую жёнушку»* [Астра, 2018] – в приведенном отрывке подобное отношение выражается с помощью прилагательных *глупенькая, рогатенькая* – уменьшительно-ласкательный суффикс *-еньк* привносит в семантику исходного прилагательного особый оттенок; поступок «измена» получает выражение через существительное *рога*, при этом регулярность измен передается с помощью метафоры роста.

Видится, что употребление выражения *наставить рога* и его производных в современных контекстах указывает на то, что данные единицы находятся на этапе деэвфемизации.

Лексемы *ветреница, ветренность, ветреник, ловелас, самец, дамский угодник, ходо, гулена, человек с низкой системой ценностей, полиамор*, актуализирующие слот «Агент поступка, его свойства», имеют более общее значение по сравнению с прямыми номинациями *изменник, изменница*. Ср.: «*Вышла по страстной любви, да, хорош был Юрий Петрович Лермонтов, ничего не скажешь, но ветреник. С крепостными девушками баловался, после наложницу завел, компаньонку жены Юльку Ивановну. Ее из тульского имения Арсеньевых прислали на исправление, она там юного моего родственника соблазнила»* [Нагибин, 1982]; «*Ее муж – инженер, внешности самой заурядной, оказался*

ходоком, и у Шурки за тонкой перегородкой что ни день полыхали семейные скандалы» [Климонтович, 2002]; *«Вор уверен, что все воруют, лжец – что все лгут, гулены – что все гуляют»* [Синицына, 2002].

Эвфемизмы, актуализирующие оценку измены и ее агента, в большинстве своем являются номинациями свойств личности: *ветренный, ветренная, непостоянный, любвеобильный*, за исключением выражения *рыльце в пушку*, имеющего отношение к конкретному неблагоприятному поступку или событию. Фразеологизм восходит к басне И.А. Крылова «Лисица и сурок». В контекстах НКРЯ данный фразеологизм используется с целью маскировки подлинной сущности обозначаемого: *«Если бы мой муж так манифестовал, я бы подумала, что у него **рыльце в пушку**»* [Форум Женщина..., 2004].

Прилагательные *ветренный, непостоянный* обозначают отрицательно оценочные качества, которые могут находить проявление в поступке «измена». Прилагательное *любвеобильный* является положительно оценочным и в контекстах, описывающих измену, позволяет акцентировать выгодное качество участника ситуации: *«Однако когда Дарья вышла к ней (подразумевается любовница – прим. наше), подбежала и разом заревела – молодая, некрасивая, вогнутолицая, как миска – просила Дарью пожалеть детей. А их у **любвеобильного** Коли оказалось четверо... Дарья сама отишла ненца»* [Шапко, 2012]. Подобно другим положительно оценочным лексемам (*любовь / роман / развлечение на стороне, приключение*), прилагательное *любвеобильный* делает акцент на положительной стороне поступка.

Представление об измене как об отношениях вообще (романтических или дружеских) актуализируется с помощью единиц *возлюбленный, возлюбленная, друг, подруга (подружка)* обозначающих человека, с которым измена совершается. Данные единицы позволяют профилировать идею непредосудительности общения между людьми, связанными сильным чувством или душевной близостью: *«Вышла ему навстречу и его **неверная** жена Клитемнестра, хотя и повелевшая устелить весь путь к царскому дворцу пурпурными тканями, но только и ждавшая момента, чтобы убить мужа и царствовать вместе со своим **возлюбленным** Эгистом...»* [Архипова, 1997]; *«Год назад мой муж завел себе **подружку**, не заморачиваясь, прямо на рабочем месте. Постепенно все узналось»* [Шахунский, 2014]. Ср. также: *«Пошла налево из-за спортивного интереса, да и в отместку мужу (узнала, что у него интрижка на стороне), подвернулся свободный парень на работе (с женатиком на такое не пошла бы, на женатиков у меня табу) и вот уже как седьмой год пошел как **«дружим»**»* [Те, кто ..., 2013]. С помощью данных единиц «смягчается» порочная суть измены.

Единицы *фаворит, фаворитка* менее употребительны в современных контекстах, описывающих измену. В тех контекстах, в которых данные лексемы косвенно обозначают агента данного поступка, в фокус внимания выводится не сама измена, а более высокий статус агента поступка по отношению к контрагенту: *«Она сейчас у шефа **«Аметиста»** ходит в **фаворитках**, спит с ним и мечтает его развести, чтобы самой за него выскокить»* [Акимов, 2000].

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что эвфемизмы активно используются для репрезентации поступка «измена», что объясняется сложностью и деликатностью данной темы. Основная функция эвфемизмов со значением «измена» – смягчение и «камуфляж» поведения, которое осуждается, а его обсуждение – избегается. Эвфемизмы, актуализирующие ситуацию измены, создают неоднозначность, расплывчатость, семантическую неопределенность высказывания, описывающего измену, «вышучивают» данное явление, что позволяет избежать излишне прямолинейного, резкого, грубого описания данного феномена. Исследование также позволило выявить единицы, причисляемые к эвфемизмам (*наставить рога, рогатый, рогоносец*), но в настоящее время находящиеся на этапе деевфемизации, т.е. на стадии утраты смягчающего свойства.

Список источников

1. Акимов П. 2000. Плата за страх. Москва, Вагриус, 368 с.
2. Архипова И. 1997. Музыка жизни. Москва, Вагриус, 82 с.
3. Астра Т. 2018. Свежо предание, а верится! Рогатая жена. 2 апр. Электронный ресурс. URL: <https://subscribe.ru/archive/woman.relation.astra888/201810/08093241.html/> (дата обращения: 01.07.2020).
4. Богомолов Ю. 2001. Июльский снег. Телнеделя. Известия, 27 июля.
5. Быков В.В., Деркач О.А. 2003. Книга века. 1901-2000. Москва, Вагриус Плюс-Минус, 688 с.
6. Волков В. 2019. Природа измен: почему даже самый верный партнер может пойти на сторону. Электронный ресурс. URL: <https://intrigue.dating/on-i-ona/priroda-izmen-pochemu-daje-samyy-vernyu-partner-mojet-royti-na-storonu/> (дата обращения: 1.07.2020).
7. Гиголашвили М. 2007. Чертово колесо. Москва, Издательство АСТ, 770 с.
8. Гиголашвили М. 2009. Экобаба и дикарь. Зарубежные записки, 20: 1–61.
9. Грачев А. 1999. Ярый против видеопиратов. Москва, Вагриус, 412 с.
10. Джоваева И. 2011. Дарья Донцова: «Каждый имеет то, что он заслужил». Наша психология. Электронный ресурс. URL: <https://www.psych.ru/darya-dontsova-kazhdyj-imeet-to-chto-on-zasluzhil/> (дата обращения: 1.07.2020).
11. Домбровский Ю. 1966. Хранитель древностей. М., Советская Россия, 256 с.
12. Или весенняя то нега?.. Или то женская любовь?.. : Федор Иванович Тютчев и его последняя любовь Елена Денисьева. 2011. Наука и религия, 3: 20-23.
13. Иллюстров И.И. 1915. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. М., 480 с.
14. Искандер Ф. 1989. Морской скорпион. Электронный ресурс. URL: http://www.lib.ru/FISKANDER/isk_ms.txt (дата обращения: 1.07.2020).
15. Исповедь нашей читательницы: «Неожиданно для себя я изменила мужу». 2020. Батона нет. Электронный ресурс. URL: <http://batona.net/126585-ispoved-nashey-chitatelnicy-neozhidanno-dlya-sebua-ya-izmenila-muzhu.html> (дата обращения: 1.07.2020).
16. История измен – истории людей изменивших и тех, кому изменили. 2019–2021. Электронный ресурс. URL: <https://istorii-izmen.ru> (дата обращения: 1.07.2020).
17. Каралис Д. 2003. Роман с героиней. СПб., Издательство журнала Нева, 320 с.
18. Климонтович Н. 2002. Далее — везде...: Записки нестроного юноши. М., Вагриус.
19. Михельсон М.И. 1903. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыты русской фразеологии. Т. 2. СПб., Тип. Академии наук, 250 с.
20. Муж нашел любовницу и не может определиться кто ему нужен я или она!!! 2013. Woman.ru Электронный ресурс. URL: <https://www.woman.ru/relations/marriage/thread/4291952/> (дата обращения: 1.07.2020).
21. Нагибин Ю. 1982. Заступница. Электронный ресурс. URL: <https://libking.ru/books/poetry-/dramaturgy/521971-yuriy-nagibin-zastupnitsa.html> (дата обращения: 1.07.2020).
22. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.03.2021).
23. От порчи на мужа (если женщину бросил муж или стал похаживать «на сторону»). 2019. Электронный ресурс. URL: <https://magic-taro.com/threads/ot-porchi-na-muzha-esli-zhenschinu-brosil-muzh-ili-stal-roxazhivat-na-storonu.11871/> (дата обращения: 1.07.2020).
24. Роман «на стороне». Как сохранить все в тайне? 2019. Белновости. Электронный ресурс. URL: <https://www.belnovosti.by/lyubov-i-semya/roman-na-storone-kak-sohranit-vse-v-tayne> (дата обращения: 1.07.2020).
25. Сеничкина Е.П. 2008. Словарь эвфемизмов русского языка. М., Флинта, 464 с.
26. Синецына В. 2002. Муза и генерал. Москва, Вагриус, 320 с.
27. Словарь русского языка. 1981. Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1. М., Русский язык, 699 с.
28. Словарь русской ментальности. 2014. Под ред. В.В. Колесова. Т. 1. СПб., Златоуст, 592 с.
29. Сухов Е. 2007. Делу конец – сроку начало. Москва, Эксмо, 320 с.
30. Те, кто замужем и у кого есть любовник, зайдите! 2013. Woman.ru Электронный ресурс. URL: <https://www.woman.ru/relations/men/thread/4352366/> (дата обращения: 1.07.2020).
31. Токарев С.А. 2008. Мифы народов мира. Энциклопедия. М., Советская Энциклопедия, 1147 с.
32. Трауб М. 2012. Замочная скважина. Москва, Эксмо, 288 с.

33. Троицкий А. 2000. Удар из прошлого. Москва, Вагриус Плюс-Минус, 384 с.
34. Тренина Т. 2004. Русалка для интимных встреч. Москва, Эксмо, 384 с.
35. Форум Женщина + мужчина: Брак. 2004. Электронный ресурс. URL: https://eva.ru/static/forums/46/2004_5 (дата обращения: 1.07.2020).
36. Фрумкин И. 2002. Понты дороже денег. Известия, 31 янв.
37. Шапко В. 2012. Графомания как болезнь моего серого вещества. Волга, 11.
38. Шахунский А. 2014. Твиттер. Электронный ресурс. URL: <https://twitter.com/anonimist052> (дата обращения: 1.07.2020).
39. Шеховцова Н., Рябинина О., Николаева Ю. 2001. Верных жен не бывает? Аргументы и факты, № 10.
40. Шкловский Е. 2003. Сладкая парочка. Кладезь. Лазик и Паша-Король. Звезда, 9: 88-100.
41. Matthews P.H. 1997. Euphemism. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. Oxford, Oxford University Press: 119.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. 1995. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 472 с.
2. Афанасьев В., Гишинский Я. 1993. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. СПб., Питер, 167 с.
3. Байбурин А.К. 2005. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. 2-е изд. М., ЯСК, 224 с.
4. Балли Ш. 1961. Французская стилистика. Пер. с фр. К.А. Долинина. Под ред. Е.Г. Эткинда. М., Изд-во иностр. лит., 394 с. (Ball et Ch. 1951. *Traité de stylistique française*. P., Klincksieck. Vol. 1. 331 p.; Vol. 2. 264 p.)
5. Баранов А.Н. 2003. Введение в прикладную лингвистику. М., Едиториал УРСС, 360 с.
6. Видлак С. 1965. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля. В кн.: Этимология. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. Под ред. Ж.Ж. Варбот, Л.А. Гиндина, Г.А. Климова, В.А. Меркуловой, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева. М., Наука СССР: 267-285.
7. Гируцкий А.А. 2005. Табу и эвфемизмы. В кн. Введение в языкознание. Минск, ТетраСистемс: 126-129.
8. Кацев А.М. 1988. Языковое табу и эвфемия. Л., Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 80 с.
9. Кашкин Е.В., Ляшевская О.Н. 2013. Семантические роли и сеть конструкций в системе FrameBank. В кн. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Сб. материалов ежегодной Международной конференции «Диалог», Бекасово, 29 мая - 2 июня 2013 г. Под ред. В.П. Селегей. В 2-х т. Т. 1: Основная программа конференции. Вып. 12(19). М., Изд-во РГГУ: 325–343.
10. Киселева И.В. 2012. Правый и левый в русской языковой картине мира. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 26 с.
11. Ковшова М.Л. 2007. Семантика и прагматика эвфемизмов. М., Гнозис, 320 с.
12. Красных В.В. 2016. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. М., Гнозис, 496 с.
13. Крысин Л.П. 2000. Эвфемизмы в современной речи. В кн. Воронцова В.Л., Гловинская М.Я., Голанова Е.И. и др. Русский язык конца XX столетия (1985-1995). Под ред. Е.А. Земской. М., ЯРК: 384-408.
14. Москвин В.П. 2001. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования. Вопросы языкознания. 3: 58-70.
15. Торопцева Е.Н. 2003. Эвфемистические наименования в аспектах языка, истории, культуры. Дис. ... канд. филол. наук. М., 193 с.
16. Шейгал Е.И. 2000. Семиотика политического дискурса. Волгоград, Перемена, 368 с.
17. Link B., Phlean J. 2001. Conceptualizing Stigma. Annual review of sociology, 27: 363–385. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.363>
18. Neaman J.C., Silver C.G. 1995. The Wordsworth Book of Euphemisms: The Hilarious Guide to the Unmentionable. London, Cumberland House: 3–11.

References

1. Apresyan Yu.D. 1995. Izbrannye trudy [Selected Works]. Vol. 1. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka [Lexical semantics. Synonymous language means]. M., Publ. Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 472 p.
2. Afanas'ev V., Gilinskiy Ya. 1993. Sotsiologiya deviantnogo (otklonyayushchegosya) povedeniya [Sociology of deviant (deviant) behavior]. SPb., Publ. Piter, 167 p.
3. Bayburin A.K. 2005. Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan [Dwelling in the rituals and performances of the Eastern Slavs]. M., Publ. YaSK, 224 p.
4. Balli Sh. 1961. Frantsuzskaya stilistika [French stylistics]. Per. s fr. K.A. Dolinina. Ed. E.G. Etkind. M., Publ. Izd-vo inostr. lit., 394 p. (Ball et Ch. 1951. *Traité de stylistique française*. P., Klincksieck. Vol. 1. 331 p.; Vol. 2. 264 p.)
5. Baranov A.N. 2003. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku [Introduction to Applied Linguistics]. M., Publ. Editorial URSS, 360 p.
6. Vidlak S. 1965. Problema evfemizma na fone teorii yazykovogo polya [The problem of euphemism against the background of the theory of the language field]. In: *Etimologiya [Etymology]. Materialy i issledovaniya po indoevropeyskim i drugim yazykam*. Eds. Zh.Zh. Varbot, L.A. Gindin, G.A. Klimov, V.A. Merkulova, V.N. Toporov, O.N. Trubachev. M., Publ. Nauka SSSR: 267-285.
7. Girutskiy A.A. 2005. Tabu i evfemizmy [Taboos and euphemisms]. In: *Vvedenie v yazykoznanie [Introduction to linguistics]*. Minsk, Publ. TetraSystems: 126 - 129.
8. Katsev A.M. 1988. Yazykovoie tabu i evfemiya [Language taboo and euphemia]. L., Publ. Leningr. gos. ped. in-t im. A.I. Gertsena, 80 p.
9. Kashkin E.V., Lyashevskaya O.N. 2013. Semanticheskie roli i set' konstruktivnykh v sisteme FrameBank [Semantic Roles and the Network of Constructions in the FrameBank System]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii [Computational linguistics and intelligent technologies]*. Sb. materialov ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog», Bekasovo, 29 maya - 2 iyunya 2013 g. Ed.V. P. Selegey. V 2-kh vol. Vol. 1: Osnovnaya programma konferentsii [The main program of the conference]. Iss. 12 (19). M., Publ. Izd-vo RGGU: 325-343.
10. Kiseleva I.V. 2012. Pravyy i levyy v russkoy yazykovoy kartine mira [Right and Left in the Russian Language Picture of the World]. Abstract dis. ... Cand. philol. sciences. M., 26 p.
11. Kovshova M.L. 2007. Semantika i pragmatika evfemizmov [Semantics and pragmatics of euphemisms]. M., Publ. Gnozis, 320 p.
12. Krasnykh V.V. 2016. Slovar' i grammatika lingvokul'tury; Osnovy psikholingvokul'turologii [Dictionary and grammar of linguoculture; Fundamentals of psycholinguoculturology]. M., Publ. Gnozis, 496 p.
13. Krysin L.P. 2000. Evfemizmy v sovremennoy rechi [Euphemisms in modern speech]. In: Vorontsova V.L., Glovinskaya M.Ya., Golanova E.I. et al. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985-1995) [Russian language of the late XX century (1985-1995)]*. Ed. E.A. Zemskay. M., Publ. YaRK: 384-408.
14. Moskvina V.P. 2001. Evfemizmy: sistemnye svyazi, funktsii i sposoby obrazovaniya [Euphemisms: Systemic Connections, Functions and Methods of Education]. *Voprosy Jazykoznanija*, 3: 58–70.
15. Toroptseva E.N. 2003. Evfemisticheskie naimenovaniya v aspektakh yazyka, istorii, kul'tury [Euphemistic names in the aspects of language, history, culture]. Dis. ... Cand. philol. sciences. M., 193 p.
16. Sheygal E.I. 2000. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of Political Discourse]. Volgograd, Publ. Peremena, 368 p.
17. Link B., Phelan J. 2001. Conceptualizing Stigma. *Annual review of sociology*, 27: 363–385. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.363>
18. Neaman J.C., Silver C.G. 1995. *The Wordsworth Book of Euphemisms: The Hilarious Guide to the Unmentionable*. London, Cumberland House: 3–11.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бушуева Людмила Александровна, доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной лингвистики ИФиЖ Национального исследовательского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila A. Bushueva, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Linguistics, Institute of Philosophy and Literature, National Research State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 811.161.1

DOI 10.52575/2712-7451-2021-40-2-246-252

К проблеме русского заимствования в юридическом китайском языке и перевода юридических словарей

Кэюнь Доу

Дэчжоуский университет,

КНР, 253023, провинция Шаньдун, г. Дэчжоу, ул. Западная университетская, 566

E-mail: luda-dou @rambler.ru

Аннотация. В процессе правовой модернизации Китая юридический перевод играл большую роль для осуществления трансплантации зарубежных законов. Процесс формирования терминологии китайского отечественного законодательства также был связан с появлением тех или иных заимствованных юридических терминов. В статье рассмотрены исторические и правовые аспекты заимствования китайским языком юридических терминов из русского языка и роль перевода юридических терминов в процессе современного правового внедрения в Китае. Также рассматриваются несколько русских юридических словарей, опубликованных в Китае, анализируется их значение и роль в связи с заимствованием терминов в процессе правовой модернизации страны.

Ключевые слова: заимствование, роль перевода, юридические термины, двуязычный словарь.

Для цитирования: Кэюнь Доу. 2021. К проблеме русского заимствования в юридическом китайском языке и перевода юридических словарей. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (2): 246–252. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-246-252

On the problem of Russian borrowing in legal Chinese and translation of legal dictionaries

Dou Keyun

Dezhou University,

566 Western University St, Dezhou city, Shandong province, 253023, China

E-mail: luda-dou @rambler.ru

Abstract. In the process of modernization of Chinese laws, legal translation has played a significant role in the transplantation of foreign laws into China. The formation of the Chinese legislative terminology system has also based on the extensive borrowing of foreign legal terms. This paper examines the history of the borrowing of Russian legal terminology in modern Chinese as well as the role of legal terminology translation in the process of modern legalization in China. It also introduces several Chinese versions of Russian legal dictionaries published in China and analyzes their positive significance in the process of modernization of Chinese law and the introduction of terminology.

Key words: borrowing, the role of translation, legal terms, bilingual dictionary.

For citation: Dou Keyun. 2021. On the problem of Russian borrowing in legal Chinese and translation of legal dictionaries. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (2): 246–252 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-246-252

Введение

Процесс правовой модернизации Китая осуществляется регулярной трансплантацией¹ иностранных законов. Юридическая трансплантация не избежала перевода юридических текстов. В процессе юридического перевода иностранные правовые концепции, юридические теории и правовые статьи интегрируются в китайский юридический лексикон посредством непрерывного толкования, сопоставления и усовершенствования. Как следствие этого процесса, постепенно сформировалась современная юридическая лексическая система китайского языка, что нашло отражение в словарях терминов. Можно сказать, что без юридического перевода не существует современного китайского закона. А как же происходил и развивался этот процесс? Об этом речь пойдет ниже.

Проявление заимствования зарубежных юридических терминов в китайском языке

В 1840 году Китай потерпел поражение в Опиумной войне. Это сильно повлияло на прогрессивную интеллигенцию Китая, которая чувствовала, что внедрение западной науки и технологий для укрепления военной мощи было необходимо. Вместе с этим, чтобы спасти страну от опасности разрушения, интеллигенция начала призывать к изучению западного юридического образования, чтобы воспитывать необходимых специалистов и реализовать Перестройку права и Изменение законов (变法修律 Банфасюйлюй) в стране. В ответ на это некоторые просвещенные люди из правящего класса начали прилагать свои усилия в этом направлении. С 1840 по 1919 гг. в Китае переводили и внедряли зарубежные права и кодексы, учебные пособия по юриспруденции, теоретические произведения о политике и правах и т.д. По мере того, как увеличивалось количество политико-правовых переводов, многие зарубежные юридические теории, понятия и термины входили в язык Китая, в том числе марксистские и социалистические правовые теории. Можно сказать, что китайская правовая модернизация начиналась с юридического перевода [Chzhan, 2015].

В процессе правового перевода и внедрения большое значение имел перевод юридических терминов. Прямые источники перевода юридических терминов на китайском языке в основном включают источники на японском, английском, русском и португальском языках. Косвенные (то есть текст переведен не с языка оригинала, а с третьего языка) источники перевода юридических терминов на китайском языке главным образом представлены терминами на французском, немецком и голландском языках. Среди всех источников наиболее важными являются японские источники. Японский язык стал мостом для других иностранных юридических терминов для вхождения в китайский юридический язык, потому что Япония была первой страной, в которой провели конституционную реформу в Азии. Во время Реставрации Мэйзи (明治维新 Мэнзивэйсинь) в японский язык проникло много правовых терминов из французского, немецкого, английского и русского языков. Японцы создали эти иностранные юридические термины путем использования древнего китайского иероглифа, что облегчило процесс их использования китайскими юристами. Они без труда употребляли эти готовые термины в форме иероглифов, взятых из японской правовой литературы, в работах законодательства для интерпретации правовых понятий и законов, а также в сферах юридического образования. Юридические термины, такие как демократия (民主 Миньзу), политика (政治 Чзензи), полиция (警察 Зинча), гражданский закон (民法 Миньфа), конституция (宪法 Щианьфа), суд (法庭 Фатин) вошли в словарный состав и используются китайскими юристами.

---

¹ Термин легальная трансплантация был введен в 1970-е годы шотландским ученым-юристом WAJ «Алан» Уотсон для обозначения переноса правила или правовой системы из одной страны в другую (A. Watson, *Legal Transplants: An Approach to Comparative Law*, Эдинбург, 1974).

Русские источники юридических терминов в китайском языке

До Движения 4 мая (1919 в Китае) большинство литературы Марксизма и книг о социалистической революции было переведено с японского языка. Благодаря им в китайский язык вошли такие термины с марксистским правовым смыслом как позиция (立场 Личан), кадры (干部 Ганпу), левый (左翼 Зуи) и правый (右翼 Юуй) и т.д. После Движения 4 Мая книги о марксизме-ленинизме и Советском Союзе были переведены Цюй Цюбай, который являлся одним из первых коммунистов в Китае и хорошо владел русским языком. После этого новые слова о социалистической революции и советских кодексах и законах, созданные китайцами, стали всё больше и больше появляться в китайском языке. Например: красный район (红区 Хончюй), край (边区 Бянчюй), освобождённые районы (解放区 Цифанчюй), большевик (布尔什维克 Пуршивик), Совет (苏维埃 Сувиэй), Дума (杜马 Дума, Советский Союз (苏联 Сулянь) и т.д. [Lippert, 2003].

Большее количество русских заимствований в китайском юридическом языке появилось с 1949 года после установления более регулярных экономических и политических связей между Россией и Новым Китаем. После основания Нового Китая Центральное народное правительство окончательно отменило «Свод законов государства» (гоминь дановской эпохи). В первые дни основания Нового Китая существовало два основных источника законов: первый – это законы революционных баз КПК, а второй – законы Советского Союза. Будучи первой социалистической страной и первым государством, практикующим марксистскую теорию, Советский Союз оказал большое влияние на китайское законодательство, хотя это влияние ослабло в конце 1950-х – начале 1960-х годов.

Однако, и сегодня всё ещё сохранились и используются некоторые транслитерированные русские заимствования. Например, «Сувиэй» (Совет) – это термин, напрямую заимствованный из Советского Союза. А также «Пуршивик» (Большевик), «Дума» (в китайском языке означает «Конгресс»), «Шахуан» (Царь) и другие общие юридические слова. Хорошо известное определение понятия «Право», такое как «Закон – воплощение воли господствующего класса и инструмент классового правления» (в интерпретации советского юриста Вишинского), а также теория социального вреда и концепция преступления в уголовном праве Китая. Такие понятия, как: определение преступления по степени общественной опасности, «оговорка» в преступлении, классификация преступлений по степени общественной опасности, четыре элемента состава преступления (объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона), устранение социально-опасных деяний, приготовление к преступлению, покушение на преступление и совершение преступления – фактически взяты из уголовного законодательства Советского Союза, но их иногда ошибочно принимают за оригинальные понятия, созданные в Китае, формируя «я» в иллюзии [Chen', 2010].

Рассмотрим следующий пример – «контрреволюционное преступление». «Контрреволюция» – это осуждающий термин, исходящий от советско-российских большевиков. Он появился в китайской речи только после Движения 4 мая (1919 в Китае). После основания Коммунистической партии Китая и первых шагов между Гоминьданом и Коммунистической партией он стал широко использоваться в пропаганде. Понятие «Контрреволюционное преступление» впервые использовалось в «Положениях о контрреволюционных преступлениях», обнародованных националистическим правительством города Ухань в 1927 году. Согласно исследованию г-на Ван Цишэна, вышеупомянутые «Положения о контрреволюционных преступлениях» были сформулированы со ссылкой на Уголовный кодекс Советской России (принятый в 1926 году и введенный в действие 1 января 1927 года) [Van, 2010]. Видно, что китайский юридический термин «контрреволюционное преступление» также заимствован из русского языка.

В первые дни основания Китайской Народной Республики правительство «принимало Россию как учителя», не только в уголовном, но и в гражданском праве. Первый проект гражданского закона, завершённый в декабре 1956 года, был основан на статьях

«Советского гражданского кодекса» 1922 года. Например, понятие «физическое лицо» заменено понятием «гражданин», в нем отсутствует понятие «право на собственность» и говорится только о «собственности»; оговаривается только «срок исковой давности», но не «срок владения»; имплицитно акцент на защиту социалистической общественной собственности и т.д. [Lyan, 2006]. Причиной, по которой термин «гражданин», обычно используемый в конституционных документах, используется в Советском Гражданском кодексе, главным образом, является тот факт, что социализм реализует общественную собственность и плановую экономику, а всё общество сильно политизировано, при этом гражданское общество находится под влиянием политической власти. В таких социальных условиях гражданское право больше не рассматривается как частное право, а как публичное право. Ленин четко заявил: «мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное» [Ленин, 1922].

Принято считать, что «Конституция Китайской Народной Республики» 1954 года была сформулирована на основе Конституции бывшего Советского Союза 1936 года [Tsay, 1999]. Таким образом, сравнивая два закона, мы можем найти такие юридические термины, как «Верховная народная прокуратура» (1941–1954 гг.) и «народные присяжные», которые имеют советское происхождение. Кроме того, из вышесказанного мы можем сделать вывод, что китайские юридические термины русского происхождения обычно находятся под сильным влиянием марксистской юриспруденции, и они часто имеют характеристики сильной идеологии и сильной политической окраски.

Двуязычные юридические словари и их роль в юридической трансплантации

За последние 30 лет, по мере становления современной правовой системы Китайской Республики, национальный юридический язык значительно изменился, опубликована масса юридических словарей, например, первое издание «Китайский юридический и экономический словарь» в 1905 году, «Юридический словарь» в 1927 году и «Большой юридический словарь» Чжэна Цзини в 1936 году. В этом процессе бизнес по составлению словарей также добился значительных успехов: объем сбора слов стал больше, а методика составления стала более научной. В то же время юридический китайский лексикон находится под влиянием иностранных слов. В процессе китайской правовой модернизации роль перевода юридических терминов была незаменимой. Сбор, селекция и унификация переводов юридических терминов в основном выполняются двуязычными или многоязычными словарями юридических терминов.

Первый китайско-русский юридический словарь «Китайско-русский словарь юридических и политических терминов» (汉俄政法辞汇) был выпущен в свет в Китае в 1923 году. Словарь был составлен Колесовым и Бруннертом по просьбе Правления Китайской Восточной железной дороги, объемом 462 страниц. Из-за малой популярности его практическое значение в юридическом переводе мало известно.

В истории правовой модернизации и внедрения марксизма-ленинских теорий более важную роль играли словари, изданные после освобождения Китая.

Самый ранний юридический словарь в Новом Китае – это «Советский юридический словарь», который был переводом трёхтомного издания советского юридического словаря под редакцией Кудрявцева. Хотя словарь написан на китайском языке, название каждой китайской статьи сопровождается оригинальным русским названием (некоторые из них также сопровождаются латиницей или французским языком и т.д.), следовательно, это двуязычный русско-китайский словарь, хотя русский язык в книге ограничен названием статьи и приложением. Издание томов юридического словаря последовательно публиковалось в Юридическом Издательстве с марта по сентябрь 1957 года.

«Советский юридический словарь» – это перевод одноименного словаря (2-е издание), изданного в 1956 году Советским государственным юридическим книгоиздательством в Москве. Его перевод и публикация в Китае были осуществлены быстро и заняли около года. В марте 1957 года в Пекине был официально издан первый том словаря «Избранные переводы тома гражданского права».

Март 1957 года был восьмым годом основания Нового Китая, девятым годом отмены Свода законов государства Гоминьдана (22 февраля 1949 г.) и пятым годом создания Движения за судебную реформу Нового Китая (1952 г.). Спустя три года после обнародования первой Конституции, возникло антиправое движение (движение Фанюй), а через год было создано движение «Большой скачок вперед». Еще через девять лет разразилась более масштабная революция (Культурная революция). Под лозунгом «разгрома общественной прокуратуры и закона» была полностью упразднена прокуратура, полностью остановлены суды, а наука о праве была практически уничтожена.

«Советский юридический словарь» был переведён в короткие сроки, и несомненно, он имеет прочную научную основу. Во-первых, был создан штат русско-китайских переводчиков по юридической тематике. В период с 1950 по 1957 год Китай нанял ряд советских экспертов-юристов для преподавания в китайских вузах. А также с 1951 по 1959 год Китай отправил более 50 иностранных студентов в Советский Союз для изучения советского права. Во-вторых, накопилось много юридических переводов с русского на китайский. С 1952 по 1956 год в Китае перевели и опубликовали более 400 советских юридических учебников и трудов, а также ряд учебных программ [Хэ Циньхуа, 2009]. Можно сказать, что перевод на китайский язык и издание Советского юридического словаря в то время было само собой разумеющимся, ноне предполагалось, что год его публикации станет свидетельством ухудшения китайско-советских отношений. Внедрение советских законов прекратилось в 1956 году, хотя влияние советских законов на Китай все еще сохранялось. Изучение даты и предыстории публикации Советского юридического словаря имеет большое значение для понимания первых шагов Китая как современного правового государства, а также для перевода и порождения современных юридических терминов.

Из первого тома Советского юридического словаря отобрано и переведено 152 общеупотребительных термина гражданского права, включающего 179 страниц текста, таблица-указатель русских терминов (страницы 181–185) прилагается в конце книги, что удобно для читателей. В первом томе нет имени переводчика, только слова «Составлено и опубликовано Юридическим Издательством». Исследуя этот словарь, большинство терминов, включенных в первый том, употребляются и по сей день, например, «местожительство», «юридическое лицо», «вина», «неосновательное обогащение», «право представления», «гражданская ответственность», «распоряжение», «неустойка», «авторское право» и так далее. Однако некоторые термины оказались вышедшими из употребления, такие как: «разовая сделка», «личные имущественные права», «товарные санкции», «кабальная сделка», «пеня», «притворная сделка», «бесхозно содержимое имущество» и др. Есть некоторые термины, близкие к тем, которые используются сегодня, но они, очевидно, претерпели изменение в семантической структуре, например: «солидарное обязательство» (сегодня многообразный совместный долг), «дарение» (сегодня часто употребляется как дар) и т. д.

В мае того же года был официально издан второй том словаря «Уголовное право». Во втором томе всего 215 страниц текста. В конце книги «Указатель русских и китайских терминов» (стр. 217–225). Этот словарь полностью отражает глубокое влияние терминологии советского уголовного права на китайскую юриспруденцию до развала советско-китайских отношений (конец 1950-х – начало 1960-х годов), и это влияние существует и сегодня. Например, словосочетания «субъект преступления» (стр. 30), «объект преступления» (стр. 33), «субъективная сторона преступления» (стр. 38), «объективная сторона преступления» (стр. 39) и другие являются важными терминами уголовного права. В этом

словаре можно найти происхождение терминов из русского языка. Также можно привести другие примеры – «диверсионный акт», «преступление против социалистической собственности», «хищение социалистической собственности», «хулиганство» и другие термины уголовного права. В настоящее время они больше не используются, но широко использовались в ранний период становления Нового Китая.

В отличие от первого тома имя переводчика Син Фанг, можно найти во втором томе, но безусловно, что это имя может быть просто псевдонимом, который является омонимом «Уголовного закона». Переводчики того периода не могли подписать свои настоящие имена по разным причинам (в основном по политическим причинам). Например, перевод Чжоу Цзурэня «Басни Эзопа» в Народном издательстве 1955 года подписан именем Чжоу Цимин. Известный юрист г-н Шэнь Цзунлин в 1964 году переводил книгу «Люди и страна» издательства «Коммерческая пресса», но в этой книге он использовал псевдоним «Хо Цзуньянь».

Будучи первой социалистической страной и первым государством, практикующим марксистскую теорию, Советский Союз оказал большое влияние на китайское законодательство. Это общеизвестный факт, но часто бывает нелегко найти точные исторические данные. Надо отметить, что если открыть этот словарь, то можно понять то влияние, которое советское законодательство оказало на китайское право в начале становления страны, и также можно увидеть, что в тот период Китай находился на пике «полной советизации».

В сентябре того же года (1957 г.) вышел третий том «Теоретическая часть государства и права», содержащий 202 страницы основного текста. В этот том вошли такие понятия, как: «народно-демократическая страна», «децентрализация», «обычное право», «публичное и частное право», «диктатура пролетариата», «школа исторического права», «дееспособность», «социалистическая правовая система», «конституция» – всего 148 важных юридических терминов.

В 1958 году кафедра истории государства и права Китайского университета Жэньминь выбрала статьи «Всеобщая история государства и права», «История советского государства и права» и «Римское право» из Советского юридического словаря под редакцией Кудряцева и перевела их. Три части объединены в одну и опубликованы в издательстве Китайского университета Жэньминь общим объемом 192 страницы, включая «Хабас корпус», «Декларация прав человека», «Трехуровневое совещание», «Книга законов Швабии», «Система наследования старшего сына» и ещё более 200 важных статей. Переводчиками являются Цзэн Сяньсен и Мао Тяньху. Этот словарь – редкий источник для изучения истории зарубежных правовых систем.

Помимо упомянутого выше Советского юридического словаря, в последующие десятилетия существовало, вероятно, всего два русско-китайских юридических словаря, а именно: «Русско-китайский словарь по экономике и торговому праву» (1993) издательства Северо-Западного политехнического университета и «Русско-китайский юридический словарь общеупотребительных слов и словосочетаний» издательства Хэйлунцзянского университета, редактором которого был Лин Чуньзе (2010).

Заключение

Следует отметить, что заимствования из русского языка, которые попали в юридический китайский язык и сохранились до сих пор, составляют меньшую долю, чем ранее, поскольку большинство заимствованных терминов отражают довольно старые понятия по юриспруденции, многие из которых вышли из употребления или изменились. Количество юридических терминов русских заимствований немногочисленно по сравнению с английскими и японскими. Но перевод русских юридических терминов играл важную роль на протяжении несколько десятков лет в истории политико-правового развития Китая. Неко-

торые русские термины зафиксированы в словарях, до сих пор ещё активно употребляются в юридической сфере в Китае, хотя некоторые варианты перевода терминов на китайском языке отличаются от начальной формы перевода, например, «принадлежность» в советском юридическом словаре (1956г.) была переведена как 从物 Цонву, а в словаре Лин Чуньзе (2010 г.) 隶属, 归属 Лишу, Гуйшу. Безусловно, заимствование юридической лексики из русского в китайский язык обогатило юридический лексикон китайского языка, и также продвинуло его обновление и способствовало введению современной лексики в юриспруденцию в Новом Китае.

Список источников

1. Ленин В.И. 1922. Дополнения к проекту вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР и письма Д.И. Курскому. Письмо Д.И. Курскому, 17 мая. Электронный ресурс. URL: <https://leninism.su/works/84-tom-45/478-dopolneniy-k-ugolovnomu-kodeksu-45.html> (дата обращения: 30.11.2020).
2. Хэ Циньхуа. 2009. Советские законы полностью входят в Китай. Синьминьские вечерние новости, 30.08.

References

1. Van Chishen'. 2010. Geography, Law and Revolution during the Great Northern Expedition - the appearance of the term "counter-revolutionary crimes" in China. *Studies of Modern History*, 1: 28-39. (In china.)
2. Lippert V. 2003. Origin and Function of Certain Chinese Marxist Terms (translated into Chinese by ZhaoChan). Pekin, Publishing House of the Academy of Social Sciences of China, 454 p. (In china.)
3. Lyan Khueysin. 2006. Civil law - where and where. *Reform in China*, 7: 64-67,
4. Tsay Dintzyan'. 1999. Questions about the Impact of USSR Laws on Legal Construction in China. *Jurisprudence*, 3: 2-6. (In china.)
5. Chzhan Ven'syan'. 2015. Yuridicheskiy perevod i modernizatsiya kitayskogo zakonodatel'stva – vstupitel'noe slovo na konferentsii "Amerikanskaya yuridicheskaya biblioteka, yuridicheskiy perevod i pravovye izmeneniya". Pekin, Chinese Political and Legal University Press, 244 p. (In china.)
6. Chen' Sinlyan. 2010. Nauka ugovnogo prava – zhivya do smerti. *Jurisprudence*, 1: 18-30. (In china.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кэюнь Доу, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета (Р.Я.) русского языка Дэчжоуского университета КНР, г. Дэчжоу, КНР

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dou Keyun, Candidate of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty (R.Ya.) of the Russian Language, Dezhou University of the PRC, Dezhou, PRC

УДК 811.11-112

DOI 10.52575/2712-7451-2021-40-2-253-263

Фразообразовательный потенциал древнеанглийских соматизмов

Мухин С.В.

Московский государственный институт международных отношений МИД России
Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76
Email: s.muhin@inno.mgimo.ru

Аннотация. Рассмотрены лексикографическое представление ряда лексических соматизмов из расширенного списка Сводеша на предмет установления их сочетаемости. Выявленные словосочетания проанализированы с целью определения признаков фразеологизации. Словосочетания с соматическими компонентами, идентифицированные как фразеологизмы, распределены в две основные группы в зависимости от идиоматического либо фразеоматического значения. Предлагается количественно выраженное представление фразообразовательного потенциала конкретных соматизмов.

Ключевые слова: соматизм, фразеология, древнеанглийский язык, фразообразование, список Сводеша.

Для цитирования: Мухин С.В. 2021. Фразообразовательный потенциал древнеанглийских соматизмов. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (2): 253–263. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-253-263

Phrase-building potential of old english somatisms

Sergey V. Mukhin

Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of Russia,
76 Vernadskogo av., Moscow, 119454, Russia
Email: s.muhin@inno.mgimo.ru

Abstract. The article is concerned with presenting the procedure and main results of the research aimed at determining the phrase-building potential of lexical somatisms in Old English. The research proceeds to scrutinize the lexicographic representation of a number of lexical somatisms taken from the extended 207-word Old English Swadesh list with a view to establishing their lexical combinability. The word-combinations thus detected are analyzed in order to find out some markers of phraseologization. Those word-combinations with somatic components that are successfully identified as phraseological units, fall into two main groups in compliance with whether they feature either idiomatic or phraseomatic semantics, with the idiomatic group being the larger one and including the sentence-structured idioms of aphoristic nature. The numerical representation of the phrase-building potential of specific somatisms graphically demonstrates a substantially varying capability of the latter to form phraseologically tied word-combinations.

Keywords: somatism, phraseology, Old English, phrase-building, Swadesh list.

For citation: Mukhin S.V. 2021. Phrase-building potential of old english somatisms. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (2): 253–263 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-253-263

Введение

В фразеологических подсистемах различных языков лексическим соматизмам принадлежит особая роль. Наличие соматической лексики в языках мира является одной из главных универсалий. При лексико-тематическом группировании названия частей тела образуют одну из трех главных групп наряду с зоонимической и ботанической лексикой [Богус, 2006]. Относясь, как правило, к основному словарному фонду языка и входя в ядро лексикона, лексические соматизмы активно участвуют во фразообразовании, при этом центральное место занимают названия наружных частей тела, функционально очевидных для человека [Шарманов, 2014].

Роль соматизмов во фразообразовании английского языка традиционно привлекает пристальное внимание исследователей. Из сравнительно недавних работ по данной тематике следует отметить диссертационные исследования К.Г. Завалишиной [2005], Т.С. Чумичевой [2010] и В.В. Подгорной [2015]. В то же время нельзя не обратить внимания на тот факт, что практически все работы по фразеологии ограничиваются рассмотрением материала современного английского языка. Исторический материал, как правило, остается за рамками исследования в силу его специфики.

Основным объективным препятствием к анализу древнеанглийской фразеологии следует признать ограниченность доступных данных об одном из важнейших свойств фразеологических единиц (ФЕ) – регулярности употребления в речи. Тем не менее даже тот ограниченный материал, который сохранился в письменных памятниках древнеанглийского языка, позволяет достаточно уверенно заявить, что «уже к древнему периоду в английском языке сложился определенный и достаточно большой фразеологический фонд, который лег в основу богатой фразеологической системы современного английского языка» [Дьякова, 2006, с. 27].

Компонентный состав фразеологизмов обычно кодирует концепты самого базового уровня [Langlotz, 2006, p. 136]. Исходя из того, что соматический код является наиболее древним из существующих [Красных, 2002] и, соответственно, соматическая лексика относится к одному из древнейших пластов словарного состава языка, будет логично сделать эмпирическое предположение, что значимость соматической лексики древнеанглийского языка для фразообразования была ничуть не меньше, чем в современном английском языке. На основе данного предположения в рамках настоящего исследования делается попытка выявить фразообразовательный потенциал базовых лексических соматизмов древнеанглийского языка.

Для достижения поставленной цели решается ряд конкретных задач: 1) определяется объем базовой соматической лексики; 2) выявляются словарно зафиксированные словосочетания, в составе которых имеются базовые соматизмы; 3) рассматриваются показатели устойчивости выявленных словосочетаний; 4) приводится краткий обзор устойчивых словосочетаний с соматическими компонентами; 5) делаются основные выводы исследования.

Основными методами настоящего исследования выступают фразеологическая идентификация, метод дефиниционного анализа, контекстуальный анализ и др.

Определение объема базовой соматической лексики

Первым шагом исследования должно быть определение понятий соматизма как такового и соматизма базового. Главной характеристикой лексического соматизма следует признать особенность его номинативной функции, а именно именование части тела. Семантика телесности – это категориальный признак всех соматизмов. Примечательным свойством лексических соматизмов является то, что в составе устойчивых словосочетаний они показывают ярко выраженную тенденцию к метафоризации значения, выступая таким образом необходимым строительным материалом идиоматики. Наличие хотя бы одного лексического компонента-соматизма автоматически превращает все устойчивое словосо-

четание в соматический фразеологизм, значение которого не равняется сумме значений компонентов [Halupka-Rešetar, 2016].

Базовый соматизм – это лексема с соматической семантикой, которая принадлежит к основному словарному фонду языка и входит в ядро его лексикона, будучи одной из «разумно достаточного множества единиц», являющихся представителями лексической системы в целом [Стародубцева, 2018]. Более конкретно объем базовой соматической лексики определяется в рамках лексико-статистических исследований.

Для определения количества рассматриваемых соматизмов представляется обоснованным обратиться к хорошо известному в исследовательской практике списку Сводеша. В 1950-е гг. американский лингвист Моррис Сводеш разработал научный метод, который получил название глоттохронологии, или лексикостатистики. В основе данного метода лежит использование списка базовых понятий в различных языках, при помощи которого осуществляется генеалогическая классификация языков и вычисление времени распада праязыка [Бурлак, Старостин, 2005]. Существует несколько вариантов списка, различающихся объемом включаемой в них лексики. В целях большей репрезентативности языкового материала нами выбрана расширенная, 207-словная версия списка для древнеанглийского языка [The Indo-European, 2020]. В данной версии списка содержится некоторое количество соматизмов, среди которых преобладают антропные. С учетом важности принципа антропоцентризма в лексике, нами рассматриваются только они и не рассматриваются наименования частей тела животных, такие, как *horn*¹ (*рог*), *tæzl* (*хвост*), *feber* (*перо, крыло*).

В списке присутствуют следующие лексемы, называющие в основном внешние части человеческого тела: *hyd* (*кожа*), *haer* (*волос, волосы*), *heafod* (*голова*), *eaze* (*глаз*), *muþ* (*рот*), *toþ* (*зуб*), *tunze* (*язык*), (*finzer*) *næzl* (*ноготь*), *fof* (*нога, стопа*), *sneow* (*колени*), *hand* (*рука*), *sweora* (*шея*), *hrycz* (*спина, хребет*), *nosu* (*нос*), *breost* (*грудь*), *scanca* (*нога*). Помимо перечисленных нами также анализируются существительные из списка, относящиеся к внутреннему строению организма: *blod* (*кровь*), *ban* (*кость*), *þearmas* (*кишки*), *heorte* (*сердце*), *innor / wamb* (*живот, чрево*) и *lifer* (*печень*). Таким образом, нами рассматривается фразеобразовательный потенциал 23 лексем древнеанглийского языка с соматической семантикой. Следует отметить, что само это количество свидетельствует о важной роли этой лексико-семантической группы в основном лексическом фонде языка: 11 % слов в списке Сводеша являются антропными соматизмами.

В словарно зафиксированных словосочетаниях наряду с некоторыми из приведенных лексем встречаются также другие соматизмы, не входящие в список Сводеша, например, существительные *foran* (*лоб*) и *folm* (*ладонь*). Представляется, что список соматизмов, участвующих в фразеобразовательных процессах, можно было бы значительно расширить, однако в рамках настоящего исследования рассматриваются только базовые.

Лексикографические данные о словосочетаниях с базовыми лексическими соматизмами

Для изучения устойчивости словосочетаний с соматизмами необходимо собрать данные о сочетаемости последних в древнеанглийских текстах. Представляется, что есть два способа сбора таких данных: корпусный анализ текстов достаточно реперезентативного объема и изучение лексикографического представления соматизмов. В настоящем исследовании выбран второй способ. Фразеологических словарей древнеанглийского языка не существует, поэтому в качестве основного лексикографического источника нами выбран классический словарь древнеанглийского языка Дж. Босворта. Данный словарь создан в первой половине XIX в. и впоследствии был многократно переиздан. Мы пользуемся самым поздним изданием 1964 г. [Bosworth, 1964].

¹Зд. и далее: орфография древнеанглийских слов приводится в соответствии с отечественной учебно-исследовательской и издательской традицией, за исключением особо указанных случаев.

В словарных статьях, посвященных соответствующим лексемам с соматическим значением приводятся контекстуальные примеры употребления последних в памятниках письменности древнеанглийского языка. Анализируя данные примеры, можно составить представление о сочетаемости соматизмов.

Рассмотрим в качестве примера словарную статью, описывающую существительное *breost* (*грудь*) – один из востребованных во фразеобразовании соматизмов, который в качестве стержневого компонента входит в состав многих ФЕ в различных языках, в том числе в современном английском.

В данной статье непосредственно за леммой и грамматическими сведениями о существительном среднего рода *breost* приводятся три значения слова, снабженные рядом иллюстративных примеров с переводом на латинский либо новоанглийский язык: 1) грудь как часть тела (*pecus*); 2) груди как молочные железы (*ubera*); 3) грудь как абстрактное вообразимое вместилище жизненных сил и чувств. Все примеры к первому и второму значению свидетельствуют о том, что они были основными, прямыми. Словосочетания с соматизмом *breost* в приведенных примерах не демонстрируют переосмысление семантики и иных показателей фразеологизации, как, например, в цитируемом словаре контексте из Евангелия от Луки, где в выделенном словосочетании с соматизмом *breost* все элементы используются в своем прямом значении:

forðam þadazascumaþ on þamhiz sweþað: eadizesynt þauntymundan & innoþas þene-cendun & þabreost þenesictun¹

(ибо приходят дни, в которые скажут: «блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие!» Лк. 23:29).

Иначе обстоит дело с третьим значением. В примерах 1–5 к нему можно отметить несколько сочетаний с предлогами: *on breostum*, *inbreostum*, *innanbreostum*. Данные предложно-именные комплексы объединены адвербиальным значением «в душе, в сознании». Пометы, указывающие на источники, говорят о том, что эти употребления данных словосочетаний в таком значении зафиксировано в различных источниках: в поэзии Кэдмона, в героико-религиозной поэме «Андрей» и в поэме «Генезис». Данный факт указывает на регулярность воспроизведения конкретно этих предложно-именных словосочетаний с переосмысленным значением по меньшей мере в письменной речи, что, безусловно, является важным показателем их фразеологического статуса.

Следует заметить, что не всегда приводимый в словаре контекст достаточен для четкого подтверждения или опровержения фразеологического статуса того или иного словосочетания. Обращение к первоисточнику всегда позволяет сделать это точнее. Так, в словаре можно видеть следующий пример:

Hie heora heáfdū slógan on ða wagas²
they struck their heads against the walls, Blickl. Homl. 151, 5.

Из данного примера нельзя понять, как употреблено словосочетание *heafdu slozan on ða wagas* (*бились головой о стены*) – в прямом значении или как образное выражение, которому в новоанглийской фразеологии соответствует ФЕ *to batter / beat / butt / knock / runone'sheadagainst (brick) wall* со значением «прошибать лбом стену», «лезть на рожон» [Кунин, 1998, 365]. Анализ более широкого контекста из первоисточника дает возможность понять, что древнеанглийское словосочетание используется в буквальном смысле и не имеет фразеологического статуса:

¹Зд. и далее: евангельские контексты цитируются в уэссекском диалектном варианте по [The Gospel, 1874].

²Приводится в орфографии источника.

& hie ba wurdon sona ablinde & feollan to eorþan, & heora heafdu slozan on þa wazas & hie zrapodan mid heora handum on þa eorþan & nystan hwyder hie eodan¹
(и они тотчас ослепли и пали на землю и бились головой о стены и шарили руками по земле и не знали, куда идут).

Подобным же образом анализируются лексикографические данные о сочетаемости всех древнеанглийских соматизмов из списка Сводеша. В результате анализа зафиксировано наличие 68 словосочетаний с признаками фразеологической устойчивости.

Структурно-семантические характеристики устойчивых словосочетаний с соматическим компонентом и их фразеобразовательный потенциал

Говоря о структурно-семантических характеристиках ФЕ с соматическими компонентами, представляется необходимым привести обзор их типов. Анализ показывает, что в целом для рассматриваемых ФЕ характерно большое разнообразие. Ими широко представлены как идиоматика, так и фразеоматика. Приведем конкретные примеры.

Большее распространение имеют идиомы, или собственно фразеологизмы. В таблице ниже приводятся примеры некоторых из них (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Древнеанглийские идиомы с соматическими компонентами
Old English idioms with somatic components

Словосочетание	Буквальный перевод	Значение
<i>heafdes sezl</i>	<i>солнце головы</i>	<i>глаз</i>
<i>hydzebetan</i>	<i>возмещать шкурой</i>	<i>подвергаться порке</i>
<i>beleosanherum</i>	<i>лишиться волос</i>	<i>постареть</i>
<i>zan þurh nædle eaze</i>	<i>пройти сквозь глаз иглы</i>	<i>сделать невозможное</i>
<i>toð wið teð</i>	<i>зуб за зуб</i>	<i>в равной мере</i>
<i>hand tomuþe zedon</i>	<i>подносить руку ко рту</i>	<i>питаться</i>
<i>on halre tunzan</i>	<i>на более здоровом языке</i>	<i>просто, доходчиво</i>
<i>swa fot zestop</i>	<i>где ступала нога</i>	<i>где довелось быть</i>
<i>binnancneowe</i>	<i>в колене</i>	<i>в родстве</i>
<i>on sæs hricz</i>	<i>на хребте моря</i>	<i>в открытом море</i>
<i>hand ofer heafod</i>	<i>рука над головой</i>	<i>без усилий, легко, много</i>
<i>blod azitan</i>	<i>пролить кровь</i>	<i>ранить, убить</i>
<i>ban of banum</i>	<i>кость от кости</i>	<i>связанный, неотъемлемый</i>
<i>of heortan</i>	<i>из сердца</i>	<i>из души, по природе</i>
<i>fet and folma</i>	<i>ноги ладони</i>	<i>целиком, с руками и ногами</i>

К идиоматическим единицам также относятся устойчивые афористические словосочетания со структурой законченного предложения, в том числе пословицы и поговорки, например:

¹Blickling Homily 13, Assumption of Mary. 151, 4. Цитируется по [Klein, 1998, p. 126].

*Du ne miht wyrscan an **hær** ðines feaxes hwit odðe blacc¹*
 (не можешь ни одного **волоса** сделать белым или черным Мф. 5:36)²

Примечательно, что в подавляющем большинстве идиоматических словосочетаний соматизмы выступают стержневыми компонентами. Это обстоятельство во многом обусловлено тем, что все они являются субстантивными лексемами, играющими ключевую роль в номинации. Еще значительней роль соматизмов в образовании фразеоматически связанных словосочетаний. Ниже приводятся некоторые примеры фразеоматизмов (табл. 2).

Таблица 2
 Table 2

Древнеанглийские фразеоматизмы с соматическими компонентами
 Old English phraseomatic units with somatic components

Словосочетание	Буквальный перевод	Значение
<i>dead blod</i>	<i>мертвая кровь</i>	<i>запекшаяся кровь раны</i>
<i>heafde foran</i>	<i>перед головы</i>	<i>лоб</i>
<i>eazena zesihþ</i>	<i>вид глаз</i>	<i>вид</i>
<i>æt his sylfes muþe zehyran</i>	<i>в его собственном рту услышать</i>	<i>услышать из чьих-л. собственных уст</i>
<i>mid ðære ylcan hand</i>	<i>этой самой рукой</i>	<i>собственноручно</i>
<i>western wombe</i>	<i>плод чрева</i>	<i>плод чрева</i>

Фразеоматические единицы не так многочисленны, как идиомы. Фразеоматизмам свойственно прямое значение компонентов, включая соматические. Если для идиом наиболее характерным выражением фразеологизации выступает семантическая трансформация компонентов и самой ФЕ в целом и часто яркая образность, то для фразеоматизмов ключевым показателем фразеологизации следует признать регулярность воспроизведения единиц в речи / тексте.

Анализ лексикографических данных показывает, что конкретные соматизмы характеризуются очень различным фразеобразовательным потенциалом. Некоторые соматизмы зафиксированы в составе только одной ФЕ, например, лексема *ban* (*кость*) в приведенной выше идиоме:

*Adam ða cwæð: Ðis is nu **ban of minum banum** ond flæsce of minum flæsce³*
 (Адам тогда сказал: *Теперь это **кость от моей кости** и **плоть от моей плоти***)

В этом случае следует говорить об ограниченном фразеобразовательном потенциале данной конкретной соматической лексемы. Некоторые соматизмы способны входить во множество устойчивых сочетаний. Наиболее характерно это для предложно-именных сочетаний. Из общего числа рассматриваемых соматизмов наибольшей продуктивностью в этом смысле выделяется существительное *hand* (*рука*), которое может устанавливать устойчивую сочетаемость с большим числом различных предлогов, местоимений и существительных. При этом образуются чаще ФЕ с идиоматически переосмысленным значением. Ниже приводятся примеры ФЕ с соматизмом *hand* (табл. 3).

¹ Цитируется по [Thorpe, 1843, 482].

² [Библия онлайн, 2020].

³ Цитируется по [Crawford, 1922].

Таблица 3
 Table 3

Древнеанглийские фразеологические единицы с соматизмом *hand*
 Old English phraseological units with the somatism *hand*

Словосочетание	Буквальный перевод	Значение
<i>æthanda</i>	<i>в руке</i>	<i>в подчинение</i>
<i>mid bradre hand</i>	<i>с широкой рукой</i>	<i>ладонью, плашмя</i>
<i>ða neh handa</i>	<i>близкой рукой</i>	<i>близко, подрукой</i>
<i>hand on handa</i>	<i>рука в руке</i>	<i>рукаобруку</i>
<i>æt hæbbendre handa</i>	<i>при имеющей руке</i>	<i>споличным</i>
<i>hond and rond hebban</i>	<i>рукуи щит поднимать</i>	<i>быть достаточно взрослым, стать воином</i>
<i>on zehwæðre hond / on æzðera hand</i>	<i>на обе руки</i>	<i>с обеих сторон</i>
<i>wið ælce hand</i>	<i>с каждой руки</i>	<i>вовсестороны</i>
<i>unpendre hand</i>	<i>дарующей рукой</i>	<i>охотно, добровольно</i>
<i>þolian ðæra handa</i>	<i>потерять руки</i>	<i>лишиться рук через отрубание как наказание</i>
<i>æthandum</i>	<i>в руках</i>	<i>от рук, посредством</i>
<i>handum and fotum</i>	<i>руками и ногами</i>	<i>по рукам и ногам</i>
<i>behandum zebindan</i>	<i>по рукам связывать</i>	<i>связывать по рукам</i>
<i>zetænumhondum</i>	<i>общими руками</i>	<i>совместно</i>
<i>onhand / underhonde</i>	<i>в руке / под рукой</i>	<i>во владении, в подчинении</i>
<i>tohand / under hand</i>	<i>в руку / под руку</i>	<i>во владение, в подчинение</i>

Наряду с соматизмами, способными активно участвовать во фразеобразовании, такими как *hand* (рука), *heafod* (голова), *muþ* (рот), в числе соматических лексем из списка Сводеша обнаруживаются единицы, которые не имеют устойчивой сочетаемости: *eare* (ухо), *scanca* (нога), *posu* (нос), *lifer* (печень), *þearmas* (кишки), *sweora* (шея). Вместе с тем возможны словосочетания с признаками устойчивости, в составе которых находятся по два соматических компонента, например:

Ðæt iren ne cume on hære ne on næzle¹
 (не стрижься и не бриться, букв.: железо не касается ни **волоса**, ни **ногтя**)

Eall ðæt on ðone muþ zæþ, zæþ on ða wambe²
 (всё, входящее в **уста**, проходит в **чрево** и извергается вон Мф. 15:17)

Всего из 23 соматизмов, входящих в список Сводеша, в той или иной степени способность к фразеобразованию отмечается у 19. Ниже приводятся данные по каждой единице, полученные в результате рассмотрения лексикографической репрезентации соответствующих лексем в *Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary* и анализа соответствующих контекстов с данными лексемами в текстах-источниках (табл. 4).

¹ Цитируется по [Magennis, McWilliams, 2012, p. 174].

² Цитируется по [Thorpe, 1843, p. 122].

Таблица 4
 Table 4

Количество словосочетаний с признаками фразеологизации,
 образуемых древнеанглийскими соматизмами из списка Сводеша
 The number of phraseologized word-combinations
 formed by Old English somatims from the Swadesh list

Соматизм	Значение	Количество словосочетаний
<i>hyd</i>	<i>кожа, шкура</i>	2
<i>hæc*</i>	<i>волос, волосы</i>	3
<i>heafod</i>	<i>голова</i>	7
<i>eaƷe</i>	<i>глаз</i>	4
<i>muþ*</i>	<i>рот</i>	6
<i>toþ</i>	<i>зуб</i>	2
<i>tunƷe</i>	<i>язык</i>	3
<i>(finƷer)næƷl*</i>	<i>ноготь</i>	1
<i>foƷ</i>	<i>нога, стопа</i>	5
<i>sneow</i>	<i>колени</i>	3
<i>hand</i>	<i>рука</i>	23
<i>eare</i>	<i>ухо</i>	0
<i>scanca</i>	<i>нога</i>	0
<i>sweora</i>	<i>шея</i>	0
<i>hrycƷ</i>	<i>спина, хребет</i>	2
<i>nosu</i>	<i>нос</i>	0
<i>breost</i>	<i>грудь</i>	1
<i>blod</i>	<i>кровь</i>	3
<i>ban</i>	<i>кость</i>	1
<i>þearmas</i>	<i>кишки</i>	0
<i>heorte</i>	<i>сердце</i>	1
<i>innop / wamb*</i>	<i>живот, чрево</i>	2
<i>lifer</i>	<i>печень</i>	0
Всего: 67		

*Примечание: общее число словосочетаний меньше, чем сумма словосочетаний с конкретными соматизмами, так как слова, отмеченные астериском, входят в состав устойчивых словосочетаний попарно (см. примеры выше).

Количественный подсчет фразеологизмов, образуемых соматическими лексемами, осложняется структурной вариативностью словосочетаний. Так, контекстуальные словосочетания с существительным *hrycƷ* (*спина, хребет*) характеризуются различиями грамматической структуры и лексического состава, но демонстрируют единство семантики, позволяющее признать их аллофразами одной фраземы со значением «на море, в открытом море, по бурному морю». В сочетании с различными предлогами, существительными *sæ* (*море*), *wæter* (*вода*), *uð* (*волна*) и лексемой *breon*¹ элемент *hrycƷ* выступает как стержневой

¹ С учетом данных топонимики и диалектной вариативности носового сонанта этимологи-

неподменяемый компонент фраземы, контекстуально реализуемой вариантами: *on sæs hricz*, *ofersæs hrycz*, *oferwæteres hrycz*, *onwæteres hricz*, *oferbreone hrycz*, *уда hrycz*. Таким образом, все перечисленные словосочетания учитываются как одна фразеологическая единица.

Заключение

Изучение фразообразовательного потенциала соматизмов в древнеанглийском языке в рамках настоящего исследования позволяет сделать ряд выводов:

1) соматизмы-существительные занимали важное место в основном лексическом фонде. Каждое девятое слово в расширенном списке Сводеша является антропным соматизмом;

2) существующее лексикографическое представление соматических единиц позволяет создать достаточно широкую картину их сочетаемости;

3) с помощью метода фразеологической идентификации представляется во многом возможным определить фразеологический статус словосочетаний с компонентами-соматизмами;

4) соматизмы в целом показывают достаточно высокий фразообразовательный потенциал. В среднем каждый соматизм образует по три устойчивых словосочетания. При этом способность конкретных единиц к образованию устойчивой фразеологической связи сильно разнится. Шесть слов из общего числа 23 соматизмов (26 %) вообще не обнаруживаются в фразеологических словосочетаниях. В то же время существительное *hand* (*рука*) образует каждое третье из общего числа ФЕ с компонентами-соматизмами.

Список источников

1. Библия онлайн. 2020. URL: <https://old.bibleonline.ru/> (дата обращения: 10.10.2020).
2. Кунин А.В. 1998. Большой англо-русский фразеологический словарь. М., Живой язык, 944 с.
3. Bosworth J. 1964. An Anglo-Saxon Dictionary: Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth. London, Oxford University Press, 1302 p.
4. Crawford S. J. 1922. The Old English Version of the Heptateuch, Ælfric's Treatise on the Old and New Testament and his Preface to Genesis, EETS o.s. London, 160 p.
5. The Gospel according to Saint Luke in Anglo-Saxon and Northumbrian Versions. 1874. Ed. by W.W. Skeat. Cambridge, 252 p.
6. The Indo-European Wordlists. 2020. Available at: <https://www.cs.rice.edu/~nakhleh/CPHL/ie-wordlist-07.pdf> (accessed: 18.09.2020).

Список литературы

1. Богус З.А. 2006. Соматизмы в разносистемных языках: семантикословообразовательный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского, адыгейского и английского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 28 с.
2. Бурлак С.А., Старостин С.А. 2005. Сравнительно-историческое языкознание. М., Академия, 432 с.
3. Дьякова Н.А. 2006. Теоретические и методологические основы исторического изучения английской фразеологии. Культура народов Причерноморья, 76: 25–29.
4. Завалишина К.Г. 2005. Концептосфера «человек телесный» в языке русского, немецкого и английского песенного фольклора. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 19 с.
5. Красных В.В. 2002. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., ИТДГК Гнозис, 284 с.

ческий анализ позволяет определить это слово как существительное в исходной форме *bream* со значением «возвышенность, открытая ветру» [Johnston, 1915, p. 167], т.е. «высокая волна».

6. Подгорная В.В. 2015. «Наивная анатомия» в английской языковой картине мира. Дис. ... докт. филол. наук. Спб., 226 с.
7. Стародубцева Ю.А. 2018. Параметрическое ядро лексики русского языка по данным "Словаря русского языка в 4-х томах" под редакцией А.П. Евгеньевой (2-ое изд.). Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 276 с.
8. Чумичева Т.С. 2010. Фразеологизмы с компонентами-соматизмами в национальных вариантах английского языка (на материале британского и американского вариантов). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 24 с.
9. Шарманов В.В. 2014. Соматизм как компонент фразеологической единицы русского и немецкого языков. *Universum: Филология и искусствоведение*, 10 (12). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/category/10-12> (дата обращения: 16.09.2020).
10. Halupka-Rešetar S. 2016. Somatisms with the Lexemes Láb in Hungarian, Noga in Serbian, and Leg/Foot in English. *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*, 8, 2: 21–34.
11. Johnston J. B. 1915. *The Place-names of England and Wales*. London, 556 p.
12. Klein T.P. 1998. *The 'Coarser' Senses in Old English: a Study of the Old English Verbs of Tasting, Smelling, Touching and Perceiving*. Toronto, 240 p.
13. Langlotz A. 2006. *Idiomatic Creativity: A Cognitive-linguistic Model of Idiom-representation and Idiom-variation in English*. Philadelphia, John Benjamins Publishing, 325 p.
14. Magennis H., McWilliams S. 2012. *Saints and Scholars: New Perspectives on Anglo-Saxon Literature and Culture in Honour of Hugh Magennis*. DS Brewer, 280 p.
15. Thorpe B. 1843. *The Sermones Catholici, Or Homilies: In the Original Anglo-Saxon, with an English Version*. Vol. 1. London, 624 p.

References

1. Bogus Z.A. 2006. Somatizmy v raznosistemnykh yazykakh: semantikoslovoobrazovatel'nyy i lingvokul'turologicheskiy aspekty (na materiale russkogo, adygeyskogo i angliyskogo yazykov) [Somatisms in multi-system languages: semantic-educational and linguoculturological aspects (based on the material of the Russian, Adyghe and English languages)]. Abstract dis. ... Cand. philol. sciences. Maykop, 28 p.
2. Burlak S.A., Starostin S.A. 2005. *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie* [Comparative Historical Linguistics]. M., Publ. Akademiya, 432 p.
3. D'yakova N.A. 2006. *Teoreticheskie i metodologicheskie osnovy istoricheskogo izucheniya angliyskoy frazeologii* [Theoretical and methodological foundations of the historical study of English phraseology]. *Culture of Black Sea People*, 76: 25–29.
4. Zavalishina K.G. 2005. Kontseptosfera "chelovek telesnyy" v yazyke russkogo, nemetskogo i angliyskogo pesennogo fol'klora [The concept of "bodily man" in the language of Russian, German and English song folklore]. Abstract dis. ... Cand. philol. sciences. Kursk, 19 p.
5. Krasnykh V.V. 2002. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics]. M., Publ. ITDGK Gnozis, 284 p.
6. Podgornaya V.V. 2015. "Naivnaya anatomiya" v angliyskoy yazykovoy kartine mira ["Naive Anatomy" in the English Language Picture of the World]. Dis. ... Cand. dokt. sciences. Spb., 226 p.
7. Starodubtseva Yu.A. 2018. Parametricheskoe yadro leksiki russkogo yazyka po dannym "Slovarya russkogo yazyka v 4-kh tomakh" pod redaktsiey A.P. Evgen'evoy (2-oe izd.) [The parametric core of the vocabulary of the Russian language according to the "Dictionary of the Russian language in 4 volumes" edited by A.P. Evgenieva (2nd ed.)]. Dis. ... Cand. philol. sciences. Voronezh, 276 p.
8. Chumicheva T.S. 2010. Frazеологизмы s komponentami-somatizmami v natsional'nykh variantakh angliyskogo yazyka (na materiale britanskogo i amerikanskogo variantov) [Phraseologisms with Somatism Components in National Variants of the English Language (Based on the British and American Variants)]. Abstract dis. ... Cand. philol. sciences. Nizhniy Novgorod, 24 p.
9. Sharmanov V.V. 2014. Somatizm kak komponent frazeologicheskoy edinitsy russkogo i nemetskogo yazykov [Somatism as a component of the phraseological unit of the Russian and German languages]. *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie*, 10 (12). Available at: <https://7universum.com/ru/philology/archive/category/10-12> (accessed: 16.09.2020).
10. Halupka-Rešetar S. 2016. Somatisms with the Lexemes Láb in Hungarian, Noga in Serbian, and Leg/Foot in English. *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*, 8, 2: 21–34.

11. Johnston J. B. 1915. *The Place-names of England and Wales*. London, 556 p.
12. Klein T.P. 1998. *The 'Coarser' Senses in Old English: a Study of the Old English Verbs of Tasting, Smelling, Touching and Perceiving*. Toronto, 240 p.
13. Langlotz A. 2006. *Idiomatic Creativity: A Cognitive-linguistic Model of Idiom-representation and Idiom-variation in English*. Philadelphia, John Benjamins Publishing, 325 p.
14. Magennis H., McWilliams S. 2012. *Saints and Scholars: New Perspectives on Anglo-Saxon Literature and Culture in Honour of Hugh Magennis*. DS Brewer, 280 p.
15. Thorpe B. 1843. *The Sermones Catholici, Or Homilies: In the Original Anglo-Saxon, with an English Version*. Vol. 1. London, 624 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мухин Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка № 1 Московского государственного института международных отношений МИД России, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Mukhin, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Language No. 1 of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

УДК 811.161.1

DOI 10.52575/2712-7451-2021-40-2-264-270

Русские частицы и субъективная модализация информации

Нагорный И.А.

Цзилинский университет

Китайская Народная Республика, 130012, г. Чанчунь, ул. Цянцзинь, д. 10

Email: ignago7@outlook.com

Аннотация. Проанализирован комплекс вопросов, отражающих параметры специфики коммуникативного функционирования русских частиц как субъективных модализаторов сообщаемого. Исследованы степени влияния частиц на смысловое поле высказывания, описаны коммуникативно обусловленные функции, выполняемые частицами при смысловом усложнении высказывания, его модализации. Выявлены и систематизированы функционально-коммуникативные свойства частиц при выражении субъективной точки зрения говорящего на сообщаемое. Охарактеризованы коммуникативно-диалогические аспекты репрезентации ограничительными, усилительными, указательными, определительными, эмоциональными и модальными частицами русского языка модусных смыслов, прагматически обусловленных субъективно-авторским взглядом на действительность. Доказано, что русские смысловые частицы обладают коммуникативным статусом прагматико-речевых знаков, главные функции которых проявляются в модусно-квалификативной речевой зоне процесса коммуникации при актуализации особого модализованного типа семантических отношений говорящим.

Ключевые слова: функциональные параметры; функционально-коммуникативный подход; модализация информации; квалификационная репрезентация сообщаемого; русские частицы; функция речевого воздействия, адресатность.

Для цитирования: Нагорный И.А. 2021. Русские частицы и субъективная модализация информации. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (2): 264–270. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-264-270

Russian particles and the subjective modalization of information

Igor A. Nagorny

Jilin University

10 Qiangjin St, Changchun, 130012, People's Republic of China,

Email: ignago7@outlook.com

Abstract. The article analyzes a set of questions that reflect the parameters of the specificity of the communicative functioning of Russian particles as subjective modalizers of what is communicated. The study of the degrees of influence of particles on the semantic field of the utterance is carried out, the communicatively conditioned functions performed by the particles during the semantic complication of the utterance and its modalization are described. Revealed and systematized functional and communicative properties of particles when expressing the speaker's subjective point of view on what is reported. The communicative-dialogical aspects of representation are characterized by restrictive, reinforcing, indicative, determinative, emotional and modal particles of the Russian language of modus meanings, pragmatically conditioned by the author's subjective view of reality. It is proved that Russian semantic particles have the communicative status of pragmatic-speech signs, the main functions of which are manifested in the modulo-qualifying speech zone of the communication process when a special modalized type of semantic relations is actualized by the speaker.

Keywords: a functional parameters; functional-communicative approach; information modalization; qualification representation of the reported; Russian particles; speech influence function, addressability.

For citation: Nagornyy I.A. 2021. Russian particles and the subjective modalization of information. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (2): 264–270 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-264-270

Введение

Проблема исследования принципов субъективной модализации сообщаемого представляется важной и своевременной в плане развития антропоцентрических, прагматических и функциональных идей современных лингвистических школ. Русская языковая система включает большое количество языковых средств и способов выражения говорящим своего личного мнения, оценки сообщаемого, производимой в самых различных аспектах. Русские частицы как выразители субъективного, авторского взгляда на действительность относятся, по нашему мнению, к весьма продуктивным и прагматически сориентированным языковым знакам модализации сообщаемого. Использование антропоцентрического и функционального подходов при исследовании модализационной роли русских частиц в процессе коммуникации может способствовать решению важных вопросов в области коммуникативистики и прагматики, уточнению критериев соотношения системно-языковой и речевой сфер русского языка, исследованию фактора антропоцентричности, детализации описания русской языковой и концептуальной картин мира.

Исходя из сказанного, целесообразным видится исследование не только собственно грамматических свойств русских частиц, но и их коммуникативных качеств, особенно ярко проявляющихся при модализации частицами сообщаемого, модусном корректировании смыслового поля предложения и текста. Анализ степеней влияния, оказываемого частицами на коммуникативный процесс, в частности на фактор адресата, также представляется важным в антропоцентрическом аспекте.

Объекты и методы исследования

Теоретический материал исследовался при помощи описательного, систематизационного и общедедуктивного методов, позволивших развить теоретическую базу работы относительно достижения поставленной цели и решения намеченных задач, что в результате дало возможность доказать выдвинутую гипотезу, положенную в основу научного описания, сделать теоретические выводы, наметить перспективы дальнейшей работы. Для анализа иллюстративно-текстового материала, кроме собственно описательного метода, были применены сравнительно-сопоставительный и функциональный методы, а также прием количественного подсчета, сориентированные на систематизацию теоретических и практических аспектов исследования, на многоаспектный функциональный анализ особенностей модализации сообщаемого русскими частицами в коммуникативной сфере. Выявление и описание функционально-текстовых характеристик русских частиц также опиралась на применение структурного метода.

Результаты и их обсуждение

Применение коммуникативного и функционального подходов к исследованию прагматически насыщенных речевых элементов помогает не только установить формально-грамматический статус отдельных элементов в общей системе языка, но и обосновать коммуникативно-прагматические характеристики языковых единиц, определить критерии функционирования данных языковых компонентов в составе высказывания, включенного в речевую диалогическую сферу.

В указанном аспекте, на наш взгляд, оказывается интересным и продуктивным изучение коммуникативно-сориентированных речевых функций русских частиц как слов многофункциональных [Schwarz, Tiemann, 2017; Hans, 2019]. Данные языковые элементы ярко проявляют себя на уровне речевого общения, являются прагматически значимыми и семантически емкими.

Глубокое исследование языковых и в большей степени речевых функциональных свойств частиц преследует не только теоретическую, но и практическую цель – расширить пути осмысления проблем, актуализируемых функционально-коммуникативной лингвистикой [Колмогорова, 2016], прагмалингвистикой [Лакофф, 1988], социо- и этнолингвистикой [Перехвальская, 2020]. К указанным стоит отнести проблему антропоцентричности русских слов [Вольф, 2010], прагматически обусловленного речевого воздействия говорящего на адресата [Lakoff 1975; Винокур, 2016], коммуникативной сущности эмотивизации и экспрессивизации сообщаемого [Арутюнова и др., 1992; Катермина, 2015].

При углубленном изучении особенностей коммуникативного процесса все это оказывается закономерно связанным с необходимостью усвоения механизмов смыслового усложнения высказывания [Yu, 2017; Арутюнова, 2019], его модализации [Depraetere, 2015; Böjesson, 2016], в том числе при помощи частиц различных семантических групп, оказывающихся весьма продуктивным речевым инструментарием прагматического воздействия на адресата.

В аспекте функционально-коммуникативного анализа интересными представляются следующие семантические группы русских частиц:

1. Группа ограничительных частиц: «только», «лишь», «только лишь», «всего-навсего», «просто», «исключительно» и др. Уточняется, что такого рода русские частицы вводятся в высказывание субъектом для конкретизации и локализации собственной точки зрения на каком-либо фрагменте события. Конкретизация же субъективного мнения автора сообщения в ограничительном аспекте ожидаемо сужает семантическое пространство речевого высказывания, на которое распространяется влияние русских ограничительных частиц: *Это **только** к нему относится* (Е. Носов); ***Всего-навсего** одно поручение нужно выполнить* (А. Толстой); *А мечты осуществляютс**я лишь** частично* (А. Иванов); *Нам осталось **только лишь** решить, кто будет первым* (Д. Донцова).

2. Группа усилительных смысловых частиц: «прямо», «просто», «еще», «даже», «положительно», «определенно». Такого рода языковые элементы в сфере коммуникации функционируют как языковые средства иллокутивного характера. Они усиливают личностное мнение субъекта, фиксируют его и тем самым прагматически концентрируют точку зрения говорящего на актуализируемом событии или на его отдельной части: *Отлично, что у нас появился **ещё** один шанс* (Е. Гуцин); *-Мы двинемся туда **прямо** сейчас* (Е. Симонов); *Можно **даже** и не торопиться, мы уже опоздали* (И. Ефремов); ***Просто** я узнал об это раньше его* (Д. Донцова).

3. Группа указательных частиц: «вон», «вот», «во», «это», «вот как» и др. Коммуникативные характеристики такого рода частиц русского языка локализованы в зоне демонстрации речевой позиции говорящего. В основном указанная локализация производится относительно какого-то частного эпизода события при одновременном усилении коммуникативной роли говорящего, который приглашает адресата присоединиться к нему в том или ином видении конкретной ситуации: ***Вон** сколько у нас делов и забот образовалось. И это только начало* (О. Баринов); ***Вот** сад и сторожка* (Е. Леонов); *А **это** как вам угодно, дорогой мой товарищ* (А. Толстой).

4. Группа определительных частиц, таких как «как раз», «именно», «приблизительно», «равно», «чуть не» и др. Особенности функционирования такого рода языковых средств в коммуникативной зоне сосредоточены на конкретизации озвучиваемого, определяемого автором сообщения как какое-либо уточнение: *А это **как раз** насчет вашего рацпредложения* (М. Задорнов); *Его, вероятно, тогда заинтересовало **именно** это сообщение* (В. Распутин); ***Приблизительно** так я это и понял* (Ю. Семенов).

5. Группа эмоциональных частиц: «что за», «даже», «ну и», «же», «куда», «куда уж», «эк», «ишь», «ведь», «как», «все», «все-таки», «где уж», «вот так». Данная группа частиц русского языка активно работает в речевой зоне коммуникации как средство эмотивизации и экспрессивизации прагматически сориентированной информации. Эмоциональные частицы активно помогают человеку ввести в свое речевое высказывание разного рода эмоции, сосредоточить внимание адресата на своих чувствах, который автор сообщения стремится выразить, дать яркую положительную/отрицательную оценку целого события или его фрагмента. Рассматриваемые частицы усиливают оценочный фактор сообщения, а при необходимости и экспрессивизируют его. Разнообразные человеческие эмоции – от восторга, восхищения, удивления, радости до грусти, разочарования, злобы, уныния – могут быть актуализированы в авторском высказывании как раз с помощью частиц эмоциональной группы. Часто выражение автором своих эмоций и составляет суть речевого сообщения. Поэтому генерация и донесение автором своих эмоций и чувств до адресата может расцениваться, как думается, в качестве ведущего мотива коммуникативного процесса, актуализируемого говорящим. Кроме этого, в коммуникативной сфере на экспликацию авторской оценки нередко наслаивается и дополнительная экспрессивизация автором сообщения своих эмоций, что, несомненно, усиливает выразительность речевого оценочного сообщения: **Что за чудное событие произошло сегодня!** (Д. Донцова); **Как ты этого понять не можешь! Это очень сложно?** (Д. Донцова); **Вот так явление! А я и не ждал тебя** (Е. Глушков); **Ну и слышу в ответ: -Да где уж тебе!** (С. Иванов).

6. Группа модальных частиц русского языка, включающая семантические подгруппы частиц:

– модально-сомнительные («едва ли», «вряд ли», «навряд ли»): – **Неужели так? Едва ли** (С. Лукьяненко); – **Думаешь, все образуется? – Вряд ли, раньше нужно было реагировать** (В. Плетнев); – **Все-таки не поедешь на встречу? – Навряд ли** (Ю. Семенов).

– модально-сравнительные («будто», «как будто», «точно», «словно бы», «вроде», «вроде как», «ровно»): – **Собираешься дальше здесь находиться? – Как будто...** (С. Иванов); **Будто и не с нами это произошло** (С. Лукьяненко).

– собственно предположительные («как бы», «чай», «небось», «авось», «никак», «что ли», «поди»): **Чай, к нам, милок, пожаловал?** (А. Островский); – **Авось и не сбудется твоя печаль** (Д. Донцова); – **Да ты поди и не слышал про ту историю?** (В. Шукшин).

– модально-вопросительные («неужели», «разве», «неужто»): – **Неужели так все и случилось? Не верю** (М. Горький); – **Ты разве не был в числе первых?** (И. Ефремов); – **Да неужто так и было?** (А. Иванов). – **Это неслыханно! Неужели доскачешь?** (А. Аверченко)

– модально-эвиденциальные частицы («дескать», «мол», «якобы», «де»): – **А онхороший спец? -Ну якобы...** (Ю. Семенов); **Дескать не результат важен, а сам процесс. Интересно** (Е. Гущин).

– модально-избыточные частицы («едва ли не», «вряд ли не», «чуть ли не»): **Екатерина чуть ли не самая эрудированная в классе** (Журн. текст); **И в результате этот человек двигался едва ли не мимо своей самой важной цели в жизни** (Журн. текст);

Особенности функционирования указанных групп частиц на собственно системном уровне и в речевой сфере обусловлен видимым несоответствием их грамматического статуса в русской языковой системе как служебных элементов [Виноградов, 2001] и усиленным прагматико-коммуникативным статусом как продуктивного и семантически емкого компонента в речевом высказывании и шире – в речевом диалоге. Русские частицы как актуализаторы целого ряда авторских квалификативных модусных смыслов совмещают в своем функционально-смысловом поле формальную грамматикализованность своего частеречного значения, с одной стороны, и семантико-прагматическую емкость, обусловленную коммуникативной природой частицы, – с другой [Нагорный, 2019]. Установить

причины, обуславливающие этот языково-речевой феномен русских частиц – одна из важнейших задач в перспективном функционально-коммуникативном анализе заявленных проблем, решение которых поможет глубже понять глубинные языковые процессы, отражающие как собственно языковые закономерности функционирования русских частиц, так и специфику русской языковой картины мира, рефлексированной на уровне языковых средств – выразителей субъективного взгляда говорящего на действительность.

Будучи малофункциональными в формально-грамматическом плане, русские частицы по продуктивности своего функционирования в повседневной речевой сфере фиксируются на одном из лидирующих мест. Данные языковые элементы – весьма частотные речевые знаки [Шведова, 2003; Ван, Стародумова, 2018; Мелехова, Сергиевская, 2019; Ломтев, 2020; Отношение к..., 2020], имеющие сильную прагматическую составляющую в своем семантическом поле, которая и позволяет русской частице генерировать в речевой зоне комплекс доминирующих семантико-прагматических функций – в первую очередь функцию квалификативную (субъективная квалификация информации) и функцию прагматическую (речевое воздействие на адресата при помощи донесения до последнего точки зрения говорящего): – *Не видели, **что ли**, как люди живут?* (К. Паустовский); *Прищуренные уголки её глаз **чуть ли не** улыбались* (А. Толстой); – *А у самого-то **небо** и душа в пятках?* (С. Лукьяненко); *Это было нечто **вроде** поучения потомкам* (Журнальный текст); – *Да **разве** шучу я в самом деле?* (А. Островский);

Абсолютное большинство смысловых частиц русского языка необходимо, по нашему мнению, рассматривать как прагматико-речевые знаки, наиболее важные функции которых фиксируются именно в квалификативной речевой зоне процесса коммуникации – актуализации и обозначении особого модусного типа семантических отношений с точки зрения оценивающего эти отношения человека. В русских речевых высказываниях с частицами субъективный (кваликативно-оценочный) и объективный (собственно событийный) слои смысла сближены, представляют неразрывное целое.

В целом, применение функционально-коммуникативного подхода при анализе частиц русского языка видится, на наш взгляд, продуктивным, так как помогает объяснению некоторых важных функционально-прагматических аспектов при изучении системной и речевой сфер русского языка, позволяет перенести исследуемые проблемы на антропоцентрическую языковую сферу, область русской языковой и концептуальной картины мира, помогает решить целый ряд вопросов коммуникативистики и функциональной прагматики.

Заключение

Подведем итог сказанному. Применение функционально-коммуникативного анализа частиц при установлении их функциональной нагрузки в процессе коммуникации, на наш взгляд, мотивировано тем, что слово в языково-речевой сфере фактически многофункционально. Многофункциональные языковые средства выполняют в речевой сфере человеческого общения комплекс функций, обусловленных смысловой и прагматической ролью слова, отведенной данному языковому средству говорящим в процессе коммуникативного обмена информацией. Учет фактора функциональной разноаспектности при анализе коммуникативных функций русского слова, по нашему мнению, закономерен и оправдан. В связи со сказанным крайне целесообразным представляется исследование не только традиционных (лексико-грамматических) параметров частиц русского языка, но и функциональный анализ прагматизированных говорящим способов корректировки частицами общее смысловое поле речевого высказывания, а также того влияния, которое оказывается русскими частицами на коммуникативную сферу речевой реализации данного высказывания или комплекса высказываний. Это нужно учитывать, ибо взятые для исследования вопросы включаются в сферу антропоцентризма и прагматики. Актуализированные в статье проблемы видятся перспективным для своего развития в плане расширения границ функционального анализа русских частиц в антропоцентрическом аспекте.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д., Булыгина Т.В., Кибрик А.А. 1992. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. Под ред. Т.В. Булыгиной. М., Наука, 280 с.
2. Арутюнова Н.Д. 2019. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., URSS, 384 с.
3. Ван Ж., Стародумова Е.А. 2018. Частица «БЫ» в предложениях с условными отношениями. Научный диалог, 5: 30–40.
4. Виноградов В.В. 2001. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Под. ред. Г.А. Золотовой. М., Рус. яз., 720 с.
5. Винокур Т.Г. 2016. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., Наука, 171 с.
6. Вольф Е.М. 2010. Функциональная семантика оценки. М., Либроком, 278 с.
7. Катермина В.В. 2015. Человеческий фактор в языке. Человек. Культура. Образование. 2 (16): 222-232.
8. Колмогорова А.В. 2016. Методология коммуникативных исследований в лингвистике. Красноярск, Изд-во СФУ, 102 с.
9. Лакофф Дж. 1988. Мышление в зеркале классификаторов. В кн. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. Под ред. В.В. Петрова, В.И. Герасимова. М., Прогресс: 12-51.
10. Ломтев Т.П. 2020. Предложение и его грамматические категории. М., Изд. URSS, 200 с.
11. Мелехова Л.А., Сергиевская Л.А. 2019. Коннотативные смыслы высказывания в грамматической концепции П.А. Леканта и современной русистики. В кн. Рациональное и эмоциональное в русском языке. Сборник трудов Международной научной конференции, посвященной памяти профессора П.А. Леканта, г. Москва, 19 ноября 2019 г. Под ред. Н.Б. Самсонова. Москва, ИИУ МГОУ: 20–24.
12. Нагорный И.А. 2019. Грамматико-коммуникативные функции частиц в речевой сфере. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 38 (3): 369-378.
13. Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий. 2020. Под ред. В.В. Казаковской, М.Д. Воейковой. Серия: Проблемы функциональной грамматики. М., Издательский Дом ЯСК, 285 с.
14. Шведова Н.Ю. 2003. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., Азбуковник, 377 с.
15. Перехвальская Е.В. 2020. Этнолингвистика. М., Издательство Юрайт, 351 с. URL: <https://urait.ru/bcode/450613> (дата обращения: 05.10.2020).
16. Börjesson K. 2016. The semantics-pragmatics interface: The role of speaker intentions and the nature of implicit meaning aspects/. In: La sémantique linguistique en vision périphérique. Dans *Langages*, 1 (201): 15-32
17. Depraetere I. 2015. Categorization principles of modal meaning categories: a critical assessment. *Anglophonia. French Journal of English Linguistics*. Vol.19. Modalisation a posteriori. P. 78-88.
18. Hans K. 2019. Epistemic Specificity from a Communication-Theoretic Perspective. *Journal of Semantics*. Vol. 36. Iss. 1: 1–51.
19. Lakoff G. 1975. Pragmatics in natural logic. In: *Formal semantics of natural language*. Ed. E.L. Keenan. Los Angeles: 253–286.
20. Schwarz F., Tiemann S. 2017. Presupposition Projection in Online Processing. *Journal of Semantics*. Vol. 34. Iss. 1: 61–106.
21. Yu A.D. 2017. A modal account of propositions. *Dialectica*. Vol. 71, Iss. 4: 463–488.

References

1. Arutyunova N.D., Bulygina T.V., Kibrik A.A. 1992. Chelovecheskiy faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal'nost', deyksis [The human factor in language. Communication, modality, deixis]. Ed. T.V. Bulygina. M., Publ. Nauka, 280 p.
2. Arutyunova N.D. 2019. Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy [The proposal and its meaning. Logical-semantic problems]. M., Publ. URSS, 384 p.

3. Van Zh., Starodumova E.A. 2018. Chastitsa «BY» v predlozheniyakh s uslovnymi otnosheniyami [Particle "BY" in sentences with conditional relationships]. *Nauchnyy Dialog*, 5: 30–40.
4. Vinogradov V.V. 2001. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical teaching about the word)]. Ed. G.A. Zolotova. M., Publ. Rus. yaz., 720 p.
5. Vinokur T.G. 2016. *Govoryashchiy i slushayushchiy: Varianty rechevogo povedeniya* [Speaker and Listener: Variants of Speech Behavior]. M., Publ. Nauka, 171 p.
6. Vol'f E.M. 2010. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. M., Publ. Librokom, 278 p.
7. Katermina V.V. 2015. Chelovecheskiy faktor v yazyke [The human factor in the language]. *Human. Culture. Education*. 2 (16): 222-232.
8. Kolmogorova A.V. 2016. *Metodologiya kommunikativnykh issledovaniy v lingvistike* [Methodology of Communication Research in Linguistics]. Krasnoyarsk, Publ. SFU, 102 p.
9. Lakoff Dzh. 1988. Myshlenie v zerkale klassifikatorov [Thinking in the mirror of classifiers]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. 23. *Kognitivnye aspekty yazyka* [Cognitive aspects of language]. Eds. V.V. Petrov, V.I. Gerasimov. M., Publ. Progress: 12–51.
10. Lomtev T.P. 2020. *Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii* [Sentence and its grammatical categories]. M., Publ. URSS, 200 p.
11. Melekhova L.A., Sergievskaya L.A. 2019. Konnotativnye smysly vyskazyvaniya v grammaticheskoy kontseptsii P.A. Lekanta i sovremennoy rusistike [Connotative meanings of a statement in the grammatical concept of P.A. Lecant and modern Russian studies]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke* [Rational and Emotional in Russian]. *Sbornik trudov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professora P. A. Lekanta*, g. Moskva, 19 noyabrya 2019 g. Ed. N.B. Samsonov. Moskva, Publ. IJU MGOU: 20–24.
12. Nagornyy I.A. 2019. *Grammatiko-kommunikativnye funktsii chastits v rechevoy sfere* [Grammatical and communicative functions of particles in the speech sphere]. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 38 (3): 369–378.
13. Otnoshenie k govoryashchemu v semantike grammaticheskikh kategoriy [The relation to the speaker in the semantics of grammatical categories]. 2020. Eds. V.V. Kazakovskaya, M.D. Voeykova. *Seriya: Problemy funktsional'noy grammatiki* [Problems of functional grammar]. M., Publ. YaSK, 285 p.
14. Shvedova N.Yu. 2003. *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* [Essays on the syntax of Russian colloquial speech]. M., Publ. Azbukovnik, 377 p.
15. Perekhval'skaya E.V. 2020. *Etnolingvistika* [Ethnolinguistics.]. M., Publ. Yurayt, 351 p. Available at: <https://urait.ru/bcode/450613> (accessed: 05.10.2020).
16. Börjesson K. 2016. The semantics-pragmatics interface: The role of speaker intentions and the nature of implicit meaning aspects/. In: *La sémantique linguistique en vision périphérique*. *Dans Languages*, 1 (201): 15-32.
17. Depraetere I. 2015. Categorization principles of modal meaning categories: a critical assessment. *Anglophonia. French Journal of English Linguistics*. Vol.19. *Modalisationa posteriori*. P. 78-88.
18. Hans K. 2019. Epistemic Specificity from a Communication-Theoretic Perspective. *Journal of Semantics*. Vol. 36. Iss. 1: 1–51.
19. Lakoff G. 1975. Pragmatics in natural logic. In: *Formal semantics of natural language*. Ed. E.L. Keenan. Los Angeles: 253-286.
20. Schwarz F., Tiemann S. 2017. Presupposition Projection in Online Processing. *Journal of Semantics*. Vol. 34. Iss. 1: 61–106.
21. Yu A.D. 2017. A modal account of propositions. *Dialectica*. Vol. 71, Iss. 4: 463–488.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нагорный Игорь Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, профессор института иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китайская Народная Республика

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor A. Nagorny, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Institute of Foreign Languages, Jilin University, Changchun, People's Republic of China

УДК 821.111(73)

DOI 10.52575/2712-7451-2021-40-2-271-279

Функционально-семантическая и прагматическая роль цветовых номинаций в организации поэтического дискурса (на примере стихотворений Э. Паунда о женщинах)

Польщикова А.К., Польщикова О.Н., Деев А.В., Пойменова А.С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

E-mail: Alisa2797@list.ru; polshchikova@bsu.edu.ru; Deyev_Anton@mail.ru;
lukhanina_a@bsu.edu.ru

Аннотация. Стремительное развитие лингвокультурологического подхода к изучению языков актуализирует исследования в области художественного дискурса. Функционально-семантическая и прагматическая роль цветовых номинаций в организации художественного поэтического дискурса с учетом его лингвистических и внеязыковых компонентов не становилась объектом специального анализа, а дискурсообразующая функция цветообозначений остается недостаточно изученной. Целью исследования впервые выступает установление роли цветовых номинаций в организации поэтического дискурса на материале поэзии Э. Паунда. Были выявлены основные тенденции насыщения текстов цветообозначениями, рассмотрена цветовая гамма описаний женщин и ее связь с заимствованными из других культур символами, измененными в процессе их интерпретации в контексте американской литературы модернизма XX века, установлены функции цветовых номинаций в структурной и семантической организации художественного дискурса, а также их значимость как источника сведений о культурном опыте различных народов, перенятого носителем американской культуры. Представленные выводы могут послужить теоретической базой дальнейших исследований поэтического дискурса и цветовых номинаций в литературе.

Ключевые слова: цветовые номинации, художественный дискурс, поэтический дискурс, семантика, прагматика

Для цитирования: Польщикова А.К., Польщикова О.Н., Деев А.В., Пойменова А.С. 2021. Функционально-семантическая и прагматическая роль цветовых номинаций в организации поэтического дискурса (на примере стихотворений Э. Паунда о женщинах). Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (2): 271–279. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-271-279

Functional-semantic and pragmatic role of color nominations in the organization of poetic discourse (on the example of E. Pound's poems about women)

Alisa. K. Polshchykova, Olga N. Polshchykova, Anton V. Deev, Alisa S. Poymenova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia,

E-mail: Alisa2797@list.ru; polshchikova@bsu.edu.ru; Deyev_Anton@mail.ru;
lukhanina_a@bsu.edu.ru

Abstract. The significance of the work is justified by the rapid development of the linguoculturological approach to the study of languages, the prospects of research in the field of artistic discourse. The functional-semantic and pragmatic role of color nominations in the organization of artistic poetic discourse, taking into account its linguistic and extra-linguistic components, has not become the object of special analysis, and the discourse-forming function of color values remains insufficiently studied. The

aim of the study is to establish for the first time the role of color nominations in the organization of poetic discourse based on the poetry of E. Pound. The choice of material is determined by the peculiarities of the author's creative method, as well as by the cultural and social processes of the writing works periods. The main trends in the saturation of texts with color meanings were identified, the color scheme of women descriptions and its connection with symbols borrowed from other cultures, changed in the process of their interpretation in the context of American literature of the twentieth century modernism, the functions of color nominations in the structural and semantic organization of artistic discourse were determined. The presented conclusions can serve as a theoretical basis for further research of poetic discourse and color categories in literature.

Key words: color nominations, artistic discourse, poetic discourse, semantics, pragmatics

For citation: Polshchykova A.K., Polshchykova O.N., Deev A.V., Poymenova A.S. 2021. Functional-semantic and pragmatic role of color nominations in the organization of poetic discourse (on the example of E. Pound's poems about women). Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (2): 271–279 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-271-279

Введение

Как известно, поэтический дискурс как разновидность художественного в силу своей сложности и экстралингвистической природы часто вызывает научный интерес, становясь объектом изучения и выводя исследования в области дискуртологии на новый уровень. Для более глубокого понимания сути данного явления следует обозначить основное отличие художественного от других видов дискурса. Н.Д. Арутюнова указывает на то, что «литературной коммуникации, так же, как и повседневному человеческому общению, присущи такие прагматические параметры, как автор речи, его коммуникативная установка, адресат и связанный с ним перлокутивный акт (эстетическое воздействие)» [Арутюнова, 1990]. Тем не менее, можно заметить, что художественный дискурс выходит за рамки данного определения: этот особый вид дискурса можно охарактеризовать как воздействующий на внутренний мир человека, взывающий не только к рациональному осмыслению информации, но и к чувствам, эмоциям читателя, формирующий определенные ценностные установки и включающий в себя не только лингвистические компоненты. Поэтический дискурс является разновидностью художественного и противопоставлен прозаическому не только стихотворной формой, обуславливающей сочетание в рамках произведения устной и письменной речи, но и большей образностью, экспрессивностью, эмоциональной окрашенностью [Макарова, 2005]. В связи со своей многогранностью и специфической направленностью поэтический дискурс является сложным коммуникативно-когнитивным образованием, требующим глубокого изучения.

Примечательно, что издавна богатая цветовыми номинациями поэзия США в XX веке находилась на пике своего развития, что обусловлено появлением под влиянием культурной волны модернизма множества направлений так называемой экспериментальной поэзии [Польщикова, 2019]. Символизм и экспрессивность стихотворений данного периода служили поводом для их сравнения с современной живописью и утверждали фундаментальную роль цветовых номинаций не только в передаче авторского замысла, но и создании особой красочности произведения, таким образом способствуя синтезу искусств и создавая особый дух эпохи. Выдающийся поэт XX века Эзра Паунд является одной из самых ярких фигур американского модернизма [Пробштейн, 2019]. Визуализируя и выставляя в новом свете даже традиционную любовную лирику, поэт с помощью цветовых номинаций насыщает описания женщин дополнительными символическими смыслами, требующими детального культурологического и стилистического анализа. В связи с этим произведения Э. Паунда о женщинах представляются оптимальным вариантом для исследования функционально-семантической и прагматической роли цветовых номинаций в организации художественного поэтического дискурса.

Целью исследования впервые выступает установление роли цветowych номинаций в организации поэтического дискурса на материале поэзии Э. Паунда, а также их значимость как источника сведений о культурном опыте различных народов, перенятого носителем американской культуры.

Результаты и обсуждение

Стоит отметить, что анализ текстов стихотворений Э. Паунда о женщинах позволяет выявить определенные тенденции в выражении авторского замысла поэта путем насыщения текста цветowymi номинациями. В первую очередь следует упомянуть, что проведение параллелей между человеческой жизнью и природными явлениями является особенностью творческого метода автора, что особенно ярко проявляется в описаниях женщин: цветowe номинации в сочетании с фитонимами, метеорологическими метафорами и многочисленными сравнениями создают общую атмосферу произведения, систему художественных образов, являясь смыслообразующим и дискурсоорганизующим элементом. Помимо этого, за цветowymi номинациями, издавна выступающими в произведениях художественной литературы для придания повествованию красочности и эмоциональности, закрепляется значение источника сведений о личном опыте писателя, а также общем настроении эпохи, для которой характерны синтез искусств и их визуализация, а также обусловленный процессом глобализации обмен культурным опытом [Кошеренкова, 2015]. В связи с этим нельзя не учитывать личностный фактор подбора цветowych элементов, предопределенный периодом, темой творчества, эмоциональным состоянием, а также сферой интересов автора произведений. Так, значительное влияние на творчество Э. Паунда, который является носителем американской лингвокультуры, оказала культура Древней Греции [Liebregts, 2019], Рима [Sullivan, 1964] (в дальнейшем итальянская) [McGuinness, 2015], а также Востока [Пробштейн, 2019], в особенности поэзия Китая [Potting, 1998] и Японии [Miner, 1958], нередко переводимая им на английский язык. Одним из ярких примеров вдохновленных восточной литературой выступает стихотворение “Alba”:

1. As cool as the pale wet leaves
The of lily-of-the-valley
She lay beside me in the dawn. [Pound, 2003]

Известно, что китайские традиционные стандарты красоты предполагают элегантность и сдержанность, поэтому именно за белым закреплено значение чистоты и невинности [Giles, 2009], а бледная кожа символизирует хрупкость, нежность девушки [Полякова, 2015]. В связи с этим бледность “pale” в сочетании с фитонимом свежего ландыша “lily-of-the-valley”, также несущего в себе не прямое указание на белый цвет, формирует образ привлекательной внешне и внутренне утонченной возлюбленной лирического героя. Символическая сущность белого в культурном коде стран Востока более ярко раскрыта в стихотворении поэта “Fan-piece for Her Imperial Lord”:

2. O fan of white silk,
clear as frost on the grass-blade,
You also are laid aside. [Pound, 1963]

В данном примере выражена прямая ассоциация белого “white” с невинностью и благородством. Так, веер из белого шелка “fan of white silk” уже создает в голове читателя приятный образ: невесомость веера в сочетании с мягкостью, гладкостью, приятностью шелка подкреплена заложенной в цвете коннотацией легкости и нежности, что позволяет добиться большей погруженности читателя, создать «живую» систему образов в произведении. Тем не менее, Э. Паунд не останавливается на этом и прибегает к сравнению ясности, чистоты с инеем на травинке “clear as frost on the grass-blade”. По аналогии с япон-

скими хокку, которыми был вдохновлен поэт во время написания этого стихотворения, эти строки отличаются особой метафоричностью, которую некоторые литературные критики вслед за самим автором именуют “super-pository” («сверхпозиторный», «надассоциативный») [Генис, 1999]. Суть данного метода заключается в создании обособленного яркого образа, связанного с затрагиваемыми в стихотворении идеями непрямою связью, поэтому наименования цветов, вбирающие в себя множество первичных и созданных в процессе культурного и исторического развития ассоциаций, особенно ценны.

Как видно из примеров выше, цветовые номинации, подкрепленные природным параллелизмом, позволяют достичь лаконичности описаний и при этом только усилить эмоциональное воздействие на читателя путем мысленного воссоздания описанной автором картины. Подобным приемом пользуется Э. Паунд и в стихотворении “Medallion”, где передает красоту девушки через сравнение с драгоценными металлами и камнями:

3. ...The sleek head emerges
From the gold-yellow frock
As Anadyomene in the opening
Pages of Reinach.
Honey-red, closing the face-oval,
A basket-work of braids which seem as if they were
Spun in King Minos' hall
From metal, or intractable amber;
The face-oval beneath the glaze,
Bright in its suave bounding-line, as,
Beneath half-watt rays,
The eyes turn topaz. [Pound, 2003]

Как видно из приведенного выше отрывка, данное стихотворение вдохновлено греческой мифологией (“Anadyomene”, “King Minos”), что повлияло и на подбор цветовых номинаций, которые уже не отсылают к бледному и хрупкому, но, напротив, к насыщенному, крепкому, властному, поэтому на смену весеннему цветку приходят роскошные убранства и украшения. Так, лицо дамы, будто покрытое глазурью, привлекает своей яркостью, а выразительный блеск глаз подобен топазу “eyes turn topaz”. Женщина одета в золотистое (“golden-yellow”) платье, а медово-красное “honey-red” плетение ее косичек, которое напоминает поэту металл “metal” или янтарь “amber” в орнаментах царских покоев. Цветовые номинации, зачастую не прямые, выполняют в отрывке как описательную функцию, повествуя о внешности героини, цвете ее волос, глаз и одежды, так и символическую, смыслообразующую, так как через упоминание металлов и камней в царских покоях автор выражает свое восхищение красотой женщины и позволяет сформировать впечатление о характере и изысканных манерах дамы, показывая, что ее образ дорог его сердцу как, драгоценные дары, которые подносили люди своим правителям.

Похожий на созданный в “Medallion” как по цветовой гамме, так и по общему посылу образ уверенной женщины, объекта для восхищения, проявляется и в стихотворении Э. Паунда “Dance Figure”, которое начинается следующими строками:

4. DARK-EYED,
O woman of my dreams,
Ivory sandaled,
There is none like thee among the dancers,
None with swift feet... [Daily Poetry]

В данном примере показана еще одна функция, выполняемая цветовыми номинациями в организации поэтического дискурса, которая не является специфичной для про-

изведения художественной литературы: как и в текстах другого характера, иногда цвета называют оттенки предметов и явлений, то есть выступают как описательными, так и сугубо номинативными единицами. Так, поэт указывает на то, что у женщины темные глаза “dark-eyed” и что обута она в сандалии цвета слоновой кости “ivory sandaled”. Тем не менее, художественный дискурс является очень многогранным, поэтому поэтический текст стоит глубоко и детально рассматривать на разных уровнях интеллектуального постижения и эмоционального восприятия. В связи с этим допустимо предположение о более глубоком образном смысле, заложенном в данные номинации: темные глаза таят в себе загадку, передают неуловимость, недостижимость (так и сама темнота, неясная, скрытная, «ломанная» “broken darkness” укрыла женщину, не позволяя герою найти ее: “...I have not found thee in the tents, In the broken darkness...”). В то же время дорогая слоновая кость указывает, подобно дарам из стихотворения “Medallion”, на внешнее изящество, великолепие, некую царственность. Данное допущение подтверждается во время дальнейшего прочтения следующими строками:

5. ...Gilt turquoise and silver are in the place of thy rest.
A brown robe, with threads of gold woven in patterns,
hast thou gathered about thee... [Daily Poetry]

Металлические оттенки серебра и золота (“gilt turquoise”, “silver”, “gold”), здесь также выступают носителями дополнительной коннотации роскоши, а на привилегированную позицию женщины в сознании лирического героя указывает расшитая золотыми узорами коричневая мантия “brown robe, with threads of gold woven in patterns”. «Роскошные» оттенки в сочетании с благородным белым в разных его проявлениях составляют основу выбранной Э. Паундом для создания женских образов цветовой гаммы. В связи с этим стихотворение “Dance Figure” можно считать эталонным в отношении выбора по этому оттенкам, о чем свидетельствует насыщенность произведения и белым цветом:

6. ...White as an almond are thy shoulders;
As new almonds stripped from the husk...
7. ...As a rillet among the sedge are thy hands upon me;
Thy fingers a frosted stream.
Thy maidens are white like pebbles...
8. ...Thine arms are as a young sapling under the bark;
Thy face as a river with lights... [Daily Poetry]

В приведенных выше примерах белый “white” используется для описания кожи девушки и подчеркнут сравнением с миндалем “white as an almond”, а также передан различными выстроенными на ассоциациях непрямыми цветовыми номинациями. Среди последних — огоньки, отблески реки “a river with lights”, “a rillet among the sedge”, встречающееся и ранее в стихотворениях “Fan-piece for Her Imperial Lord”, “Alba” указание на сверхпозитивную природную холодность этого цвета “fingers a frosted stream”, вероятно связанную с первичными зимними ассоциациями, а также сравнение с корой молодого деревца “arms are as a young sapling under the bark”, характерное для передачи нежной белизны девичьих рук в творчестве автора. Последнее прослеживается, к примеру, в стихотворении “Virginal”, закрепляя за белым все перечисленные выше значения:

9. ...As winter's wound with her sleight hand she staunches,
Nath of the trees a likeness of the savour:
As white their bark, so white this lady's hours... [Poetry Foundation]

Проанализировав творчество Э. Паунда, можно также сделать вывод о том, что героинями его стихотворений чаще выступают юные девушки, женщины в расцвете сил, к

которым лирический герой испытывает чувства влюбленности и восхищения. Тем не менее, автор не ограничивается описанием данной группы, показывая судьбы и других женщин, например, обеспокоенной долгим отсутствием супруга и предчувствующей старость супруга торговца в произведении “The River-Merchant’s Wife”. Образ осени как сезона увядания, следующего после ассоциирующейся с юностью весны и с самыми яркими годами лета, умело воссоздан Э. Паундом в следующем отрывке:

10. The leaves fall early this autumn, in wind.
The paired butterflies are already yellow with August
Over the grass in the West garden;
They hurt me. I grow older. [Pound, 2003]

Автор проводит параллели между естественным циклом смены времен года и жизнью человека, передавая обеспокоенность героини потерей молодости с помощью яркого образа пожелтевших в августе бабочек “the paired butterflies are already yellow with August”. Желтый “yellow” здесь выполняет и смысловую функцию (читатель понимает, что бабочки стали желтыми с течением времени, которое продолжает движение, имеет представление о сезоне повествования), и описательную (автором создается целостный осенний пейзаж), и эмоционально-символическую (именно замечая цвет бабочек героиня осознает как давно нет ее мужа, сравнивает себя с этими доживающими свое время бабочками, передавая читателю свою тревогу и печаль, вызывая в нем сильные эмоции сочувствия и обеспокоенности собственной судьбой). Э. Паунд не только передает мысли лирической героини, но и указывает на место женщины в еще не модернизированном обществе, описывая быт ушедшей эпохи, судьбу выходцев из народа и поднимая социальные проблемы периода до научно-технической революции (жена купца, хозяйка, которая вышла замуж в раннем возрасте, скучает, проводя юность в ожидании мужа, который надолго покинул дом ради заработка на жизнь; автор указывает на общественное положение печальных персонажей, называя их “two small people, without dislike or suspicion”). Примечательно, что стихотворение “The River-Merchant’s Wife” является вольным переводом произведения китайского поэта Ли Бай [Feng, 2004], которое в новом контексте становится абсолютно самостоятельным произведением, вмещающим в себя идеи американских модернистов XX века и приобретая совершенно новый смысл. Гипертекстуальность и диалог культур выражены не только опорой на оригинальный китайский текст, но и заимствованиями характерных для традиционной восточной культуры символов, в том числе цветочных, проявляющих себя по-новому в столкновении с реалиями США XX века. Таким образом можно проследить, как даже одна цветочная номинация в поэтическом тексте способствует общей организации дискурса, передаче авторского замысла, повествуя о социальных процессах и заставляя задуматься о скоротечности времени и мимолетности земной жизни.

Выводы

Подводя итоги анализа функционально-семантической и прагматической роли цветочных номинаций в организации поэтического дискурса на материале поэзии Эзра Паунда о женщинах, следует выделить определенные тенденции насыщения стихотворений цветообозначениями. Прежде всего стоит отметить, что для произведений автора характерно проведение параллелей между человеком и природой, которое можно наблюдать во всех рассмотренных в рамках исследования стихотворениях. Цветочные номинации взаимодействуют с различными фитонимами, метеорологическими метафорами, сравнениями с драгоценными камнями и металлами, таким образом усиливая эмоциональное воздействие на читателя путем создания ярких символических образов. Типичными для творчества Э. Паунда являются ассоциации внешности и характера женщин либо с весенними цветами, травами, молодыми деревьями (о мягких юных девушках), либо с камнями и драгоценными металлами (об уверенных в себе темпераментных женщинах). Примечательно, что для

описания первых автор использует белый цвет и его непрямые номинации (традиционный символ хрупкости, невинности и благородства), а во втором случае использует различные оттенки драгоценных камней и металлов, которым изначально присуща коннотация царственной роскоши и твердости характера.

Вышеперечисленные особенности подбора цветовой гаммы произведения обусловлены и личным опытом автора, сферой его интересов и настроением эпохи. Являясь носителем американской культуры, Э. Паунд черпал вдохновение в поэзии Древней Греции и Восточной Азии, поэтому неотъемлемой частью исследования творчества поэта стал анализ заимствованных цветовых символов, которые, однако, приобрели новые коннотации во взаимодействии с характерными для американской культуры образами. Так, выбор белого и его не прямых номинаций в описаниях женской красоты характерен для китайской и японской культуры, где этот цвет имеет коннотации скромности и чистоты, а оттенки золота, меди, слоновой кости и различных драгоценных камней чаще встречаются в древнегреческой поэзии [Greek Lyric Poetry, 2008]. Тем не менее в контексте произведений американского поэта XX века цветовые символы приобретают новые смыслы и значения, в чем состоит особенность творческого метода модерниста Э. Паунда. Зарождение новых смысловых оттенков на базе традиционных цветовых символов передает дух эпохи перемен и показывает диалог культур в действии.

Выполняя в текстах стихотворений Э. Паунда описательную, смысловую, номинативную, эмоционально-символическую и образформирующую функции, цветовые номинации играют важную роль в организации художественного дискурса. Данные единицы не только позволяют достичь красочности и лаконичности произведений, усилить эмоциональное воздействие на читателя, поддержать стиль текста, часто входя в состав троп, но и раскрывают внутренний мир автора, его психологическое состояние, интересы, а передают сведения о состоянии общества, культурных и социальных процессах. Становясь дискурсообразующими единицами, цветовые номинации подлежат рассмотрению на разных уровнях, так как в зависимости от степени эмоциональной вовлеченности и фактологической осведомленности читателя в процессе дешифровки выявляются незамеченные ранее коннотации.

Автором впервые установлена функционально-семантическая и прагматическая роль цветовых номинаций в поэзии Э. Паунда о женщинах, что дает представление об их дискурсоорганизующем и лингвокультурологическом значении как источника сведений о культурном опыте различных народов, перенятого носителем американской культуры.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. 1990. Дискурс. В кн. Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В.Н. Ярцевой. М., Сов. Энциклопедия: 136–137.
2. Pound E. Dance Figure Daily Poetry. URL: <https://daily-poetry.me/ezra-pound/dance-figure/> (дата обращения: 01.03.2021).
3. Greek Lyric Poetry (Oxford World's Classics). 2008. By M.L. West (Translator) / Oxford, Oxford University Press, 212 p.
4. Poetry Foundation: Ezra Pound. Poems. 2021. Available at: <https://www.poetryfoundation.org/poets/ezra-pound> (accessed: 02.03.2021).
5. Pound E. 2003. Poems and Translations. Library of America, 1363 p.
6. Pound E. 1963. Translations of Ezra Pound. New Directions Publishing Corporation, 448 p.

Список литературы

1. Генис А. 1999. Без языка. Эзра Паунд. Иностранная литература, 9. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1999/9/bez-yazyka.html> (дата обращения: 28.02.2021).
2. Кошеренкова О.В. 2015. Символика цвета в культуре. Аналитика культурологии, 2 (32). URL: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/2045-символика-цвета-в-культуре.html> (дата обращения: 28.02.2021).

3. Макарова Л.С. 2005. Поэтический дискурс и перевод. Вестник Адыгейского государственного университета: сетевое электронное научное издание, 2. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2005.2/132/makarova2005_2.pdf (дата обращения: 28.02.2021).
4. Польщикова А.К. 2019. Роль цветowych номинаций в американской литературе XX века. В кн.: Научно-исследовательские исследования как основа инновационного развития общества. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, г. Челябинск, 18 декабря 2019 г. Под ред. А.А. Сукиасян. Уфа, ООО Агентство международных исследований: 104-107.
5. Полякова Е.А. 2015. Цветовая символика Китая: лингвокультурологический аспект. Международный научно-исследовательский журнал, 10-5 (41). URL: <https://research-journal.org/wp-content/uploads/2011/10/10-5-41.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).
6. Пробштейн Я.Э. 2019. "Пизанские песни" Эзры Паунда. Литература двух Америк, 7. URL: http://litda.ru/images/2019-7/LDA-2019-7_40-166_Probsteyn.pdf (дата обращения: 28.02.2021).
7. Пробштейн Я.Э. 2019. "Труды и дни": даты жизни и творчества Эзры Паунда. Литература двух Америк, 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudy-i-dni-daty-zhizni-i-tvorchestva-ezry-paunda> (дата обращения: 28.02.2021).
8. Giles H. 2009. A History of Chinese Literature. N. Y., Publ. Cornell University Library, 476 p.
9. Lan F. 2004. Ezra Pound and Confucianism: Remaking Humanism in the Face of Modernism. Toronto, Publ. University of Toronto Press, 256 p.
10. Liebrechts P. 2019. Translations of Greek Tragedy in the Work of Ezra Pound. London and New York, Publ. Bloomsbury Academic, 280 p.
11. McGuinness P. 2015. Ezra Pound: Posthumous Cantos edited by Massimo Bacigalupo review – fresh insights into an epic masterpiece. The Guardian, 27 Nov.
12. Miner R. 1958. The Japanese Tradition in British and American Literature. Princeton, Publ. Princeton University Press, 312 p.
13. Poting F. (Grace). 1998. Mirrors in the Mind: Chinoiserie in Ezra Pound's Translations of Chinese Poetry. Norwich Papers, 6: 85–100.
14. Sullivan J.P. 1964. Ezra Pound and Sextus Propertius: a Study in Creative Translation. London, Publ. Faber and Faber, 192 p.

References

1. Genis A. 1999. Bez yazyka. Ezra Paund [Without language. Ezra Pound]. Inostrannaya literatura, 9. Available at: <https://magazines.gorky.media/inostran/1999/9/bez-yazyka.html> (accessed: 28.02.2021). (in Russian)
2. Kosherenkova O.V. 2015. Simvolika tsveta v kul'ture [Symbolism of color in culture]. Analitika kul'turologii, 2 (32). Available at: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/2045-simvolika-tsveta-v-kul'ture.html> (accessed: 28.02.2021). (in Russian)
3. Makarova L.S. 2005. Poeticheskiy diskurs i perevod [Poetic Discourse and Translation]. The Bulletin of Adyghe State University: Internet Scientific Journal, 2. Available at: http://vestnik.adygnet.ru/files/2005.2/132/makarova2005_2.pdf (accessed: 28.02.2021). (in Russian)
4. Polshchikova A.K. 2019. Rol' tsvetovykh nominatsiy v amerikanskoj literature KhKh veka [The Role of Color Nominations in 20th Century American Literature]. In: Naukoemkie issledovaniya kak osnova innovatsionnogo razvitiya obshchestva [High-tech research as the basis for the innovative development of society]. Sbornik statey po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Chelyabinsk, 18 dekabrya 2019 g. Ed. A.A. Sukiasyan. Ufa, Publ. ООО Агентство международных исследований: 104-107. (in Russian)
5. Polyakova E.A. 2015. Tsvetovaya simbolika Kitaya: lingvokul'turologicheskiy aspekt [Color Symbols of China: Linguocultural Aspect]. International Research Journal, 10-5 (41). Available at: <https://research-journal.org/wp-content/uploads/2011/10/10-5-41.pdf> (accessed: 01.03.2021). (in Russian)
6. Probsteyn Ya.E. 2019. "Pizanskie pesni" Ezry Paunda ["Pisa Songs" by Ezra Pound]. Literature of the Americas, 7. Available at: http://litda.ru/images/2019-7/LDA-2019-7_40-166_Probsteyn.pdf (accessed: 28.02.2021). (in Russian)
7. Probsteyn Ya.E. 2019. "Trudy i dni": daty zhizni i tvorchestva Ezry Paunda ["Works and Days": the dates of the life and work of Ezra Pound]. Literature of the Americas, 7. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudy-i-dni-daty-zhizni-i-tvorchestva-ezry-paunda> (accessed: 28.02.2021). (in Russian)

8. Giles H. 2009. A History of Chinese Literature. N. Y., Publ. Cornell University Library, 476 p.
9. Lan F. 2004. Ezra Pound and Confucianism: Remaking Humanism in the Face of Modernism. Toronto, Publ. University of Toronto Press, 256 p.
10. Liebrechts P. 2019. Translations of Greek Tragedy in the Work of Ezra Pound. London and New York, Publ. Bloomsbury Academic, 280 p.
11. McGuinness P. 2015. Ezra Pound: Posthumous Cantos edited by Massimo Bacigalupo review – fresh insights into an epic masterpiece. The Guardian, 27 Nov.
12. Miner R. 1958. The Japanese Tradition in British and American Literature. Princeton, Publ. Princeton University Press, 312 p.
13. Poting F. (Grace). 1998. Mirrors in the Mind: Chinoiserie in Ezra Pound's Translations of Chinese Poetry. Norwich Papers, 6: 85–100.
14. Sullivan J. P. 1964. Ezra Pound and Sextus Propertius: a Study in Creative Translation. London, Publ. Faber and Faber, 192 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Польщикова Алиса Константиновна, аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Польщикова Ольга Николаевна, доцент, преподаватель кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Деев Антон Витальевич, аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Пойменова Алиса Сергеевна, специалист института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alisa K. Polshchykova, Post-Graduate Student, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Olga N. Polshchykova, Associate Professor, Lecturer of the Department of Russian Language, Professional Speech and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Anton V. Deyev, Post-Graduate Student, Department of Romance-Germanic Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Alisa S. Poymenova, Specialist, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 811.134.2
DOI 10.52575/2712-7451-2021-40-2-280-291

Местоимения *vos* и *tú* в испанском языке Монтевидео: восприятие носителей (на материале корпуса устной речи PRESEEA)

Стефанчиков И.В.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1
E-mail: stefanchikov@protonmail.ch

Аннотация. Представлены результаты исследования восприятия личных местоимений 2-го лица единственного числа *vos* и *tú* жителями г. Монтевидео (Уругвай). Проанализированы мнения информантов, высказанные ими в интервью из корпуса Proyecto para el estudio sociolingüístico del español de España y de América (PRESEEA). Подтверждено наличие в испанском языке Монтевидео двух параллельно функционирующих местоименных систем, а также сделано предположение о существовании третьей. Результаты могут быть использованы при дальнейшем изучении уругвайского национального варианта испанского языка (в частности, в исследованиях спонтанной речи).

Ключевые слова: испанский язык, Латинская Америка, Уругвай, личные местоимения, формы обращения, метаязыковая рефлексия.

Для цитирования: Стефанчиков И.В. 2021. Местоимения *vos* и *tú* в испанском языке Монтевидео: восприятие носителей (на материале корпуса устной речи PRESEEA). Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (2): 280–291. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-280-291

***Vos* and *tú* in Montevidean Spanish: speakers' attitudes in the PRESEEA corpus**

Igor V. Stefanchikov

M.V. Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia,
E-mail: stefanchikov@protonmail.ch

Abstract. This paper examines the attitudes of Uruguayan Spanish speakers towards the singular second-person pronouns *vos* and *tú*. Our approach is based on the analysis of the 32 sociolinguistic interviews conducted in Montevideo, Uruguay from 2007 to 2011 as a part of the PRESEEA project. Traditionally, Montevidean Spanish was considered to have a tripartite system of pronoun address (*vos*, *tú*, *usted*), with *tú* as an intermediate option. However, recent studies show the increasing use of *vos* in detriment of *tú*. The results seem to confirm both opinions: while some speakers' repertoire only include two pronouns (informal *vos* and formal *usted*), the others still use all three options on a daily basis. Yet there are respondents having difficulty in describing the difference between *vos* and *tú*, which allows for an assumption that a third pronoun system, with no clear functional *vos* / *tú* distinction, might exist in Montevideo. We hope that our research will serve as a base for future experimental studies on pronouns in Uruguayan Spanish.

Keywords: Spanish, Latin America, Uruguay, personal pronouns, forms of address, linguistic attitudes.

For citation: Stefanchikov I.V. 2021. *Vos* and *tú* in Montevidean Spanish: speakers' attitudes in the PRESEEA corpus. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 40 (2): 280–291 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-280-291

Введение

В современном испанском языке помимо местоимения формального обращения *usted* (ср. русское «Вы») существуют две основные опции для неформального обращения к собеседнику в единственном числе: тутео (*tuteo* – местоимение *tú* и/или соответствующие глагольные формы) и восео (*voseo* – местоимение *vos* и/или соответствующие глагольные формы). Эта вариативность носит прежде всего диатопический и диастратический характер: в некоторых испаноговорящих государствах бытует только один из вариантов (*tú* / *vos*), однако в большинстве стран встречаются оба, причём использование восео, вышедшего из употребления в «престижной» пиренейской разновидности испанской речи в XVII–XVIII вв., традиционно стигматизируется языковой нормой [Lipski, 1996, p. 159].

Регионы сосуществования *tú* и *vos*, к которым относится и Уругвай, характеризуются наличием «смешанной» системы с двумя местоимениями неформального обращения (*Sistema pronominal III*), которая, по мнению М. Б. Фонтанеллы де Вайнберг, делится на два подвида [Fontanella de Weinberg, 1999, p. 1404–1405].

В первом, наиболее распространённом (подвид IIIa, табл. 1), *vos* и *tú* находятся в отношениях свободного варьирования («*una alternancia bastante generalizada de formas, sin una delimitación funcional*» [ibid.]), а разграничение между ними носит, скорее, социостилистический характер: литературная норма отдаёт предпочтение *tú*.

Таблица 1
Table 1

Местоименная система IIIa [ibid., p. 1404].
Pronoun system IIIa

Ámbitos	SINGULAR	PLURAL
Confianza	<i>vos ~ tú</i>	<i>ustedes</i>
Formalidad	<i>usted</i>	

Во втором подвиде (IIIb, табл. 2), ареал распространения которого Фонтанелла де Вайнберг ограничивает Уругваем, местоимения 2-го л. ед. ч. образуют градацию: *vos* – *tú* – *usted* (от наибольшей степени близости между собеседниками к наибольшей дистанции). Внутри сферы неформального обращения *vos* употребляется в контекстах «близости» (*intimidad*), в то время как *tú* – в контекстах «солидарности» (*solidaridad*), т. е. коммуникативного равенства, при котором, однако, дистанция не сведена к минимуму:

Таблица 2
Table 2

Местоименная система IIIb [ibid.]
Pronoun system IIIb

Ámbitos	SINGULAR	PLURAL
Intimidad	<i>vos</i>	<i>ustedes</i>
Confianza	<i>tú</i>	
Formalidad	<i>usted</i>	

Картина, однако, усложняется тем обстоятельством, что в испанском языке местоименные формы восео могут сочетаться с глагольными формами тутео – и наобо-

рот. В связи с этим в испанистике принято говорить о трех типах *vosco* [RAE-ASALE, 2009, p. 206]:

1. Полное *vosco* (*vosco completo*, также V-V): *vos tenés / vos tenéi(s) / vos tenís*.
2. Глагольное *vosco* (*vosco flexivo*, T-V): *tú tenés / tú tenís*.
3. Местоименное *vosco* (*vosco pronominal*, V-T): *vos tienes*.

В Уругвае встречаются все 4 варианта соотношения между *vosco* и *тутео*: *vos cantás* (V-V, наиболее употребительный вариант, преобладающий на большей части территории Уругвая [ibid., 2009, p. 1265]), *tú cantás* (T-V, вариант, распространённый в Монтевидео наряду с основным), *tú cantas* (T-T, вариант, преобладающий в некоторых регионах страны и используемый в образовательной сфере как «престижный»), *vos cantas* (V-T, наименее распространённый вариант, встречающийся на границе с Бразилией [Carvalho, 2010]).

Смешанная форма обращения T-V (*tú cantás*) была впервые упомянута в филологических работах как характерная для Монтевидео в 1960-х [Ricci, Malán de Ricci, 1962/63] и в дальнейшем неоднократно отмечалась в качестве черты, выделяющей речь Монтевидео на фоне других разновидностей испанского языка в регионе Рио-де-ла-Плата [Rona, 1967; Elizaincin, 1992; Bertolotti, Coll, 2006].

В рамках данного исследования мы сосредоточимся на восприятии жителями Монтевидео соотношения между местоимениями 2-го л. ед. ч. *vos* и *tú*. Поскольку глагольные формы *тутео*, а вместе с ними сочетания типа T-T являются малоупотребительными в столице Уругвая, речь фактически пойдёт о разнице между формами обращения V-V и T-V.

Объекты и методы исследования

Материалом исследования стал корпус устной речи Монтевидео, являющийся составной частью проекта Proyecto para el Estudio Sociolingüístico del Español de España y de América [PRESEEA, 2014]. Этот проект посвящён изучению речи городов Испании и Латинской Америки. Каждый город представлен в PRESEEA 54 интервью, состав которых сбалансирован по полу информантов, их возрасту (18–34, 35–54, 55+) и образованию (начальное, среднее, высшее).

На сайте PRESEEA (preseea.linguas.net) доступны транскрипции 54 интервью с носителями, взятых в Монтевидео с 2007 по 2011 год, и соответствующие аудиофайлы. Интервью делятся от 35 до 75 минут и содержат в среднем около 7 тысяч слов. Все они проходят по схожему сценарию: интервьюер уточняет, какое местоимение ему следует использовать при обращении к информанту, затем следуют тематические блоки: обсуждение погоды, жилища, семьи и друзей, привычек, забавных случаев из жизни и т. д.

В 32 из 54 интервью (20 носителей-женщин и 12 мужчин; возрастной диапазон – от 19 до 87 лет) содержатся высказанные информантами суждения относительно использования ими в речи тех или иных местоимений, что представляет собой уникальную особенность корпуса. Подобные сведения особенно ценны, учитывая, что испанский (с некоторыми оговорками) относится к языкам с нулевым субъектом, то есть к тем, в которых эксплицитное выражение субъекта избыточно, а потому факультативно.

В рамках настоящего исследования мы сконцентрировались на анализе мнений носителей о контекстах и факторах, влияющих на использование местоимений *vos* и *tú*. Отдавая себе отчёт в том, что выводы о языковой ситуации не могут основываться на мета-языковой рефлексии носителей, мы, однако, рассматривали данную ступень анализа как вспомогательную для дальнейших этапов исследования форм обращения в уругвайском варианте испанского языка.

Информация о примерах указывается в следующем формате: [номер интервью, пол информанта, его возраст]. Сохранены исходные условные обозначения и разметка текста: E (entrevistador) – интервьюер; I (informante) – информант; / – краткая пауза; // – пауза; <cita></cita> – цитата; <alargamiento> – удлинённое произнесение звука; <énfasis></énfasis> – интонационная эмфаза; <entre_risas></entre_risas> – фрагмент, про-

изнесённый сквозь смех; <risas = "E"/> – смех, с указанием смеющегося; <vacilación/> – колебание, сомнение, выраженное интонационно. Кроме того, для удобства автором статьи были выделены заглавными буквами случаи использования местоимений в контекстах метаязыковой рефлексии, а сочетанием символов <...> – пропуски в тексте.

Результаты и их обсуждение

Трёхчастная система: vos – tú – usted

Основными факторами, определяющими выбор местоимения, являются, по мнению респондентов, возраст собеседника, отношения между говорящими и ситуация разговора.

Использование *usted* рассматривается носителями как эксплицитное проявление уважения, особенно в общении с людьми старшего возраста (принятие «поколенческих ролей»). Респонденты в целом сходятся во мнении, что это местоимение «состаривает» того, к кому оно обращено: «*me hace sentir más vieja*» [E47 – Ж – 39]. Многие отмечают, что *usted* в речи молодых носителей всё чаще уступает место неформальным аналогам, что вступает в конфликт с речевым этикетом старших поколений, выросших в обществе, где оно использовалось гораздо чаще (к примеру, в общении с родителями): «*¡había chiquilines que ni a los padres tuteaban!*» [E18 – Ж – 86].

В целом, мнения значительной части информантов соотносятся с наблюдениями, указывающими на существование трёхчастной системы *vos – tú – usted* (IIIb), описанной Фонтанеллой де Вайнберг. Эта категория носителей использует местоимение *tú*, а некоторые предпочитают его другим способам неформального обращения:

E.: ¿cómo te gusta que te traten a ti?

I.: de TÚ [E1 – Ж – 36]

I.: el vos no mucho / pero el TÚ <vacilación/> es es habitual en mí [E7 – Ж – 56]

I.: el VOS <alargamiento/> no / no me ha entrado <vacilación/> más más el tuteo [E14 – Ж – 66]

Tú занимает промежуточное положение: оно является местоимением неформального обращения на фоне *usted* и при этом рассматривается носителями как способ сохранить некоторую дистанцию с собеседником (чего не позволяет *vos*):

I.: de TÚ así como un intermedio entre VOS y USTED [E3 – Ж – 22]

I.: quizás con los que tengo más familiaridad / o o o / a veces también de manera enfática el VOS <...> el TÚ me parece eh un tratamiento como más delicado que el VOS / el VOS me parece más inmediato / más fuerte [E12 – Ж – 69]

В трёхчастной системе местоимению *tú* по сравнению с *vos* отведены более формальные контексты: оно используется в ситуациях «преподаватель-студент», «врач-пациент», «покупатель-продавец», «коллеги». Говорящий в таких случаях делает выбор между подчеркнуто вежливым *usted* и *tú*, не создающим чрезмерной дистанции. В следующем примере носитель – учительница в средней школе, ученики которой, по её словам, обычно обращаются к ней на *tú*:

E.: ¿tú tenés alumnos? <...> ¿cómo te tratan?

I.: de TÚ <...> de VOS no

E.: ¿ni uno te trata de VOS?

I.: no <alargamiento/>

<...>

E.: o sea que van entre USTED y TÚ / pero nunca VOS

I.: no [E1 – Ж – 36]

Tú также может использоваться при обращении к незнакомому человеку среднего или младшего возраста. Отсутствие личного знакомства «исключает» опцию *vos*, но и местоимение *usted* воспринимается как неуместное – как в двух следующих примерах. В первом речь идёт о контексте неформального общения (вечеринке), во втором – об обращении к незнакомому, но молодому человеку на улице. В обоих случаях носители делают выбор в пользу *tú*:

I.: en una reunión social lo voy a tutear

<...>

E.: tutear ¿significa <énfasis> TÚ </énfasis>?

I.: TÚ

E.: no / VOS

I.: no [E1 – Ж – 36]

E.: bien ¿y si vas por la calle / y tenés que preguntarle algo a alguna persona que no conocés / cómo te dirigís a ella?

I.: <...> si es una persona joven / le digo de TÚ / ahí sí / y <alargamiento/> si es una persona que la veo mayor <vacilación/> / que yo / eh ahí la trato de USTED [E17 – Ж – 56]

Местоимение *vos* в трёхчастной системе является наиболее неформальным выбором, характерным для общения в семейном или дружеском кругу, когда дистанция между собеседниками минимальна:

I.: por ejemplo te atiende una empleada en una tienda o no sé en cualquier comercio o en un despacho de un médico lo que sea / TÚ <...> puedo decirle TÚ pero de ahí no pasa la cosa ni para arriba ni para abajo / VOS no / no no / no / lo tengo muy incorporado el VOS a nivel familiar sí <cita> che vos </cita> [E13 – М – 61]

К кругу лиц, к которым уместно обращение на *vos*, носители относят родственников, друзей, соседей:

I.: el VOS / con mis padres el VOS [E6 – М – 29]

E.: por ejemplo ¿cómo tratás a / a tus amigos?

I.: de VOS [E3 – Ж – 22]

По мнению носителя № 6, местоимение *vos* предназначено для общения с людьми, к которым говорящий питает наибольшую симпатию (в противоположность холодно-уважительному *usted*):

E.: ¿y a vos te parece que el USTED <...> es una muestra de <alargamiento/> mayor respeto que?

I.: <...> no sé me parece que / como de más respeto el VOS <...> más <vacilación/> más cercano así [E6 – М – 29]

При этом выбор местоимения (*tú / vos*) может зависеть как от отношений с собеседником (более или менее близких), так и от особенностей коммуникативной ситуации (регистра общения):

I.: y si si le estoy hablando a una persona este con la que no tengo mucho vínculo quizá lo trate de TÚ // pero si tengo más relació <alargamiento/> n hablo de VOS <...> si es algo más formal / hablo de TÚ y si es algo una conversación más coloquial más distendida hablo de VOS [E11 – Ж – 34]

Местоимение *vos* сокращает психологическую дистанцию между говорящими до минимальной. Именно поэтому оно, по мнению носителя № 15, не подходит, к примеру, для обращения к вышестоящим на работе:

I.: pero hay gente que por ejemplo no lo puedo tratar de de VOS / como por ejemplo eh mis jefarcas / en el trabajo [E15 – Ж – 56]

Информант №1 полагает, что в таких контекстах предпочтительнее использование *usted* или *tú* (выбору последнего благоприятствует давнее знакомство; тогда данное местоимение не является знаком неуважения, а лишь проявлением доверия):

I.: el trato con ellos me merece una cierta confianza / donde ellos ven que el trato de TÚ / no le estoy faltando el respeto a la persona / sino que es de tantos años juntos [E1 – Ж – 36]

Респондент № 9, диетолог, сообщает, что при обращении к пожилым клиентам использует *usted*, а в общении со сверстниками и более молодыми людьми корректным с точки зрения речевого этикета выбором может быть и местоимение *tú*:

I.: algunos de ellos se dirigen de USTED / y bueno / se ve que quieren marcar distancia y es general mantener / cierta distancia / aunque lo podés tratar de TÚ / y ser respetuoso igual / no viene por ahí [E9 – Ж – 44]

Стратегия переосмысления *tú* как вежливой формы в условиях «отступления» чересчур формального *usted*, была рассмотрена в [Моуна, 2017].

«Промежуточная» роль *tú* может проявляться и в семейном кругу – например, при обращении к бабушкам и дедушкам. *Tú* в таких случаях позволяет, с одной стороны, оставаться в рамках неформального общения, с другой – отдать дань возрасту родственника и его авторитету.

E.: ¿y a tus abuelos como los tratás?

I.: ¡de TÚ! / de TÚ / los trataba / de TÚ

E.: TÚ / siempre TÚ / ¿no VOS?

I.: no

E.: TÚ

I.: sí porque me enseñaron así [E1 – Ж – 36]

Таким образом, если исходить из данных интервью, местоимение *tú* сохраняется в Монтевидео в речи по крайней мере части носителей: 45 респондентов в ходе интервью использовали *vos*, 23 – *tú* (из подсчёта исключены случаи употребления местоимений в ходе обсуждения языковых форм), причём многие использовали оба местоимения, а носители № 9, 12, 55, 56 за время интервью ни разу не произнесли *vos*, сделав выбор в пользу *tú*.

Некоторые опрошенные – респондент № 7 или № 13 и № 14 (супружеская пара) – отметили, что предпочитают использовать не только местоимение *tú*, но и глагольные формы тупео (*sabes, haces, necesitas* и т. п.):

E.: pero vos cómo decís / por ejemplo / <cita> ¿TÚ sabés o TÚ sabes? </cita>

I.: no / <cita> TÚ sabes profesor / o <alargamiento/> </cita> [E7 – Ж – 56]

I.: no no <cita> TÚ haces </cita> por ejemplo es muy común en mí decirlo / TÚ te ocurre tal cosa o TÚ necesitas algún documento mío [E13 – М – 61]

I.: <cita> TÚ / TÚ tienes / dime </cita> // no todo pero hay hay <cita> decime </cita> de repente / de repente lo digo pero / me suena mejor <cita> dime / JC / VOS este tal cosa </cita> [E14 – Ж – 66]

Из приведённой цитаты следует, что носитель № 14 в повседневной речи использует как глагольные формы *vosco* (*tenés, decime*), так и *tuteo* (*tiene, dime*), воспринимая последние как более корректные (более того, в приведённом ею примере форма *tuteo* в повелительном наклонении сочетается с обращением *vos*). Интервьюируемая в целом негативно оценивает *vosco* с эстетической точки зрения:

I.: a mí me choca / o al escribirlo en computadora a mi hermano que vive en Caracas / por ejemplo / este / lo hago / porque él escribe así / entonces <entre_risas> me parece que yo / un poco / caigo un poco en el / en el rococó siempre </entre_risas> [E14 – Ж – 66]

В то же время в ходе интервью носители № 13 и 14 использовали оба местоимения.

Двухчастная система: vos – usted

Помимо трёхчастной системы, считающейся «визитной карточкой» Монтевидео, на основании ответов респондентов мы можем сделать предположение о существовании двухчастной системы *vos – usted* (Sistema pronominal IV, табл. 3), которая обычно описывается как характерная для Аргентины и ряда регионов Центральной Америки [Fontanella de Weinberg, 1999, p. 1406].

Таблица 3
Table 3

Местоименная система IV [ibid.]
Pronoun IV system

Ámbitos	SINGULAR	PLURAL
Confianza	<i>vos</i>	<i>ustedes</i>
Formalidad	<i>usted</i>	

Многие информанты утверждают, что не употребляют местоимение *tú* или делают это крайне редко:

I.: yo nunca uso TÚ / nunca <...> me parece que son más / bastante parecidos <...> pero <alargamiento/> yo no lo uso / uso más que nada el VOS <...> <cita> TÚ sabes </cita> por ejemplo / no / no / no me acuerdo de haberlo usado [E6 – M – 29]

*E.: con VOS / y nunca o casi nunca <énfasis> TÚ </énfasis> dices TÚ a alguien
 I.: no / rara vez / pero no [E4 – M – 54]*

Другие, кроме того, отмечают, что не знакомы практически ни с кем, кто бы использовал данное местоимение:

*E.: ¿y conocés gente que <...> te hable de TÚ? / acá en Montevideo
 I.: no [E40 – Ж – 31]*

*I.: el TÚ / no <...> nunca
 E.: ahí está / y conocés gente que lo use / algún amigo o gente de afuera
 I.: conocer sí / no son muchos pero algún conocido tengo sí [E41 – M – 41]*

Таким образом, в арсенале этих носителей единственным местоимением неформального обращения (в котором сливаются контексты «близости» и «солидарности») является *vos*, противопоставленное «вежливому» *usted*.

I.: y / depende si es una persona muy mayor o es una persona joven / si es más mayor de repente lo trato de USTED / y si es menor de VOS [E16 – Ж – 19]

Любопытно и то, что в 53 случаях из 54 интервьюеры хотя бы один раз за время беседы употребили местоимение *vos* и лишь в 18 – использовали также и *tú*. С одной стороны, подобные цифры демонстрируют причудливое сосуществование в испанском языке Монтевидео двух местоимений, переключение между которыми может неоднократно происходить в рамках одного диалога, порой незаметно для носителя. С другой – позволяют обратить внимание на возможную тенденцию вытеснения *tú*.

Исследование Дж. Уэйерса показало, что в репертуаре носителей моложе 40 лет (в отличие от представителей более возрастных групп) местоимение *tú* фактически отсутствует, полностью уступив место *vos*. Автор делает прогноз: *tú* исчезнет из речи жителей Монтевидео через одно-два поколения [Weyers, 2009, 837–838]. Описанная тенденция находит подтверждение в работах, анализирующих использование местоименных и глагольных форм в образовательном контексте, где позиции *tuteo* традиционно были максимально прочными [Weyers, Canale, 2013], а также в рекламных текстах [Costa, da Conceição, 2011; Uber, 2021].

Данные рассматриваемого корпуса, однако, несколько противоречат наблюдениям Уэйерса. 11 из 25 респондентов в возрастной группе до 40 лет хотя бы раз использовали формы местоимения *tú* в общении с интервьюером. Кроме того, некоторые из них (№ 1, 36 лет; № 11, 34 года; № 52, 29 лет) эксплицитно сообщили, что оно входит в их репертуар:

E.: ¿estás acostumbrada a tratar a los demás de VOS?

I.: no / de TÚ [E52 – Ж – 29]

Носитель № 1 (учительница в средней школе), по собственному признанию, привыкла обращаться к собеседникам на *tú* и своего 4-летнего сына:

I.: tú sabes que yo a mi hijo lo lo eduqué así / y <...> mi hermana <...> le pide hasta el día de hoy a Agustín / que <cita> yo / soy VOS no / me trates de TÚ </cita> / porque Agustín trata de TÚ / tiene cuatro años <...> y no le sale <énfasis> VOS </énfasis> [E1 – Ж – 36]

Другие примеры употребления *tú* в возрастной группе до 40 лет мы находим в работе М. Дуарте Фаваро, основанной на записях спонтанной речи. Так, при первой встрече с незнакомым человеком (самим исследователем) работница магазина (оценочный возраст – 20 лет), сделала выбор в пользу «вежливого» местоимения *usted* (*¡Buenas tardes! ¿Es nuevo en el barrio usted?*), а с третьего визита и далее использовала Т-V (*¡Buenas! ¿Todavía andás por acá tú?*) [Duarte Favaro, p. 14].

Ещё один пример, который приводится в статье (девушка, отвергающая ухаживания), свидетельствует о том, что местоимение *tú* может ситуативно применяться людьми, обычно обращающимися друг к другу на *vos*, для увеличения психологической дистанции:

Hombre: Ahora vos decime... ¿querés que nos veamos el viernes entonces?

Mujer: Ay, no sé, ya sabés que estoy saliendo con alguien.

Hombre: ¡Dale, hace tiempo que me gustás!

Mujer: ¡Sos pesado tú! ¿Eh? [ibid., p. 16]

М. И. Мойна также отмечает, что носитель в пределах одного коммуникативного акта может переходить от *tú*, смягчающего просьбу (*¿Tú no me devolverías la plata?*), к *vos*, добавляющему категоричности требованию: *¡Vos devolveme la plata ya!* [Моуна, 2015, p. 4]. Иными словами, выбор личного местоимения и/или глагольной формы может быть чувствителен к прагматическим изменениям в ходе речевого акта.

Отдельно следует сказать об использовании *tú* в типизирующих контекстах, когда местоимение отсылает не к личности собеседника, но к обобщенному «ты» (т. н. *tú genérico*, встречающееся, например, в гипотетических ситуациях):

I: por ejemplo / caminando por Dieciocho tú ves // polici<alargamiento/>as / en las esquinas [E16 – Ж – 19]

«Гибрид» T-V сохраняет свою роль и как маркер монтевидеанской, уругвайской идентичности на фоне соседнего Буэнос-Айреса, где подобное сочетание не засвидетельствовано. Сложная и противоречивая история взаимоотношений двух столиц накладывает свой отпечаток на языковое сознание. Ряд лингвистов связывает в целом положительное отношение к местоимению *tú* и смешанной форме T-V в Монтевидео с ощущением языковой «самости» [Bertolotti, Coll, 2006; Weyers, 2013; Моуна, Loureiro-Rodríguez, 2017].

Эти и другие наблюдения корректируют выводы Уэйерса и позволяют предполагать, что *tú*, вытесняемое своим аналогом *vos*, всё же не пропадает из речи молодых жителей Монтевидео полностью.

Неразличение vos и tú. Региональные особенности

Интервьюируемые не всегда чётко очерчивают границы употребления двух местоимений, лишь упоминая их оба как возможные, но не объясняя факторов, влияющих на выбор того или иного варианта, как, например, носитель № 54:

E.: ¿voseás también? ¿decís VOS a la gente?

I.: eh sí // <...> salvo ponele salvo que me avive y diga TÚ o <risas = "E"/> <...> el jefe no pero ponele / después al contador y eso sí / o sea / no no también le digo VOS / TÚ / embromo un poco / con ellos <...> es todo muy // es medio familiar ahí [E54 – М – 24]

При этом важно, что многие носители – как (по собственному признанию) использующие *tú*, так и нет – слабо различают два местоимения, порой не обращая внимания на то, какое именно было использовано собеседником. Это может объясняться общностью глагольных форм двух способов обращения (V-V и T-V), учитывая характер испанского как языка с нулевым субъектом – глагольные формы частотнее, а потому заметнее:

I: pero en realidad mi oído no no percibe mucho / sí si me dicen tienes en lugar de tenés / pero no si me dicen TÚ tenés o VOS tenés para mí es medio / indiferente <...> sí nos pasa desapercibido [E2 – Ж – 36]

I.: USTED / no <...> ahora / nunca he prestado atención si VOS o TÚ [E1 – Ж – 36]

Респонденты зачастую не отдают себе отчёта и в том, какое местоимение они сами использовали в той или иной ситуации:

I.: en lo cotidiano / empleo el VOS / o el TÚ <...> este / sin darme cuenta a veces [E9 – Ж – 44]

Два местоимения тесно связаны в испанском языковом сознании, что проявляется и на уровне терминологии: глаголом *tutear* и существительным *tuteo* может обозначаться как обращение на *vos*, так и на *tú*. В определении лексемы *tutear* в словаре Испанской королевской академии не сказано о выборе конкретного местоимения: *1. tr. Dirigirse a alguien empleando el pronombre de segunda persona para el trato de confianza o familiaridad. U. t. c. prnl.*

То же касается выражения *tratar(se) de tú*. Носитель № 8, который на протяжении интервью обращается к интервьюеру исключительно на *vos*, в ответ на вопрос: «¿у *vos como solés tratar a las personas? ¿solés tratarlas de vos, de usted?»*, отвечает «*de tú siempre*», причём остаётся непонятным, что именно он имел в виду. Всё это порождает необходимость дополнительного уточнения, как в следующем примере:

E.: y a vos en general te gusta que te traten de TÚ

I.: sí

E.: o sea

I.: de VOS

E.: de VOS de VOS [E3 – Ж – 22]

Отдельно следует сказать о региональных особенностях в употреблении местоимений, которые упоминает часть носителей (4 из 54 интервьюируемых родились вне Монтевидео). Восео имеет широкое распространение на территории Уругвая, однако существуют регионы, отклоняющиеся от общего правила. Зоной преобладания тутео (местоименного и глагольного, т. е. Т-Т) считаются департаменты Роча и Мальдонадо на востоке страны [Di Tullio, Malcuori, 2012, p. 81] и некоторые районы департамента Канелонес [RAE-ASALE, p. 1253].

Информант № 10 относит свой родной регион (департамент Колония) к зоне аргентинского влияния и объясняет распространённость восео географической близостью к соседу и воздействием его культурной продукции, а ареалом тутео справедливо считает восточную часть Уругвая:

I.: este / entonces en general <alargamiento/> el TÚ o el VOS / más que nada el VOS porque insisto / soy del interior pero específicamente de Nueva Helvecia / Colonia / zona de influencia argentina / entonces / televisión / radio etcétera etcétera trae el voseo es algo mucho más establecido que el TÚ / de pronto que puede ser más del lado del este ¿no? [E10 – Ж – 48]

Респондент № 34 также демонстрирует знание уругвайской языковой реальности, называя Рочу и Мальдонадо регионами бытования тутео. В Монтевидео, по его мнению, чаще употребляется восео:

I.: no / sería tuteo si estuviéramos en Maldona <alargamiento/> do o en Rocha / pero acá <alargamiento/> es VOS [E34 – М – 62]

Заключение

Рассмотрение эксплицитно выраженных мнений носителей, содержащихся в 32 интервью корпуса PRESEEA, позволило нам увидеть сложную картину употребления форм обращения в испанском языке Монтевидео.

По свидетельству части информантов, местоимение *tú* в их речи занимает промежуточное положение между *vos* и *usted*. Данный результат в каком-то смысле соответствует исследовательским ожиданиям, поскольку трёхчастная местоименная система IIIb неоднократно фигурировала в описаниях испанского языка Уругвая. Более того, в ходе анализа были обнаружены носители, в репертуар которых входят глагольные формы тутео.

Вместе с тем некоторые респонденты заявили, что в их речи *vos* – единственное местоимение неформального обращения. Такая местоименная система (*vos – usted*; Sistema pronominal IV), характерная для риоплатского лингвистического региона, по всей видимости, будет укреплять свои позиции в уругвайской столице: ряд исследователей обращает внимание на тенденцию к вытеснению *tú*.

Кроме того, часть носителей, использующих в речи *vos* и *tú*, столкнулась с проблемами при попытке описать разницу между двумя местоимениями, что даёт основания

предполагать возможность существования в Уругвае системы Ша, в которой между ними отсутствует чёткое функциональное разделение. Подобное предположение высказывалось также в исследовании, проведённом на материале 12 интервью из того же корпуса [Shively, 2016, p. 248], однако оно нуждается в проверке.

Наконец, анализ выявил и другие формы (такие, как *che* и *vo / bo*), использующиеся в уругвайском национальном варианте испанского языка для обращения к собеседнику. Рассмотрение особенностей их употребления, однако, не входило в задачи исследования.

Осознавая принципиальные ограничения настоящего исследования (анализ мета-языкового восприятия говорящих не может подменять собой анализ языковой реальности; следует также учитывать фактор временной амортизации материала), мы, тем не менее, убеждены, что его результаты окажутся полезными в дальнейшем изучении особенностей использования местоименных и глагольных форм в испанском языке Уругвая. Ответы на вопросы, поставленные здесь, могут быть получены с помощью экспериментальных исследований спонтанной речи.

References

1. Bertolotti V., Coll M. 2006. Apuntes sobre el español en el Uruguay: historia y rasgos caracterizadores [Notes on Spanish in Uruguay: history and characterizing features]. *Ámbitos*, 16: 31–40. (in Spanish)
2. Carvalho A.M. 2010. ¿Eres de la frontera o sos de la frontera? Variation and alternation of second-person verbal forms in Uruguayan border Spanish [Eres de la frontera o sos de la frontera? Variation and alternation of second-person verbal forms in Uruguayan border Spanish]. *Southwest Journal of Linguistics*, 29: 1–23. (in English)
3. Costa B., da Conceição C. 2011. La variación de las fórmulas de tratamiento de segunda persona del singular en publicidades de Montevideo [The variation of the formulas for treating the second person singular in advertisements in Montevideo]. *Diadorim*, 8: 375–395. (in Spanish)
4. Di Tullio Á., Malcuori M. 2012. Gramática del español para maestros y profesores del Uruguay. Montevideo [Spanish grammar for teachers from Uruguay]. ANEP, 443 p. (in Spanish)
5. Duarte Favaro M. 2011. ¿Y tú de donde sos?: Estudio cualitativo sobre el uso específico del tuteo en el habla montevideana [Where are you from?: Qualitative study on the specific use of tuteo in Montevideo speech]. Available at: <http://diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A427633> (accessed: 01.04.2021) (in Spanish)
6. Elizaincin A. 1992. El español actual en el Uruguay [Current Spanish in Uruguay]. In: Hernández C. (coord.) *Historia y presente del español de América* [History and present of the Spanish of America]. Valladolid, Publ. Junta de Castilla y León: 759–774. (in Spanish)
7. Fontanella de Weinberg M.B. 1999. Sistemas pronominales de tratamiento usados en el mundo hispánico [Pronominal treatment systems used in the Hispanic world]. In: Bosque I., Demonte V. (dirs.), *Gramática descriptiva de la lengua española* [Descriptive grammar of the Spanish language]. Vol. 1. Madrid, Publ. Espasa Calpe: 1404–1405. (in Spanish)
8. Lipski J. 1996. *El español de América* [The Spanish of America]. Madrid, Publ. Cátedra, 446 p. (in Spanish)
9. Moyna M.I. 2015. Voseo / Tuteo Variation in Uruguayan Popular Songs (1960–2010) [Voseo / Tuteo Variation in Uruguayan Popular Songs (1960–2010)]. *Romanische Forschungen*, 127 (1): 3–28. (in German)
10. Moyna M.I. 2017. Strategies of polite address in Uruguayan Spanish: Is tú the new usted? *INAR 4 Helsinki*, June 8–9, 2017. (in English)
11. Moyna M.I., Loureiro-Rodríguez V. 2017. La técnica de máscaras emparejadas para evaluar actitudes hacia formas de tratamiento en el español de Montevideo [The paired mask technique to assess attitudes towards forms of treatment in the Spanish of Montevideo]. *RILL*, 15 (2): 47–82. (in Spanish)
12. PRESEEA. 2014. *Corpus del Proyecto para el estudio sociolingüístico del español de España y de América* [Corpus of the Project for the Sociolinguistic Study of Spanish in Spain and America]. Universidad de Alcalá. Available at: <http://preseea.linguas.net> (дата обращения: 01.04.2021). (in Spanish)

13. RAE-ASALE. 2009. Nueva gramática de la lengua española [New grammar of the Spanish language]. Madrid, Espasa, 4032 p. (in Spanish)

14. Ricci J., Malán de Ricci I. 1962/63. Anotaciones sobre el uso de los pronombres tú y vos en el español del Uruguay [Notes on the use of the pronouns tú and vos in Uruguayan Spanish]. Anales del Instituto de Profesores Artigas, 7–8: 163–166. (in Spanish)

15. Rona J.P. 1967. Geografía y morfología del «voseo» [Geography and morphology of «voseo»]. Pôrto Alegre, Publ. Pontificia Universidade Católica do Rio Grande do Sul, 116 p. (in Portuguese)

16. Shively A. 2016. Voseo, tuteo y ustedeo en el español uruguayo: uso, variación pragmática y cambios generacionales [Voseo, tuteo y ustedeo in Uruguayan Spanish: use, pragmatic variation and generational changes]. IULC Working Papers, 15 (1): 231–256. (in Spanish)

17. Uber D. 2021. “Feel really Uruguayan”. In: (Ed.) Díaz-Campos M., Sessarego S. Aspects of Latin American Spanish Dialectology. John Benjamins Pub. Co.: 29–46. (in English)

18. Weyers J. 2009. The Impending Demise of tú in Montevideo, Uruguay. *Hispania*, 92.4: 829–839. (in English)

19. Weyers J. 2013. Linguistic attitudes toward the tuteo and voseo in Montevideo, Uruguay. *Spanish in Context*, 10 (2): 175–198. (in English)

20. Weyers J., Canale G. 2013. Tuteo and voseo in the classroom: Linguistic attitudes among Montevidean educators. *Spanish in Context* 10 (3): 371–389. (in English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стефанчиков Игорь Вячеславович, аспирант кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor V. Stefanchikov, Post-Graduate Student, Department of Ibero-Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

УДК 811.111`253`20`
DOI 10.52575/2712-7451-2021-40-2-292-300

Определение статуса внутриязыкового перевода в XXI веке

Стрельцов А.А.

Южный федеральный университет
Россия, 344006, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д.105
Email: al-astr@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрено понятие «внутриязыковой перевод», которое пока ещё не получило должного обоснования и признания в отечественной лингвистике, поскольку сам термин появился в русскоязычной научной литературе около двух десятков лет назад. В последнее десятилетие число публикаций по указанной проблеме растёт, что свидетельствует о её актуальности. Показано, что внутриязыковой, или интралингвистический, перевод подразделяется на два вида – диахронический, предполагающий перевод текстов, созданных сотни лет назад на предшествующих этапах развития какого-либо языка, на современный язык, и синхронический. Последний, в свою очередь, бывает межвариантным, учитывающим диалектные различия внутри одного языка, и нормализующим, ориентированным на социолекты. Показано, что внутриязыковой перевод следует отличать от другого вида языкового посредничества, адаптации, поскольку переводчик подвергает текст переработке на разных уровнях, не ограничиваясь заменой отдельных устаревших лексем.

Ключевые слова: перевод, адаптация, внутриязыковой, межъязыковой, диахронный, синхронный

Для цитирования: Стрельцов А.А. 2021. Определение статуса внутриязыкового перевода в XXI веке. Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 40 (2): 292–300. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-292-300

Intralingual translation in the XXIst century: determining the status

Aleksey A. Streltsov

Southern federal university
105 Big Sadovaya St, Rostov-on-Don, Rostov Region, 344006, Russia,
Email: al-astr@yandex.ru

Abstract. The article deals with the notion of intralingual translation, once obscure, that has been of use in own country for some two decades. Consequently, it has not received the acknowledgement of Russian linguists it deserves. However, a number of prominent linguists have paid attention to this phenomenon, among them V.N. Komissarov, V.S. Vinogradov, A.N. Parshin and L.L. Nelyubin. But they have given only definitions and the general idea and, besides, over fifteen years have elapsed since then. Fortunately, the growing number of articles, published in Russian journals and conference proceedings in the last decade is an index of its topicality. Intralingual translation can be either diachronic or synchronic, the latter falls into interdialectal and normalising, considering texts in jargon or slang. Intralingual translation differs from adaptation in that it concerns in-depth transformation of the text, and not only replacement of archaic words with modern ones. Diachronic translation is all about old texts, written in the same language at one of its earlier stages, and translated into a modern tongue, in particular translation of middle English texts, such as “The Canterbury tales”, into present-day English, whereas contemporary fiction has been investigated to a lesser degree, which opens up a wide field of study as regards the Russian language, as well as the “modernization” of the works fiction, written in the previous centuries, as well as “politically correct” changes. Of particular interest is the translation of a text from one genre or functional style to another. We believe that the present article will make a valuable contribution to translation studies in our country, for it is the first one that sums up everything that was done by Russian linguists on the topic. We, on our part, have scrutinized the available scientific papers and given an analysis of the phenomena. The

study of intra-lingual translation undertaken by foreign linguists requires special attention, that will be done in a separate article.

Key words: translation, adaptation, interlingual, intralingual, diachronic, synchronic

For citation: Streltsov A.A. 2021. Intralingual translation in the XXIst century: determining the status. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 40 (2): 292–300 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-2-292-300

Введение

В последние десять лет в российских журналах всё чаще стали появляться статьи, посвящённые проблеме, которая на первый взгляд представляется не стоящей внимания, а само её название – оксюмороном: «внутриязыковой перевод». Прежде чем отвести саму возможность подобного явления, необходимо выяснить, когда и при каких условиях оно появилось в российском переводоведении.

Автором данного термина является российский лингвист и литературовед Роман Осипович Якобсон, который жил и преподавал в Чехословакии, а с началом Второй мировой войны эмигрировал в США. Здесь он в 1959 году опубликовал статью «О лингвистических аспектах перевода», в которой допустил возможность существования не только межъязыкового перевода, а и внутриязыкового, и дал определение внутриязыкового перевода как интерпретации вербальных знаков с помощью других знаков того же языка. В нашей стране эта публикация долгое время оставалась неизвестной, и до начала XX века не влияла на становление отечественной переводоведческой мысли, но последние десять лет отдельные исследователи, обращающиеся к данной проблеме, считают своим долгом хотя бы одним предложением упомянуть о её существовании.

Результаты и обсуждение

Само слово «внутриязыковой» отмечается ещё в работах советских языковедов как антоним терминам «экстралингвистический» и «межъязыковой», но впервые в рассматриваемом сочетании встречается в теме диссертационного исследования Журавлева [2003]; тогда же Нелюбин, дал определение термина «диахронический интралингвальный перевод», как преобразования литературных произведений предыдущих эпох [2003, с. 46].

Впрочем, это понятие в неявном виде было представлено несколько ранее в учебнике профессора Виноградова. Известный советский и российский лингвист признавал существование синхронных и диахронных переводов, хотя и делал оговорку «с теоретической точки зрения». Разграничить их он предлагал с помощью двух взаимосвязанных критериев: «эпоха» создания оригинала и перевода и соотносительность уровней языка: если оба текста выполнены современниками, речь идёт о синхронном, если же временная дистанция велика, то о диахронном переводе [Виноградов, 2001]; несколько ранее близкую точку зрения озвучивали В.Н. Комиссаров [1990] и А.Н. Паршин [1999]. Обобщая всё высказанное по этому вопросу тремя известными отечественными переводоведами, а также ведущими специалистами по данному вопросу О.А. Журавлевой и Г.Т. Хухуни [Журавлева, 2013; Хухуни, Осипова, 2014], можно охарактеризовать диахронический перевод как передачу средствами современного языка оригинального текста, написанного на языке другой исторической эпохи, в которую он был создан [Комиссаров, 1990; Паршин, 1999; Виноградов, 2001; Журавлева, 2013; Хухуни, Осипова, 2014].

Следует оговориться, что термин «диахронный (диахронический)» может употребляться по отношению к переводу произведений предшествующих исторических эпох на другой язык, то есть, является частным случаем привычного перевода, и тогда к нему относится как перевод клинописных табличек и древнеегипетских папирусов, так и античной, средневековой и ренессансной литературы, но обычно тождественен термину «внут-

языковой перевод». Например, с древне- на новогреческий («Илиада» и «Одиссея»), древнерусского на современный русский язык («Слово о полку Игореве»), средневерхненемецкого на современный немецкий язык («Песня о Нибелунгах») и с древне- и среднеанглийского на современный английский язык: чаще всего это «Беовульф» и «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера, но также сюда же можно добавить «Церковную историю...» Беды и предисловие короля Альфреда к переводу «Пастырской заботы» Григория Великого [Сидоренко, 2013; Чулкова, 2015; 2017] (впрочем, последние работы представляют интерес скорее в плане этимологии и истории языка).

Перед переводчиком-диахронистом в обоих случаях стоят одинаковые задачи:

- 1) учесть естественную архаизацию языка художественных произведений, которая влияет на их восприятие;
- 2) посредством использования слов и оборотов, хотя и понятных для современного читателя, но малоупотребительных и воспринимаемых как устаревшие, отразить в переводе временную отдаленность оригинала;
- 3) избегать слова и сочетания, несовместимые с тем временным периодом, когда был создан оригинал;
- 4) посредством разноуровневых языковых средств создать впечатление соотносительности текста перевода с прошлым (стилизации и архаизация) [Комиссаров, 1990; Виноградов, 2001].

Внутриязыковой перевод нужен для сохранения лингвокультурной преемственности, обеспечения доступа читателя-современника к значимому литературному наследию прошлого посредством переложения исходного текста в рамках одного и того же языка с сохранением его содержания [Сидоренко, 2013; Масленникова, 2015; Скроцкая, 2017].

Трудности диахронического внутриязыкового перевода разобраны в статьях многих исследователей [Sidorenko, 2011; Сидоренко, 2013; Журавлева, 2013,] на примере последнего неоконченного произведения Дж. Чосера, которое привлекает особое внимание, являясь знаковым в истории английской литературы. Особое внимание уделялось адекватной передаче лексики.

Выделяются три группы слов:

- 1) вышедшие из употребления: eek – также, hethenesse – языческие страны, wight – живое существо, reyse(n) – ехать на войну; путешествовать (последнее будет отчасти понятно только тому, кто владеет родственными языками: нем. reisen, дат. rejse, нид. reis) – наличие нескольких таких слов в предложении делает его полностью непонятным даже для носителя языка. (С другой стороны, в тексте есть немало предложений, которые поймёт даже тот, кто не владеет языком в совершенстве: And many another delit ablesighte ... – ... and manyo ther de light fulsights);
- 2) устаревшие слова;
- 3) слова, внешне похожие на те, что знакомы современному читателю, однако значение изменилось в следствие диахронического варьирования лексики (мы предлагаем их назвать диахроническими «ложными друзьями переводчика», или темпорально-асимметричными лексемами, – относить их к диалексемам, а также псевдо- или квазиинтернационализмам нельзя в силу внутриязыкового характера явления)

Например, глагол defend в XIV веке имел значение «предотвращать, запрещать», а слово harlot, которое в XIII веке относилось к мужчине и имело значение «бродяга, мошенник», позднее «бродячий шут; слуга; парень», и только в XV веке приобрело значение «проститутка».

Слово bachelor, означалоне «холостяк», а «молодой рыцарь, который выступал под знаменем другого феодала».

Французское заимствование “*coirage*” в XIII веке имело значение «сердце какместилище чувств, духа». В следующем веке оно изменилось на «намерение» и «храбрость».

Эта особенность может проявляться как полностью, так и частично, если слово имеет устаревшее значение и современное. Подобные слова есть и в русском языке, причём сейчас зачастую они используются как бранные: «негодяй» – не годный к военной службе, «подонок» – остаток жидкости с осадком, «подлый» – плебейский, «вор» – государственный преступник; в старинных текстах иногда встречаются семантические архаизмы, которые могут вызвать у современного читателя «лингвистический шок» – в частности, покажутся непристойными: задница ей мужня не надобе.

Отдельно следует рассматривать слова, сохранившие свое лексическое значение, но подвергшиеся «функциональной маргинализации», и которые в современном языке употребляются только в определенном функциональном регистре – поэтическом, возвышенном, сниженном, шутливом, либо в определенном языковом варианте (диалекте). Например, глагол «книжный» *wend* в современном английском языке встречается только в составе словосочетания *towen done’sway*, и в переводе его можно заменить на «нейтральное» *mak eway* [Скροцкая, 2017, с. 73].

Слова подвергаются морфологической адаптации: *hath* и *hast* становятся *has* и *have*, а модальные глаголы *mayst* и *dorste* – соответственно *may* и *dared*, *priketh* заменяется на *pricks*, *seith* – на *says* и т.д. То же происходит и с местоимениями: *hem* и *hir* заменяются современными *them*, *their*, а *thou*, *thee*, *thyn* – на *you* и *your*. Свои замены специфичны для языка XVI века: окончание *-e* в словах *doe*, *steale*, *feare* и т. д., *to be* в настоящем времени 3 л. имеет написание *ere*: *Thoucanstnot*, *Nay*, *ifthou* [Скροцкая, 2017].

Меняется порядок слов и сам строй предложения – с синтетического на аналитический, подвергаются адаптации графика и орфография: *P – th*, *з – g*, *æ – a*, *ē – ee*, *ō – oo*, *v – u*, например, *diuel – devil*. Ещё пример: *my Miferf fee yes are Rauen blacke* из известного 127 сонета Шекспира, – начертание буквы «s» изменилось, а нарицательные существительные больше не пишут с прописной буквы. В русском языке при работе с дореволюционными текстами завершающая «ять» опускается или заменяется на «е» [Масленникова, 2015].

Возникает вопрос, насколько «старым» должен быть текст, чтобы его (внутриязыковой) перевод считался диахроническим? Как указывает Шамова [2008, с. 82], должно пройти по меньшей мере полтора-два века. Иначе говоря, переводу подлежит вся литература, не утратившая своего значения, вплоть до эпохи романтизма включительно.

Проблема не только языковая, но и методическая: «...большую часть школьной программы по литературе составляют произведения, написанные в далёкую от нашей современности эпоху...» [Тютюнщикова, 2016, с. 154]. Поскольку литературные произведения наполнены устаревшей лексикой и сложны для чтения и понимания, есть лишь одно решение – диахронический перевод. Только так, по нашему мнению, можно сохранить для (современного? Юного?) читателя русскую классику.

Получается, футуристы были правы, правда, с позиции уже нашего времени, заявляя, что «Пушкин непонятнее иероглифов». В таком случае можно рекомендовать знакомить подрастающее поколение со «Сказкой о кинге-салтане» или каким-либо другим «модернизированным» пересказом известного произведения великого поэта; также в сети можно найти скабрёзный перевод его «Евгения Онегина». Некоторые авторы в этой связи признают, что «вопрос о статусе диахронического перевода вряд ли имеет однозначное решение» [Хухуни, Осипова, 2014, с. 60].

Перевод текстов, написанных менее века назад, следовательно, является синхроническим. Чаще всего внутриязыковой синхронической перевод является межвариантным. Это «перевод текста, созданного на одном из национальных или территориальных вариантов языка, языковыми средствами, которые являются нормативными для другого национального или территориального варианта этого же языка» [Сидоренко, 2013, с. 199]. Чаще всего имеется в виду «американизация» тех или иных произведений британской литературы.

Самым известным является перевод книг о Гарри Поттере, рассчитанный на юных американцев. Так, были произведены синонимические замены, при которых лексема («бритицизм») заменяется на другую, обладающую идентичным значением, но являющуюся более предпочтительной в переводящем варианте («американизм»).

Такие слова, как *trolley*, *icelolly*, *crumpets*, *fringe*, *multi-storeycarpark*, *chang in groom*, *welling to nboots* встречаются преимущественно в оригинальном варианте. В американском тексте им соответствуют *cart*, *icerop*, *English muffins*, *bangs*, *rubber boots* и т.д. Иногда изменения проявлялись на уровне предложения: в британской версии Гарри вежливо говорит профессору зельеварения: “I think Hermione knows the answer, why don't you try her?”, а в американской: “Clearly Hermione knows the answer. You ought to ask her”. Изменилось даже название первой книги: вместо *philosopher's – sorcerer's stone* [Сидоренко, 2013; Рогалева, 2017], а также на сайте [Harry Potter..., 2020].

Ещё одной разновидностью синхронного внутриязыкового перевода является «нормализация», которая может проявляться двояко. Например, американская версия романа Ч. Диккенса «Мартин Чезлвит», была лишена некоторых своих отрывков, содержащих нелестные комментарии автора об американцах [Рогалева, 2017, с. 154]. Таким образом, в тексте, который читатели могли считать оскорбительным, были сделаны некоторые изменения. В XX веке это явление получило название «политкорректность». Некоторые отечественные исследователи полагают, что «политическую корректность в языке следует рассматривать как особую разновидность внутриязыкового перевода» [Орлова, 2015, с. 50], т.е. как частичные синонимы.

Самым известным примером переименования уже существующих названий, реалий в художественном произведении является роман британской писательницы Агаты Кристи «Десять негрятят» (*Ten Little Niggers*), написанный в 1939 году: в заголовке и по тексту слово *Niggers* (негрятя) было заменено на *Indians* (индейцы), а для американской аудитории он был переименован в “*And Then There Were None*” («И потом никого не стало»). Интересно, что как впоследствии и с первой частью произведения Роулинг, это было сделано с согласия автора; полвека спустя «негрятят» и в британском переиздании романа всё-таки заменили на «индейцев». В Германии изначально роман вышел под названием “*10 Negerlein*” («10 негрятят»), но уже в последнем переиздании (2003) претерпел изменение: «*Und dann gab's keine mehr*» («А потом там никого не стало») [Касымбекова, 2018], [Касымбекова, 2019].

Нормализующим синхронным переводом также является приведение субстандартной (диалектной, жаргонной, сленговой) лексики «в соответствие с нормами национального литературного языка» [Сидоренко, 2013, с. 201]. Примером этого может служить известная фраза из к/ф «Джентльмены удачи», которую главарь банды Доцент заставляет бандита по кличке Косой передать средствами литературного русского языка, или обратный перевод начальных строк известного романа в стихах на воровское арго: «Мой дядя, п...». Также можно сослаться на перевод с «матерного языка на командный» [anecdote].

Наличие большого количества англоязычных заимствований в речи, особенно в речи молодёжи, делает её малопонятной для представителей старшего поколения. Мы уже ранее приводили примеры таких сообщений [Стрельцов, 2019].

Язык программистов также представляет сложность для неспециалистов: «Вы так же, как и я часто фиксите проги или аппы, чтобы они не лагали на вашем девайсе или гаджете». – Вы так же, как и я часто устраняете неполадки в работе программ и приложений на ваших цифровых устройствах. Почти все знаменательные части речи в первом предложении будут понятны большинству русскоговорящих в той же мере, как и пресловутая «глокая куздра...» академика Л.В. Щербы.

И, наконец, можно вспомнить известную лингвистическую задачу, якобы придуманную будущим академиком А.А. Зализняком в кулуарах лингвистической олимпиады для школьников в 1965 году, про вербальную реакцию шофёра самосвала на то, что его

подрезал водитель мотороллера. Впрочем, в данном случае речь идёт, скорее, о переложении содержания высказывания, поскольку имеет место непропорциональная замена всех структурных элементов предложения.

Заключение

Следует отметить, что мы не можем согласиться со следующими утверждениями:

1) «феномен внутриязыкового перевода продолжает оставаться на периферии современных переводоведческих исследований» [Сидоренко, 2013, с. 194], – хотя оно и было справедливо на момент написания статьи, но за последующие пять лет ситуация изменилась, о чём свидетельствует целый ряд публикаций 2014–2019 гг., представленных в списке литературы к настоящей статье.

2) «диахронический перевод несёт в себе отдельные черты внутриязыкового перевода» [Масленникова, 2015, с. 292], – как внутри-, так и межъязыковой перевод может быть диахроническим как следствие «межхронологической коммуникации» [Хухуни, Осипова, 2014, с. 54].

3) спорной представляется идея сопровождать внутриязыковой перевод постраничными комментариями «с целью снятия возникающих интраязыковых лакун» [Масленникова, 2015, с. 289], – это свидетельствует о том, что текст скорее подвергся какому-то виду обработки, но не был переведён.

Мы согласны с утверждением о «практической нераспространенности... и неопределенности и дискуссионном характере самого термина» [Сидоренко, 2013, с. 194] – как отмечает А.О. Журавлева, имеет место «проблема соотношения понятий «внутриязыковой перевод», «интерпретация» и «адаптация»: «необходимость проведения определенных модификаций при переводе... на современный... язык сближает внутриязыковой перевод с адаптацией», поскольку «в основе и адаптации и внутриязыкового перевода лежит интерпретация, как выражение понимания оригинального текста с помощью языковых средств, как его субъективно-оценочное, индивидуализированное «перевыражение». Адаптация включает ряд процедур обработки текстов, нацеленных на облегчение их восприятия и понимания реципиентами, и может охватывать различные преобразования: сокращение или расширение исходного текста, лексические и грамматические замены и т. д. [Журавлева, 2015, с. 46-47]. Следует добавить, что перевод тоже делает доступным текст для тех, кто не знает (плохо владеет) языком оригинала, но ориентирован на внесение в текст оправданных лексических, грамматических и орфографических изменений, модернизацию (осовременивание) хронологически отдалённого текста в соответствии с требованиями современного языка, а не на изменение его смысловой структуры или размеров.

Также мы разделяем точку зрения В.А. Скроцкой, что «внутриязыковой перевод оказывается также нужен и важен, как и межъязыковой перевод» [Скроцкая, 2017, с. 76]. Разница между ними, по сути, лишь в том, что «при внутриязыковом переводе... переводчик относится к тому же культурноязыковому коллективу, что и автор текста» [Журавлева, 2013, с. 97]. При этом оба вида перевода могут быть диа- и синхронными, а синхронный нормализующий перевод мы склонны относить к адаптации – другому виду языкового посредничества, поскольку речь в этом случае идёт или о замене отдельных слов, или о создании другого текста, имеющего с оригинальным мало общего, за исключением формы, имён персонажей и общей сюжетной линии.

Список источников

1. Нелюбин Л.Л. 2003. Толковый переводческий словарь. М., Флинта, Наука, 320 с.
2. Harry Potter: 12 Differences Between The Sorcerer's Stone And The Philosopher's Stone. 2020. SCREENRANT. Available at: <https://screenrant.com/harry-potter-philosopher-sorcerer-stone-differences/> (accessed: 18.09.2020).

Список литературы

1. Виноградов В.С. 2001. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., Издательство института общего среднего образования РАО, 224 с.
2. Журавлева О.А. 2003. Структурно-семантические особенности внутриязыкового перевода (на материале «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера и их переводов на современный английский язык). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 20 с.
3. Журавлева О.А. 2013. К вопросу о переводческих ошибках при внутриязыковом переводе. Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9: Филология, востоковедение, журналистика, 1: 97–101.
4. Журавлева О.А. 2015. Теоретические проблемы внутриязыкового перевода. Апробация, 1 (28): 46–50.
5. Касымбекова А.А. 2018. Политкорректность и перевод: внутриязыковой и межъязыковой. В кн. Global Science. Development and Novelty. Collection of scientific papers on materials VII International Scientific Conference, Madrid, February 28. Part 2. Научно-издательский центр "Л-Журнал": 57–61.
6. Касымбекова А. А. 2019. О внутриязыковом переводе в условиях поликультурности и диахронии. Вестник московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика, 2: 117–127.
7. Комиссаров В.Н. 1990. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., Высшая школа, 253 с.
8. Костина К.И., Подгаец А.М. 2016. Сопоставительный анализ особенностей поэтического и прозаического внутриязыкового перевода древнеанглийского эпоса «Беовульф». В кн.: Вестник молодых ученых ПГНИУ. Под ред. Р.Р. Гильмутдинова. Вып. 6. Пермь: 223–228.
9. Масленникова Е.М. 2015. Внутриязыковой перевод как способ интерпретации вербальных знаков. Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты, 30: 289–294.
10. Орлова О.С. 2015. Языковой аспект политической корректности как внутриязыковой перевод. Вестник московского института лингвистики, 1: 48–55.
11. Паршин А.Н. 1999. Теория и практика перевода. СПб., СГУ, 202 с.
12. Рогалева О.О. 2017. Феномен межвариантного перевода (на материале романов Дж.К. Роулинг). В кн.: Актуальные вопросы филологической науки XXI века. Сб. статей VI Международной научной конференции молодых ученых. Екатеринбург, Издательство УМЦУПИ: 152–158.
13. Сидоренко С.И. 2013. К вопросу о статусе и типологии внутриязыкового перевода. В кн.: Язык и культура в эпоху глобализации. Сборник научных трудов по материалам Первой международной научной конференции, Санкт-Петербург, 26 марта 2013 г. В 2-х томах. Т. 2. Санкт-Петербург, Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета: 194–202.
14. Скроцкая В.А. 2017. Перевод сонетов У. Шекспира как смена кода в диахронии и синхронии. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых, 15: 73–77.
15. Стрельцов А.А. 2019. Нарушения перекодировки при контакте английского языка с русским (при переводе и заимствовании). Ростов-на-Дону, Изд-во Южного федерального ун-та, 178 с.
16. Тютюнщикова О.В. 2016. Современное восприятие историзмов и архаизмов: к вопросу о внутриязыковом переводе (на материале романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»). Перевод, реклама и PR в современной коммуникации, 1: 152–157.
17. Хухуни Г.Т., Осипова А.А. 2014. Внутриязыковой диахронический перевод: проблема статуса. В кн. Прикладная лингвистика. Терминоведение. М., МГПУ: 53–61.
18. Чулкова Е.А. 2015. Diachronic translation of compound words in the English language (based on the Old English texts and their translations into modern English). LATEUM 2015 Research and Practice in Multidisciplinary Discourse. Под ред. Е.В. Михайловской. М., Университетская книга: 237–242.
19. Чулкова Е.А. 2017. Диахронический перевод сложных наименований английского языка (на материале древнеанглийских текстов и их перевода на современный английский язык). В кн. Методологические основы исследования когниции и коммуникации в современной

лингвистике. Сборник научных трудов в честь доктора филологических наук, профессора Ларисы Александровны Манерко. Под ред. В.А. Богородицкой, А.А. Шарапковой. Москва, ООО «Макс-Пресс»: 170–179.

20. Шамова Н.В. 2008. Диахронический перевод как адаптация текста, дистанцированного во времени. Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2-1: 82–85.

21. Sidorenko S.I. 2011. Rewriting Chaucer: Some Dimensions of Middle English – Modern English translation. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 4 (10): 1462–1472.

References

1. Vinogradov V.S. 2001. Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy) [Introduction to Translation Studies (general and lexical questions)]. M., Publ. Instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO, 224 p.

2. Zhuravleva O.A. 2003. Strukturno-semanticheckie osobennosti vnutyazykovogo perevoda (na materiale «Kenterberyskikh rasskazov») Dzh. Chosera i ikh perevodov na sovremennyy angliyskiy yazyk) [Structural and Semantic Features of Intralingual Translation (Based on The Canterbury Tales by J. Chaucer and Their Translations into Modern English)]. Abstract dis. ... Cand. philol. sciences. Sankt-Peterburg, 20 p.

3. Zhuravleva O.A. 2013. K voprosu o perevodcheskikh oshibkakh pri vnutyazykovom perevode [On the Question of Translation Errors in Intralingual Translation]. Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism, 1: 97–101.

4. Zhuravleva O.A. 2015. Teoreticheskie problemy vnutyazykovogo perevoda [Theoretical Problems of Intralingual Translation]. Aprobatsiya, 1 (28): 46–50.

5. Kasymbekova A.A. 2018. Politkorrektnost' i perevod: vnutyazykovoy i mezh"yazykovoy [Political Correctness and Translation: Intralingual and Interlanguage]. In: Global Science. Development and Novelty. Collection of scientific papers on materials VII International Scientific Conference, Madrid, 28 fevralya. Part 2. Publ. Nauchno-izdatel'skiy tsentr "L-Zhurnal": 57–61.

6. Kasymbekova A. A. 2019. O vnutyazykovom perevode v usloviyakh polikul'turnosti i diakhronii [On Intralingual Translation in the Context of Multiculturalism and Diachrony]. Bulletin of the MSRU. Series: linguistics, 2: 117–127.

7. Komissarov V.N. 1990. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Translation theory (linguistic aspects)]. M., Publ. Vysshaya shkola, 253 p.

8. Kostina K.I., Podgaets A.M. 2016. Sopostavitel'nyy analiz osobennostey poeticheskogo i prozaicheskogo vnutyazykovogo perevoda drevneangliyskogo eposa «Beovulf» [Comparative analysis of the peculiarities of the poetic and prosaic intralingual translation of the Old English epic "Beowulf"]. In: Vestnik molodykh uchenykh PGNIU [Bulletin of young scientists PSNIU]. Ed. R.R. Gil'mutdinov. Perm': 223-228.

9. Maslennikova E.M. 2015. Vnutyazykovoy perevod kak sposob interpretatsii verbal'nykh znakov [Intralingual translation as a way of interpreting verbal signs]. Inostrannyye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty, 30: 289–294.

10. Orlova O.S. 2015. Yazykovoy aspekt politicheskoy korrektnosti kak vnutyazykovoy perevod [Linguistic Aspect of Political Correctness as Intralingual Translation]. Vestnik moskovskogo instituta lingvistiki, 1: 48–55.

11. Parshin A.N. 1999. Teoriya i praktika perevoda [Theory and Practice of Translation]. SPb., Publ. SGU, 202 p.

12. Rogaleva O.O. 2017. Fenomen mezhvariantnogo perevoda (na materiale romanov DZh.K. Rouling) [The phenomenon of interviant translation (based on the novels of J.K. Rowling)]. In: Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka. Sbornik statey VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh. Ekaterinburg, Publ. UMTsUPI: 152–158.

13. Sidorenko S.I. 2013. K voprosu o statuse i tipologii vnutyazykovogo perevoda [On the issue of the status and typology of intra-lingual translation]. In: Yazyk i kul'tura v epokhu globalizatsii [Language and culture in the era of globalization]. Collection of scientific papers based on the materials of the First International Scientific Conference, St. Petersburg, March 26, 2013. In 2 volumes. Vol. 2. Sankt-Peterburg, Publ. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy ekonomicheskii universitet: 194–202.

14. Skrotskaya V.A. 2017. Perevod sonetov U. Shekspira kak smena koda v diakhronii i sinkhronii [Translation of W. Shakespeare's sonnets as a change of code in diachrony and synchrony]. Science Journal of Volgograd State University Young Scientists' Research, 15: 73–77.
15. Strel'tsov A.A. 2019. Narusheniya perekodirovki pri kontakte angliyskogo yazyka s russkim (pri perevode i zaimstvovanii) [Violations of recoding when contacting English with Russian (when translating and borrowing)]. Rostov-na-Donu, Publ. Yuzhnogo federal'nogo un-ta, 178 p.
16. Tyutyunshchikova O.V. 2016. Sovremennoe vospriyatie istorizmov i arkaizmov: k voprosu o vnutriyazykovom perevode (na materiale romana A.S. Pushkina «Evgeniy Onegin») [Modern perception of historicisms and archaisms: on the issue of intra-lingual translation (based on the novel by Alexander Pushkin "Eugene Onegin")]. Perevod, reklama i PR v sovremennoy kommunikatsii, 1: 152–157.
17. Khukhuni G.T., Osipova A.A. 2014. Vnutriyazykovoy diakhronicheskiy perevod: problema statusa [Intralingual diachronic translation: the problem of status]. In: Prikladnaya lingvistika. Terminovedenie [Applied linguistics. Terminology]. Sbornik nauchnykh statey. M., Publ. MGPU: 53–61.
18. Chulkova E.A. 2015. Diachronic translation of compound words in the English language (based on the Old English texts and their translations into modern English) [Diachronic translation of compound words in the English language (based on the Old English texts and their translations into modern English)]. LATEUM. 2015. Research and Practice in Multidisciplinary Discourse. Ed. E.V. Mikhaylovskaya. M., Publ. Universitetskaya kniga: 237–242.
19. Chulkova E.A. 2017. Diakhronicheskiy perevod slozhnykh naimenovaniy angliyskogo yazyka (na materiale drevneangliyskikh tekstov i ikh perevoda na sovremenny angliyskiy yazyk) [Diachronic translation of complex names of the English language (based on Old English texts and their translation into modern English)]. In: Metodologicheskie osnovy issledovaniya kognitsii i kommunikatsii v sovremennoy lingvistike [Methodological foundations of the study of cognition and communication in modern linguistics]. Eds. V.A. Bogoroditskaya, A.A. Sharapkova. M., Publ. Maks-Press: 170–179.
20. Shamova N.V. 2008. Diakhronicheskiy perevod kak adaptatsiya teksta, distantsirovannogo vo vremeni [Diachronic translation as an adaptation of a text distanced in time]. Herald of the Vyatka State Humanities University, 2-1: 82–85.
21. Sidorenko S.I. 2011. Rewriting Chaucer: Some Dimensions of Middle English – Modern English translation. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 4 (10): 1462–1472.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стрельцов Алексей Александрович, доцент, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey A. Streltsov, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Translation and Information Technologies in Linguistics, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia